Г97 2/33
X

№ 7.

ЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССІИ
БНАГО ОТДѢЛА О-ВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ТЕХНИЧ. ЗНАНІЙ.

К. В. СИВКОВЪ

ПУТЕШЕСТВІЯ
РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ ЗА ГРАНИЦУ
ВЪ XVIII ВѢКѢ.

1914.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПО-ЛИТОГРАФІИ „ЭНЕРГІЯ".
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ЗАГОРОДНЫЙ ПРОСП., 17.

97 2/33 99173

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССІИ
Учебнаго Отдѣла Общества Распространенія Техническихъ Знаній.

43/96

ПУТЕШЕСТВІЯ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ ЗА ГРАНИЦУ ВЪ XVIII в.

СОСТАВИЛЪ К. В. СИВКОВЪ.

Книгоиздательство типо-литографіи „ЭНЕРГІЯ“
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ЗАГОРОДНЫЙ ПРОСП., 17.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
13896-30

Госуд. публичная
в читальных залах
библиотека РСФСР

БИБЛИОТЕКА
№ 13896
30-V 1930

Типо-литографія «Энергія», Спб., Загородный пр., 17.

Оглавленіе.

	стр.
Путешествія русскихъ людей за границу въ XVIII вѣкѣ. Вступительный очеркъ **К. В. Сивкова**	5—26
Изъ „Статейнаго списка посольства Б. П. Шереметева“	27
Изъ „Журнала путешествія по Германіи, Голландіи и Италіи въ 1697—99 гг.“	35
Изъ „Путешествія стольника Петра Андреевича Толстого 1697—99 гг.“	39
Изъ „Описанія поѣздки гр. А. А. Матвѣева въ Парижъ въ 1705 г.“	50
Изъ „Дневника и путевыхъ замѣтокъ кн. Б. И. Куракина“	53
Изъ „Письма кн. М. Голицына изъ-за границы въ 1711 г.“	60
Изъ „Записокъ“ И. И. Неплюева	61
Изъ „Записокъ“ гр. А. Р. Воронцова	66
Изъ „Записокъ А. Т. Болотова 1758—1760 гг.“	70
Изъ „Житія Ѳедора Васильевича Ушакова“ А. Н. Радищева	75
Изъ „Журнала путешествія Н. А. Демидова (1771—73 гг.)“	78
Изъ воспоминаній и писемъ кн. А. Б. Куракина (1770—72 гг.)	83
Изъ „Записокъ“ кн. Е. Р. Дашковой	92
Изъ „Писемъ Д. И. Фонвизина къ гр. Н. И. Панину“	96
Изъ „Путешествія по Пруссіи гр. Ѳ. В. Ростопчина“ (1786 г.)	109
Изъ „Воспоминаній“ В. И. Зиновьева	113
Изъ „Писемъ русскаго путешественника“ Н. М. Карамзина	120

Путешествія русскихъ людей за границу въ XVIII вѣкѣ.

Среди мемуаровъ и всякаго рода записокъ людей XVIII вѣка отдѣлъ воспоминаній о ихъ заграничныхъ путешествіяхъ занимаетъ очень скромное мѣсто. Объясняется это, съ одной стороны, тѣмъ, что путешествія за границу только стали развиваться въ XVIII столѣтіи, лишь къ концу его сдѣлавшись почти обязательными для людей высшаго круга, какъ средство закончить образованіе, расширить умственный кругозоръ и пріобрѣсти бо́льшую, какъ говорили при Петрѣ Великомъ, „людскость“. Съ другой стороны, лишь немногія путешествія описывались и потомъ печатались, такъ какъ наша литература того времени вообще, а этотъ видъ ея въ особенности, находились еще въ періодѣ образованія, когда у насъ еще не было вполнѣ выработаннаго литературнаго языка и опредѣленныхъ литературныхъ формъ; описать же свое путешествіе — дѣло нелегкое, и потому немудрено, что тогда особенно за это брались немногіе.

А между тѣмъ ознакомленіе съ этимъ отдѣломъ путешествій нашей литературы XVIII вѣка чрезвычайно поучительно: путешествія наглядно вскрываютъ міросозерцаніе ихъ авторовъ и тѣмъ самымъ даютъ возможность прослѣдить ту культурную эволюцію, которую пережило русское, по преимуществу дворянское, общество съ начала царствованія Петра Великаго и до вступленія на престолъ Императора Павла.

Можно сказать, что путешествія за границу, какъ образовательное средство, ведутъ свое начало только съ царствованія Петра Великаго. Конечно, русскіе люди бывали за границей и раньше, но это были почти исключительно поѣздки съ дипломатической цѣлью. Такія поѣздки бывали непродолжительны и сводились къ осмотру того, что принято обычно показывать оффиціальнымъ лицамъ; члены нашихъ посольствъ не могли вполнѣ свободно распоряжаться своимъ временемъ пребыванія за границей, не могли близко подойти къ народной жизни и не то, что изучить, но хоть болѣе или менѣе внимательно разсмотрѣть ее, такъ какъ все ихъ поведеніе за границей было точно опредѣлено особымъ наказомъ, который они получали передъ отъѣздомъ. Не разъ къ тому же бывало, какъ, напри-

мѣръ, съ посольствомъ кн. Я. Ѳ. Долгорукова ко двору Людовика XIV въ 1687 году, что наши послы оказывались въ положеніи плѣнниковъ и въ буквальномъ смыслѣ каменной стѣной отгораживались отъ окружавшаго ихъ міра.

Памятниками такихъ посольскихъ путешествій за границу остались такъ называемые „статейные списки“,—сухіе оффиціальные документы, оправдывающіе поведеніе пословъ и разсказывающіе о достигнутыхъ ими дипломатическихъ результатахъ; они важны для дипломатической исторіи, но не имѣютъ значенія для культурной исторіи, такъ какъ писались какъ бы по трафарету (какъ и въ своемъ поведеніи за границей посольство всегда опиралось на обычай и прецеденты), и потому не отражаютъ личности ихъ авторовъ, не говорятъ о томъ, что они видѣли въ пути и за границей, какъ къ видѣнному относились, и какіе результаты для нихъ лично все это имѣло.

Путешествія же частныхъ лицъ за границу до Петра Великаго совсѣмъ не имѣли мѣста, такъ какъ у насъ еще не было сознанія пользы и необходимости такихъ путешествій. Наоборотъ, Западъ былъ на большомъ подозрѣніи, какъ источникъ всякой ереси, какъ постоянная опасность для православія и всѣхъ устоевъ нашей жизни. До Петра Великаго иностранца съ его наукой предпочитали въ случаѣ необходимости выписать къ себѣ, помѣстить его гдѣ-нибудь изолированно и взять отъ него то, что было нужно и не считалось опаснымъ,—чѣмъ ѣхать самимъ за границу и доставать тамъ необходимое. Конечно, русскіе люди попадали за границу и въ XVII вѣкѣ и раньше, но это были случайности, очень часто несчастныя, въ видѣ, напримѣръ, необходимости эмигрировать; такими эмигрантами были, напримѣръ, кн. Курбскій при Иванѣ IV или Котошихинъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Бывали, конечно, за границей наши купцы, но такія спеціальныя поѣздки, и по большей части въ одни и тѣ же мѣста, не могли имѣть большого образовательнаго значенія. Но и такихъ поѣздокъ было немного: Россія только при Петрѣ Великомъ сумѣла „ногою твердой стать при морѣ“, владѣя до того времени лишь короткіе періоды берегами Финскаго залива, сообщенія же по сушѣ съ Западной Европой представляли тогда слишкомъ много неудобствъ, чтобы можно было предпринимать непосредственныя поѣздки на Западъ съ торговыми цѣлями; да это едва ли и было нужно: можно было всегда прибѣгнуть къ посредству польскихъ, литовскихъ, нѣмецкихъ (въ Прибалтійскомъ краѣ) и др. купцовъ, чтобы купить нужное на Западѣ или сбыть туда свой товаръ. При Іоаннѣ Грозномъ, а затѣмъ особенно при Борисѣ Годуновѣ была сознана необходимость ближе изучить западную, хотя бы прикладную, науку у самаго ея источника; съ этой цѣлью

Царь Борисъ отправилъ за границу 18 молодыхъ дворянъ. Можно считать, что это было первое образовательное путешествіе русскихъ людей за границу, но, къ сожалѣнію, мы ничего не знаемъ ни объ этомъ путешествіи, ни о судьбѣ его участниковъ. Затѣмъ со словъ Котошихина, въ его сочиненіи „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича", мы знаемъ, что въ XVII вѣкѣ поѣздки за границу вызывали массу затрудненій и даже приводили къ пыткамъ родственниковъ тѣхъ лицъ, которыя тамъ оставались навсегда. „Благоразумный читатель, говоритъ онъ, чтучи сего писанія не удивляйся. Правда есть всему тому; понеже для науки и обычая въ иныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычаи, начали бъ свою вѣру отмѣнить и приставать къ инымъ, и о возвращеніи къ домамъ своихъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили".

Подтвержденіе справедливости словъ Котошихина мы находимъ у Олеарія. Онъ говоритъ, что одинъ новгородскій купецъ, бывавшій за границей по дипломатическимъ дѣламъ, хотѣлъ оставить своего сына для изученія наукъ въ Германіи, но не получилъ на это разрѣшенія ни отъ Алексѣя Михайловича, ни отъ патріарха [1]).

Бывали, наконецъ, до Петра Великаго еще „хожденія къ святымъ мѣстамъ". но они имѣли особую, специфическую цѣль, а путь туда лежалъ черезъ земли, по большей части пребывавшія во мракѣ невѣжества. Описанія такихъ хожденій составляютъ особый видъ литературы, и нашему разсмотрѣнію подлежать они не будутъ.

Естественно поэтому, что, когда при Петрѣ Великомъ русскіе люди (дворяне) цѣлыми партіями стали ѣздить за границу, все имъ тамъ было ново, необычно и чуждо. Естественно, что они обращали вниманіе на такіе факты, которые ничего особеннаго не представляли для людей позднѣйшихъ поколѣній; такъ, напримѣръ, они постоянно отмѣчаютъ, что дома за границей „строенія каменнаго", что улицы и площади тамъ вымощены, по вечерамъ на улицахъ зажигаютъ фонари, и т. п. Понятно также, что прежде всего они обращали вниманіе на то, что прямо бросалось, такъ сказать, било въ глаза: они подолгу разсматриваютъ какія-нибудь диковинки или прямо уродства въ жизни природы, но проходятъ равнодушными мимо величайшихъ памятниковъ искусства; изъ послѣднихъ ихъ наиболѣе поражаютъ тѣ, которые выдаются среди другихъ своими размѣрами или своей внѣшней, показной роскошью. Они смотрятъ широко раскрытыми глазами, но горизонтъ ихъ зрѣнія узокъ. Они мало интересуются бытомъ, политическими порядками и экономи-

---

[1]) „Современникъ" 1856 г. ст. Пекарскаго о поѣздкѣ гр. Матвѣева за границу, стр. 70.

ческими отношеніями, и совсѣмъ не интересуются западно-европейской наукой, потому что не имѣютъ еще о ней никакого понятія. Но зато они много интересуются западно-европейскими святынями; для многихъ изъ нихъ это почти единственный предметъ наблюденія. Характерно при этомъ, что различіе вѣроисповѣданій не мѣшало русскимъ людямъ такъ же благоговѣйно относиться къ католическимъ церковнымъ реликвіямъ, какъ они относились къ своимъ православнымъ. Они, правда, въ своихъ запискахъ не разъ подчеркиваютъ превосходство православной вѣры надъ католической, называя первую „благочестивой“ и лишая этого эпитета вторую; если въ какомъ-нибудь городѣ есть и греческія православныя церкви и католическія, то они прежде идутъ въ первыя. Такъ, напримѣръ, П. А. Толстой, прибывъ въ Венецію, сначала пошелъ въ ничѣмъ особенно не знаменитую греческую церковь св. Георгія, а потомъ уже—въ знаменитый соборъ св. Марка. Русскіе люди того времени еще держали въ подозрѣніи католическое вѣроученіе и его представителей, но святость церковныхъ реликвій въ ихъ глазахъ не уменьшалась отъ того, что ими владѣло католическое духовенство, а довѣріе (часто переходившее въ наивность) къ разсказамъ о чудесахъ, творимыхъ этими реликвіями, нисколько не ослабѣвало отъ того, что они ихъ слышали изъ устъ католическихъ монаховъ. Мало того: и тѣ и другія, и реликвіи и чудеса, видимо примиряли ихъ съ римской церковью и пріучали относиться къ ней болѣе терпимо; она, видимо, уже переставала быть для нихъ „поганой“ и „еретической“, а кн. Б. И. Куракинъ, напримѣръ, даже съ почтеніемъ цѣловалъ ногу римскаго папы. И это уже было шагомъ впередъ въ культурномъ развитіи русскаго общества.

Въ числѣ причинъ, мѣшавшихъ русскимъ путешественникамъ за границу временъ Петра Великаго извлечь изъ своего пребыванія въ Западной Европѣ всю ту пользу, какую оно могло дать, не малую роль играло то обстоятельство, что при Петрѣ Великомъ путешествія за границу были почти всегда вынужденными; туда *не ѣхали*, но туда *посылали*. Если же иногда поѣздки въ Европу имѣли характеръ добровольныхъ, то это была только видимость доброй воли, такъ какъ дѣйствительнымъ мотивомъ путешествія за границу были почти всегда не любознательность, не стремленіе увидѣть Европу и чему-нибудь тамъ поучиться, а желаніе угодить царю и заслужить его расположеніе. Такова, напримѣръ, была поѣздка за границу П. А. Толстого и нѣкоторыхъ другихъ. А вынужденное путешествіе, конечно, не могло дать тѣхъ результатовъ, какіе можетъ вообще принести поѣздка въ страну болѣе культурную. Всѣмъ существомъ своимъ принадлежа еще старой Россіи, смотря на Западную Европу глазами большинства русскихъ людей

XVII вѣка, не зная и не понимая еще, какъ должно, а потому и не цѣня европейской культуры, современники Петра Великаго съ тяжелымъ сердцемъ и въ мрачномъ настроеніи отправлялись въ невѣдомые края. И если умомъ своимъ они понимали необходимость такихъ поѣздокъ, то всѣ чувства ихъ были противъ нихъ. Культурный переломъ, который пережила Россія въ концѣ XVII вѣка и въ началѣ XVIII вѣка, не легко дался людямъ того времени, но особенно онъ давалъ себя чувствовать такимъ „піонерамъ просвѣщенія“; для нихъ періодъ перехода отъ старыхъ формъ жизни къ новымъ былъ короче, но зато рѣзче и острѣе; то, что другіе ихъ современники должны были пережить и перечувствовать годами, должно было быть усвоено ими только въ мѣсяцы и даже недѣли. Но быстрая смѣна впечатлѣній, какъ извѣстно, не только не обезпечиваетъ ихъ прочности и внутренней содержательности, но прямо этому препятствуетъ.

Кромѣ того, часто русскіе подневольные путешественники этого времени, набранные царемъ изъ рядового малоимущаго дворянства, отправлялись за границу безъ средствъ; казенное пособіе было невелико, выдавалось къ тому же нерегулярно, отъ чего они терпѣли нужду и только и думали объ изысканіи средствъ; такъ путешествовалъ, напримѣръ, въ концѣ царствованія Петра Великаго И. И. Неплюевъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ было не до наблюденій надъ жизнью Западной Европы и ужъ тѣмъ болѣе не до изученія ея. Да и цѣль такихъ путешестій была иная: они имѣли узко-прикладной характеръ и должны были дать ихъ участникамъ лишь техническія знанія, касающіяся преимущественно морского и военно-сухопутнаго дѣла. Къ путешествію такихъ молодыхъ „навигаторовъ“ никакъ не готовили и ничѣмъ не старались его облегчить; о томъ, какъ дастся имъ встрѣча съ западноевропейской культурой, и не думали. Не зная совершенно иностранныхъ языковъ, чувствуя себя какими-то потерянными въ Европѣ, русскіе подневольные путешественники мало двигались впередъ и въ пріобрѣтеніи чисто техническихъ знаній: ни охоты, ни часто даже возможности у нихъ для этого не было. Это, напримѣръ, случилось съ той группой молодыхъ дворянъ, которые были посланы за границу вмѣстѣ съ И. И. Неплюевымъ: они сами должны были просить отозвать ихъ изъ Испаніи, такъ какъ было очевидно, что пребываніе ихъ въ Кадиксѣ въ академіи при незнаніи ими испанскаго языка совершенно безполезно. Если же къ этимъ затрудненіямъ присоединялось еще нежеланіе учиться, — а это бывало не рѣдко, — то поѣздка за границу совсѣмъ не приносила никакой пользы.

Такимъ образомъ часто и съ узко-прикладной и съ болѣе общей культурной точки зрѣнія путешествія русскихъ людей въ За-

падную Европу при Петрѣ Великомъ давали еще мало ощутительныхъ результатовъ. Воспринималась, правда, а затѣмъ и перенималась внѣшность европейской культуры, но внутреннее ея содержаніе оставалось столь же чуждымъ, какъ и раньше. Немудрено поэтому, что, по словамъ Вебера [1]), русскіе люди временъ Петра, побывавшіе за границей, быстро разставались съ пріобрѣтенными обычаями, и, усваивая лишь внѣшній лоскъ, пріобрѣтали „несносное чванство“ и жили по старинѣ. Что же касается запаса тѣхъ знаній, который, если не всѣ, то многіе, пріобрѣтали за границей, то онъ, по свидѣтельству кн. Б. И. Куракина [2]), былъ таковъ: по его словамъ, во время пребыванія за границей онъ изучилъ ариѳметику, геометрію (теоретическую и практическую), тригонометрію, астрономію, навтику, механику и фортификацію; кромѣ того, онъ научился итальянскому языку. У другихъ, какъ у П. А. Толстого, запасъ знаній бывалъ значительно меньше.

Однако, болѣе продолжительное пребываніе за границей русскихъ людей и въ то уже время дѣлало ихъ внимательными наблюдателями европейской жизни, видящими не только то, что прямо бросается въ глаза. Доказательствомъ этого являются записки о поѣздкѣ въ Парижъ въ 1705 г. гр. Матвѣева, бывшаго посломъ въ Голландіи, и дневникъ и путевыя замѣтки кн. Б. И. Куракина 1705 — 1709 гг. Эти лица уже глубже проникаютъ внутрь людскихъ отношеній и характеризуютъ порядки и культуру Западной Европы, не ограничиваясь описаніемъ только внѣшности европейскихъ городовъ и отдѣльныхъ зданій.

Послѣ смерти Петра Великаго, когда началась ликвидація его реформъ, отправка молодыхъ дворянъ для обученія за границу правительствомъ почти прекращается, и такіе факты, какъ поѣздка въ Западную Европу Ломоносова съ товарищами, являются исключеніемъ, добровольныя же путешествія туда еще не скоро станов вятся обыденнымъ явленіемъ. Это не могло не отразиться на литературѣ „путешествій“ — не случайно въ ней оказывается пробѣлъ со времени Петра Великаго до царствованія императрицы Елизаветы.

Къ серединѣ XVIII вѣка въ общественныхъ отношеніяхъ и во всемъ обиходѣ жизни произошли крупныя перемѣны. Дворянское общество временъ Елизаветы уже сильно разнилось отъ своихъ предковъ Петровскаго царствованія. Не говоря уже о перемѣнѣ во внѣшнемъ строѣ жизни — теперь уже и рѣчи не могло быть о насильственномъ бритьѣ бородъ или объ обрѣзываніи полъ

[1]) Пекарскій: „Наука и литература при Петрѣ Великомъ“, т. I, стр. 139.
[2]) Архивъ кн. Куракина, т. I, стр. 255.

кафтановъ,—въ житейскій обиходъ вошли такіе вкусы и привычки, которые тогда (при Петрѣ) были рѣдкими диковинками. Жизнь, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ, стала утонченнѣе. Теперь путешествіе за границу становится для аристократа-дворянина (пока только для него) почти необходимымъ факторомъ въ ходѣ его образованія и воспитанія. И вотъ вполнѣ добровольно и съ ясно сознаваемой цѣлью ѣдетъ туда, напримѣръ, гр. А. Р. Воронцовъ въ 1758 году. Несмотря на свои 17 лѣтъ, онъ, попавъ въ Западную Европу, не чужой въ тамошнемъ обществѣ; хорошо знакомый съ сочиненіями Вольтера, онъ ищетъ встрѣчъ съ нимъ и, вполнѣ владѣя французскимъ языкомъ, свободно ведетъ съ нимъ бесѣды. Все имъ видѣнное опредѣленно индивидуализируется въ его сознаніи, и Германія въ его описаніи не похожа на Францію, Вѣна на Парижъ, одна достопримѣчательность на другую, какъ то сплошь и рядомъ можно отмѣтить въ описаніяхъ путешествій Шереметева, Толстого и другихъ. И самъ гр. Воронцовъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что этотъ отъѣздъ его во Францію имѣлъ большое вліяніе на складъ его ума, такъ какъ способствовалъ его умственному развитію (а не только—пріобрѣтенію кое-какихъ техническихъ знаній, какъ было при Петрѣ Великомъ) и усилилъ его склонность къ дѣловымъ занятіямъ. Можно сказать, что гр. Воронцовъ былъ уже своимъ человѣкомъ за границей, что является показателемъ того культурнаго роста, который пережило наше дворянское общество за первыя 50 лѣтъ XVIII вѣка.

Еще болѣе частымъ явленіемъ заграничныя путешествія становятся въ царствованіе Екатерины II, въ этотъ вѣкъ нашего просвѣщеннаго абсолютизма. Послѣ указа Петра III о вольности россійскаго дворянства (18 февр. 1762 г.) у дворянъ явилось больше досуга, и нерѣдко этотъ досугъ употреблялся на поѣздку за границу съ самыми разнообразными цѣлями. Съ одной стороны, въ это время опять практикуются командировки за границу молодыхъ дворянъ цѣлыми партіями. Такъ, напримѣръ, въ 1768 году было отправлено въ Германію 12 человѣкъ, въ числѣ которыхъ были Радищевъ, Ушаковъ, Зиновьевъ и др. Разница между этими поѣздками и поѣздками Петровскаго царствованія была, однако, та, что теперь молодые люди ѣхали изучать не прикладныя, спеціальныя науки, а науки юридическія и философскія Однако, условія жизни участниковъ такихъ поѣздокъ и теперь были малоблагопріятны, какъ показываетъ разсказъ объ этомъ Радищева (см. ниже): матеріальная необезпеченность, отсутствіе надлежащаго руководительства занятіями, плохое знаніе европейскихъ языковъ и т. п.,—все это лишало такія поѣздки значительной доли пользы, которую онѣ могли принести.

Но кромѣ правительственныхъ командировокъ, — и это было гораздо важнѣе,—при Екатеринѣ II становятся все болѣе и болѣе частыми добровольныя поѣздки русскихъ за границу. Княгиня Дашкова ѣдетъ туда воспитывать своихъ дѣтей, предварительно подготовивъ ихъ дома. Другіе, какъ богачъ Демидовъ, ѣдутъ туда съ лѣчебными цѣлями, а также для пополненія своихъ художественныхъ, естественно-историческихъ и другихъ коллекцій. Наконецъ, такіе, какъ будущій исторіографъ Карамзинъ, предпринимаютъ путешествіе въ Европу для того, „чтобы собрать нѣкоторыя пріятныя впечатлѣнія и обогатить свое воображеніе новыми образами“. „Путешествіе,—говорилъ онъ,—сдѣлалось потребностью души моей... желаніе видѣть природу въ великолѣпномъ разнообразіи, видѣть тѣхъ великихъ людей, которыхъ творенія сильно дѣйствовали на мои чувства, превратилось въ совершенную страсть...“

Какая разница, однако, между „путешествіями“ Петровскаго царствованія и „путешествіями“ вѣка Екатерины! Въ послѣднихъ нѣтъ уже и слѣда наивности первыхъ. Европа теперь уже не пугала русскаго человѣка, наоборотъ, она привлекала его, онъ мечталъ о ней (Карамзинъ), такъ какъ онъ чувствовалъ себя связаннымъ съ нею множествомъ духовныхъ нитей. Знаніе европейскихъ языковъ со времени первыхъ поѣздокъ за границу русскихъ при Петрѣ сдѣлало громадные успѣхи и стало однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ духовнаго сближенія Россіи съ Западомъ. Русскіе люди ѣхали теперь за границу, знакомые—и не по наслышкѣ только—съ литературой, искусствомъ и наукой Запада. Успѣли они усвоить болѣе прочно къ этому времени и внѣшній лоскъ европейской культуры. Все это вмѣстѣ взятое давало имъ мѣсто въ западноевропейскомъ обществѣ, кругъ интересовъ котораго имъ теперь не былъ чуждъ. Такіе люди, какъ Фонвизинъ и Карамзинъ, могли бесѣдовать съ Вольтеромъ, Дидро, Кантомъ или Гердеромъ, въ то время какъ для Толстого или Шереметева имена Лейбница или Буало (автора „Art poétique“) были пустымъ звукомъ. Для Толстого античныя скульптуры только „поганскіе идолы“, для Карамзина — онѣ предметъ восторга. Если вниманіе „птенцовъ Петровыхъ“ почти исключительно было сосредоточено на церковныхъ святыняхъ, при чемъ они только привыкали относиться терпимо къ католицизму, то путешественникъ конца XVIII вѣка, какъ, напримѣръ, Зиновьевъ, идетъ на Западѣ причащаться по католическому обряду и вступаетъ въ общеніе съ европейскими масонами. Не менѣе поразительна была разница и между результатами заграничныхъ поѣздокъ конца XVII и конца XVIII вѣковъ. Въ то время, какъ первыя давали лишь массу ничѣмъ не связанныхъ отрывочныхъ впечатлѣній и кое-какія прикладныя знанія, вторыя—„вос-

питывали умъ и сердце“ и вырабатывали или заканчивали выработку цѣльнаго міровоззрѣнія. Со страхомъ и трепетомъ, призывая на помощь всѣхъ святыхъ, отправлялся современникъ Петра Великаго за границу; благодарственной молитвой за благополучное возвращеніе на родину заканчивалъ онъ описаніе своего путешествія, и къ этой молитвѣ, казалось, онъ готовъ былъ присоединить другую,—да избавитъ его Господь отъ повторенія подобнаго странствованія! Съ иными чувствами и думами ѣхалъ за границу его потомокъ вѣка Екатерины II. Вотъ что писалъ Карамзинъ въ письмѣ изъ Кронштадта при возвращеніи въ Россію: „Съ какимъ удовольствіемъ перебираю свои сокровища: записки, счеты, книги, камешки, сухія травки и вѣтки, напоминающія мнѣ или сокрытіе Роны, la perte du Rhône, или могилу отца Лоренза, или густую иву, подъ которою англичанинъ Попъ сочинялъ лучшіе стихи свои! Согласитесь, что всѣ на свѣтѣ Крезы бѣдны передо мною“.

Если путешественникъ временъ Петра только удивлялся всему въ Европѣ, какъ Толстой или Шереметевъ, или безотчетно восторгался ею, какъ Матвѣевъ Франціей и Парижемъ, то современникъ Екатерины II везетъ за границу свой скептицизмъ и критику и въ лицѣ Ростопчина и Фонвизина зло высмѣиваетъ Пруссію и Францію. Если эта критика не всегда справедлива (какъ особенно у Фонвизина), то, съ другой стороны, она показываетъ способности русскаго человѣка этого времени разобраться въ массѣ новыхъ разнообразныхъ впечатлѣній, сравнить ихъ и вывести с в о е сужденіе. Это отразилось и на самомъ характерѣ описанія путешествій: вмѣсто сухихъ повседневныхъ записокъ съ подробнымъ перечисленіемъ видѣннаго и слышаннаго безъ всякаго анализа его, мы имѣемъ къ концу XVIII вѣка сочиненія, полныя психологическаго анализа и свободныя отъ перечисленія мелкихъ обыденныхъ фактовъ; не умѣя разобраться, какъ слѣдуетъ, въ себѣ и своихъ впечатлѣніяхъ, Толстой и Шереметевъ поневолѣ были скупы на описаніе своихъ чувствъ и мыслей по поводу видѣннаго и слышаннаго; воспринимая почти исключительно зрительныя впечатлѣнія, они и жили за границей только зрительными образами, не умѣя вникнуть въ глубь созерцаемаго. Карамзинъ же и его современники даютъ въ своихъ описаніяхъ „зеркало“ ихъ души за время путешествія. Хотя Карамзинъ велъ повседневный журналъ, но какъ онъ непохожъ на журналъ Толстого! И дѣло тутъ не только въ личности авторовъ, не только въ томъ, что одинъ—Толстой, а другой—Карамзинъ, дѣло въ разницѣ культуръ, представителями которыхъ являются тотъ и другой.

Какъ будто не замѣчая и не чувствуя красотъ природы Запада, русскій путешественникъ временъ Петра равнодушно проѣзжаетъ мимо красотъ Италіи и ничего не испытываетъ, кромѣ страха, во

время пути черезъ Тироль (Толстой, Шереметевъ); въ немъ какъ будто совсѣмъ нѣтъ эстетическаго чувства. Сентименталистъ вѣка Екатерины одной изъ цѣлей своей поѣздки за границу ставитъ „желаніе видѣть природу въ великолѣпномъ разнообразіи“, и, если въ первомъ можно предполагать атрофію эстетическаго чувства, то второго можно считать страдающимъ его гепертрофіей, до того болѣзненныя формы оно у него подчасъ принимаетъ.

Предметомъ своей работы я взялъ путешествія русскихъ людей за границу въ XVIII вѣкѣ по такимъ соображеніямъ. До самаго конца XVII вѣка такихъ путешествій, какъ указано уже выше, почти не было, а потому не было и ихъ описанія. Въ концѣ XVIII в., въ царствованіе имп. Павла, эти путешествія на время прекращаются, такъ какъ имп. Павелъ, боясь занесенія революціонной заразы съ Запада, принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы прекратить всякое общеніе Россіи съ Европой. Въ XIX вѣкѣ, со вступленіемъ на престолъ имп. Александра I, заграничныя поѣздки возобновились и съ тѣхъ поръ захватываютъ все большіе и большіе круги русскаго общества, испытавъ по своему адресу гоненіе лишь разъ въ XIX вѣкѣ — во вторую половину царствованія имп. Николая I, въ эпоху усиленія реакціи. Но заграничныя поѣздки русскихъ людей XIX вѣка совершались подъ столь разнообразными вліяніями и были такъ многочисленны, что должны быть предметомъ особой работы, могущей занять не одну книжку, подобную по размѣрамъ настоящей. Наконецъ, путешествія за границу въ XVIII вѣкѣ, взятыя отдѣльно, даютъ вполнѣ цѣльную, законченную картину культурнаго развитія русскаго общества, что и даетъ право не переходить грани, отдѣляющей XVIII-й вѣкъ отъ XIX-го, и оправдываетъ хронологическія рамки темы.

Въ данной книжкѣ приведены отрывки изъ 17 описаній поѣздокъ русскихъ людей за границу съ 1697 г. по 1790 г. Это не значитъ, конечно, что другихъ описаній такихъ поѣздокъ не существуетъ; они есть, но цѣлый рядъ причинъ заставилъ отказаться отъ мысли использовать ихъ.

Такъ, напримѣръ, кн. Ю. В. Долгоруковъ (1740—1830 гг.) разсказываетъ въ своихъ запискахъ („Р. Старина“, 1889 г., № 9) о своей заграничной поѣздкѣ въ царствованіе Екатерины II, но его разсказъ касается исключительно тѣхъ военныхъ событій, участникомъ которыхъ онъ былъ, — напримѣръ, имъ описывается экспедиція на Черную Гору, Чесменскій бой и проч. Такое описаніе ничего не даетъ для того, чтобы можно было судить о взглядахъ автора на различные предметы и явленія общаго характера,

встрѣчавшіеся ему за границей, о его впечатлѣніяхъ, полученныхъ тамъ, и т. п. Точно также ничего нельзя было извлечь изъ статейнаго списка кн. Я. Ѳ. Долгорукова, отправленнаго посломъ во Францію въ 1687 г. (см. „Труды и Лѣтописи Общества исторіи и древностей россійскихъ“, ч. VII, 1837 г.),—онъ всецѣло примыкаетъ по содержанію къ прежнимъ статейнымъ спискамъ, о которыхъ говорилось выше. Въ журналѣ XVIII вѣка „Старина и Новизна“ (Спб. 1772 г., ч. I) помѣщена „Выпись изъ дневныхъ записокъ одного россійскаго путешественника изъ Балтійскаго въ Средиземное море въ 1769 и 1770 году“, но такъ какъ это сухой перечень пройденныхъ портовъ вплоть до Чесмы, то и его пришлось оставить въ сторонѣ. По тѣмъ же причинамъ остались неиспользованными для данной книги записки адмирала С. И. Мордвинова (1701—1777 г.г.), изданныя въ 1868 г. въ Спб-гѣ, и В. В. Головина (1696—1781 гг.) подъ заглавіемъ: „Записки о бѣдной и суетной жизни человѣческой“ (см. „Родословная Головиныхъ, владѣльцевъ села Новоспасскаго, собранная Петромъ Казанскимъ“, М. 1847 г.); оба эти лица были въ числѣ „навигаторовъ“ Петра Великаго, но ихъ пребываніе за границей описано ими такъ кратко и сухо, что ихъ записки ничего не даютъ по интересующему насъ вопросу. То же надо сказать объ автобіографіи гр. С. П. Румянцева („Р. Архивъ“, 1869 г.), ѣздившаго за границу при Екатеринѣ II послѣ смерти матери, „такъ какъ, говоритъ онъ, печаль, въ которую я былъ погруженъ, подвигла меня искать утѣшеніе въ странствіи“; онъ былъ въ Швеціи, во Франціи и жилъ тамъ довольно весело.

Письма изъ-за границы царевича Алексѣя Петровича (см. „Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ“, 1861 г., кн. III), И. И. Шувалова,—относящіяся къ 1763—79 гг. (см. „Москвитянинъ“, 1845 г., октябрь), и кн. Ал. Мих. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, бывшаго посломъ при Сардинскомъ дворѣ въ 1792 г. (см. „Р. Архивъ“, 1877 г. №№ 2 и 3), касаются почти исключительно (особенно у перваго и послѣдняго изъ названныхъ лицъ) личныхъ или дипломатическихъ вопросовъ и ничего не даютъ для отвѣта на тему, насъ занимающую.

Наконецъ, о нѣкоторыхъ заграничныхъ путешествіяхъ, напримѣръ, гр. К. Г. Разумовскаго въ 1743 г. (см. сборникъ П. И. Бартенева „XVIII вѣкъ“, кн. 2-я) или о путешествіи Неизвѣстнаго, бывшаго съ братомъ въ Голландіи, Испаніи, Италіи и Франціи въ 1714—17 гг. (см. у Пекарскаго: „Наука и литература при Петрѣ Великомъ“, т. I, стр. 145, 152-3), мы имѣемъ только отрывочныя свѣдѣнія, изъ которыхъ не получается цѣльной картины, а цѣль данной книжки — дать въ удобочитаемыхъ отрывкахъ подлинны

описанія заграничныхъ путешествій XVIII вѣка, сдѣланныя самими ихъ участниками, — въ формѣ путевого дневника, писемъ, записокъ и т. п.

Послѣ такого отбора въ моемъ распоряженіи остались произведенія 17 авторовъ, отрывки изъ которыхъ помѣщены ниже. Это наиболѣе типичныя произведенія изъ литературы путешествій XVIII вѣка, которыя мнѣ удалось найти. Возможно, что есть не менѣе типичныя еще [1]), но мнѣ, несмотря на продолжительные поиски, найти ихъ не удалось, а потому всякое указаніе въ этомъ направленіи будетъ принято авторомъ этихъ строкъ съ благодарностью.

Теперь необходимо сказать нѣсколько словъ о каждомъ изъ нижеприводимыхъ сочиненій и о ихъ авторахъ.

Записки о путешествіи за границу Б. П. Шереметева, одного изъ виднѣйшихъ сподвижниковъ Петра Великаго, носятъ такое названіе: „Похожденіе на Мальтійскій островъ боярина Бориса Петровича Шереметева въ 1697—99 гг.“ (см. „Памятники Дипломатическихъ сношеній“, т. 10-й или „Древнюю Россійскую Вивліоѳику“, т. 5-й). Онѣ представляютъ собой подробный разсказъ о заграничныхъ странствованіяхъ Шереметева, который отправился въ Западную Европу какъ посолъ, а не какъ частный человѣкъ. Это наложило на все путешествіе Шереметева оффиціальный оттѣнокъ; на описаніи путешествія это отразилось тѣмъ, что въ немъ много мѣста занимаютъ разсказы объ аудіенціяхъ, которыя Шереметевъ имѣлъ при западно-европейскихъ дворахъ, лежавшихъ на его пути въ Мальту и обратно, о подаркахъ, которыми онъ при этомъ обмѣнивался: не мало мѣста занимаютъ въ немъ рѣчи, которыя онъ произносилъ, и грамоты, которыя онъ вручалъ. Но, несмотря на все это, въ „Похожденіи“ Шереметева, въ отличіе отъ прежнихъ „статейныхъ“ списковъ, имѣется не мало бытового матеріала, характеризующаго ихъ автора. Что касается послѣдняго, то таковымъ былъ, очевидно, не самъ Шереметевъ, ѣхавшій въ качествѣ важнаго посла: о немъ говорится въ „Похожденіи“ въ третьемъ лицѣ, въ тонѣ нѣкотораго почтенія. Очевидно, что авторомъ его былъ или Герасимъ Головцынъ или Алексѣй Курбатовъ, сопровождавшіе вмѣстѣ съ священникомъ Пашковскимъ Шереметева въ его странствованіяхъ. Такимъ образомъ, для біографіи Шереметева „Похожденіе“ не можетъ сыграть роли автобіографіи, но для насъ

[1]) Мнѣ извѣстно, напримѣръ, по названію еще одно путешествіе: „Повседневныя записки путешествія въ Сицилію и Мальту въ 1782 г.“ Спб. 1784 г. (см. Минцловъ: „Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, писемъ и путеш., относящ. къ исторіи Россіи.“ Вып. I, № 79), но въ Библіотекѣ Румянцевскаго Музея въ Москвѣ его не нашлось.

оно съ этой стороны и не нужно; кто бы ни былъ его авторомъ, въ немъ ярко отразилось міросозерцаніе человѣка Петровской эпохи, впервые попавшаго за границу: исключительный и наивный интересъ къ церковнымъ святынямъ, неумѣнье разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ, какъ-нибудь систематизировать ихъ и подвести имъ итоги, неспособность отдѣлить главное отъ второстепеннаго, полное незнакомство съ культурой Западной Европы, — вотъ его отличительныя черты.

Тѣми же чертами характеризуется „Журналъ путешествія по Германіи, Голландіи и Италіи въ 1697—99 гг.“, принадлежащій перу неизвѣстнаго автора (см. „Русскую старину“ 1879 г., № 5). Одно время его считали за описаніе путешествія самого Петра Великаго, не обращая вниманія на то, что Петръ Великій не былъ въ Италіи, а въ этомъ „Журналѣ“ ей удѣлено не мало мѣста. И. Ѳ. Горбуновъ [1]) считалъ возможнымъ предполагать въ числѣ его авторовъ кн. Б. И. Куракина, но сравненіе этого „Журнала“ съ „Путевыми замѣтками“ кн. Куракина (см. ниже), которыя не были извѣстны Горбунову, показываетъ, что ихъ не могло писать одно и то же лицо. Записки неизвѣстнаго автора очень отрывочны, безсистемны; въ нихъ безпорядочно занесено все то, что только обращало на себя вниманіе ихъ автора, что прямо бросалось въ глаза. Церковныя святыни привлекаютъ автора „Журнала“ не меньше, чѣмъ автора „Похожденія“ Шереметева, но наряду съ этимъ онъ очень много вниманія обращаетъ на всевозможныя диковинки, „раритеты“. Глаза его, видимо, прямо разбѣгались, и онъ не зналъ, на что смотрѣть.

„Путешествіе“ стольника П. А. Толстого, имъ самимъ составленное (см. „Русскій Архивъ“, 1888 г., № 2—8), даетъ намъ автора болѣе вдумчиваго и сосредоточеннаго, чѣмъ оба предыдущіе. „Путешествіе“ Толстого очень пространно и обстоятельно. И оно очень много вниманія удѣляетъ церковнымъ святынямъ и вопросамъ, но Толстой не просто наблюдаетъ, онъ сравниваетъ наблюдаемые предметы и явленія со знакомыми ему дома, старается понять смыслъ видѣннаго и не ограничивается внѣшнимъ обзоромъ. Видно, что авторъ „Путешествія“—человѣкъ еще старой культуры (Толстой поѣхалъ за границу, когда ему уже было за 40 лѣтъ), но онъ уже сталъ на перепутьѣ, и все указываетъ на то, что онъ пойдетъ новой дорогой. Для него еще, правда, не существуетъ итальянскаго искусства, и статуи римскихъ боговъ для него только „поганскіе идолы“; великолѣпная дорога отъ Вѣны до Венеціи ему ничего не внушаетъ, кромѣ страха, и онъ остается совершенно слѣпъ къ кра-

[1]) См. его предисловіе къ нему въ „Р. Старинѣ“.

сотамъ итальянской природы, но онъ уже умѣетъ наблюдать, а затѣмъ основательно и толково облечь все это въ литературную форму. Свои описанія городовъ онъ начинаетъ съ общаго обзора, а потомъ уже описываетъ частности, отдѣльныя зданія, достопримѣчательности и проч. Онъ мало занимался военнымъ и морскимъ дѣломъ, ради котораго онъ былъ посланъ за границу, но зато онъ успѣлъ лучше присмотрѣться къ жизни Запада, чѣмъ другіе „навигаторы“ того времени.

Еще больше наблюдательности обнаруживаетъ въ описаніи своей поѣздки въ 1705 году въ Парижъ гр. А. А. Матвѣевъ (см. ст. Пекарскаго въ „Современникѣ“ за 1856 г., № 2). Помимо личныхъ качествъ Матвѣева, это объясняется и тѣмъ, что онъ долго уже жилъ за границей (онъ былъ посломъ въ Голландіи), присмотрѣлся къ европейскимъ обычаямъ и порядкамъ. Его описаніе не есть перечень всего того, что попадалось на глаза на пути въ Парижъ и въ самомъ Парижѣ. Онъ обращаетъ вниманіе на бытъ, умѣя подмѣтить въ немъ отрицательныя стороны; онъ интересуется вопросами воспитанія дѣтей, положенія женщины и т. д. Но критика французскихъ порядковъ у него еще только въ зачаткѣ, и ему далеко до нападокъ на Францію Фонвизина; онъ былъ пораженъ роскошью Парижа и французской знати и готовъ превозносить ее до небесъ. Тутъ въ немъ сказывается человѣкъ, легко поддающійся яркимъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, какъ, очевидно, мало еще ихъ испытавшій, и онъ всецѣло отдается имъ во власть. Тѣмъ не менѣе, примѣръ Матвѣева ясно показываетъ, какъ русскій человѣкъ того времени быстро осваивался съ европейской культурой и изъ одной крайности, которой страдали многіе его современники—отъ полнаго отрицанія ея, переходилъ къ другой—къ излишнему преклоненію передъ ней.

Но особенно большой интересъ представляетъ описаніе заграничныхъ странствованій другого дипломата той же эпохи кн. Бориса Ивановича Куракина (см. „Архивъ кн. Куракина“, т. I). Кн. Куракинъ, почти сверстникъ Петра, его своякъ, не разъ бывалъ за границей. Поэтому естественно, что его описаніе, относящееся къ 1705—09 гг., изобличаетъ въ немъ очень внимательнаго и вдумчиваго наблюдателя западно-европейской жизни. Въ его „Дневникѣ“ совсѣмъ нѣтъ той мелочности, которая характеризуетъ, напримѣръ, „Повседневную записку“ Шереметева или „Журналъ“ неизвѣстнаго. Кн. Куракинъ былъ болѣе или менѣе знакомъ съ исторіей тѣхъ государствъ, которыя онъ посѣщалъ, зналъ иностранные языки, имѣлъ уже вкусъ къ европейской жизни. Все это сдѣлало его описаніе болѣе широкимъ, отмѣчающимъ наиболѣе существенное и опускающимъ второстепенныя подробности. Его описаніе довольно

обширно, и онъ даетъ въ немъ подчасъ очень важныя извѣстія. Его разсказъ, напримѣръ, объ англійскомъ парламентѣ показываетъ, что онъ хорошо понималъ сущность англійской конституціи и умѣлъ ясно и толково, но въ то же время кратко изложить ее. Во многихъ своихъ частяхъ „Дневникъ и путевыя замѣтки“ кн. Куракина представляютъ собой очень важный источникъ для исторіи тѣхъ государствъ, которыя онъ посѣтилъ. Не лишены интереса въ „Дневникѣ“ кн. Куракина и его краткія замѣтки о тѣхъ покупкахъ, которыя онъ дѣлалъ за границей: съ одной стороны, мы видимъ изъ нихъ, какъ онъ тщательно заноситъ въ „Дневникъ“ всѣ покупки, относящіяся къ костюму,—очевидно, онѣ не составляютъ для него еще вполнѣ обыденнаго явленія, а съ другой—часто среди этихъ замѣтокъ мы встрѣчаемъ указанія на пріобрѣтеніе книгъ серьезнаго содержанія. О такихъ покупкахъ намъ ничего не говорятъ ни „Похожденіе“ Шереметева, ни „Дневникъ“ неизвѣстнаго.

Письмо кн. М. Голицына, помѣщенное ниже вслѣдъ за „Дневникомъ„ кн. Куракина („Архивъ ист.-юридич. свѣдѣній Калачева“, кн. 2, половина 2-я, отд. VI, стр. 62—63), ярко и выразительно рисуетъ настроеніе русскаго „навигатора“, по волѣ царя, но не по собственному желанію отправившагося за границу въ 1711 году. Оно безыскусственно и просто, но очень характерно.

Описаніе заграничнаго путешествія И. И. Неплюева—послѣднее изъ относящихся къ Петровскому царствованію (см. его „Записки“, Спб. 1893 г. изд. Суворина). Изложеніе въ нихъ очень сжатое, по содержанію онѣ сухи и очень мало разсказываютъ о видѣнномъ и слышанномъ. Неплюевъ ничего не говоритъ о томъ, какое впечатлѣніе произвела Западная Европа на него и его товарищей; изъ его описанія не видно даже, что они тамъ осматривали, чѣмъ наиболѣе интересовались и мимо чего проходили совсѣмъ, хотя, конечно, трудно допустить, чтобы они ничего тамъ не смотрѣли и совсѣмъ ничѣмъ не заинтересовались. Такова уже, очевидно, была натура Неплюева, не считавшаго почему-то нужнымъ говорить объ этомъ: посланный за границу учиться морскому дѣлу, онъ, какъ исправный, но не широкаго полета служака, даетъ въ своихъ запискахъ какъ бы отчетъ начальству обо всемъ томъ, что имѣло отношеніе къ исполненію только этой, поставленной ему на разрѣшеніе задачи. Но узкое по содержанію, небогатое фактами, рисующими жизнь Зап. Европы, описаніе путешествія Неплюева важно въ другомъ отношеніи: оно очень хорошо показываетъ, при какихъ условіяхъ молодымъ дворянамъ приходилось отбывать свою учебную повинность за границей. Полная матеріальная необезпеченность, незнаніе иностранныхъ языковъ, неимѣніе руководителей въ занятіяхъ, совершенно для него новыхъ и необычныхъ—

все это дѣлало заграничную выучку чрезвычайно тяжелой для дворянства. Немудрено поэтому, что одинъ изъ товарищей Неплюева кн. Прозоровской бѣжалъ съ о. Корфу на Аѳонъ и тамъ постригся въ монахи. Что давала такая поѣздка русскимъ „навигаторамъ“? Неплюевъ съ товарищами выдержалъ по возвращеніи въ Петербургъ экзаменъ въ присутствіи самого царя—значитъ, пріобрѣлъ знанія, считавшіяся тогда необходимыми; онъ отвыкъ отъ русскихъ порядковъ и обычаевъ и, хотя это было уже въ концѣ царствованія Петра (Неплюевъ пробылъ за границей съ 1716 по 1721 годъ), онъ, по возвращеніи домой, встрѣтилъ со стороны родныхъ и знакомыхъ насмѣшки и отчужденіе. Вскорѣ Петръ Великій счелъ его подходящимъ для должности резидента въ Константинополѣ, находя, очевидно, что разъ человѣкъ выдержалъ такое заграничное путешествіе, какъ Неплюевъ, и притомъ вполнѣ благополучно, то онъ можетъ стать и дипломатомъ, хотя описаніе путешествія Неплюева совсѣмъ не показываетъ, чтобы онъ, будучи за границей, интересовался и занимался дипломатическими вопросами. Но несомнѣнно, что Неплюевъ проникся сознаніемъ пользы заграничныхъ путешествій: сына и внука онъ самъ посылалъ потомъ учиться за границу.

Описаніе заграничной поѣздки гр. А. Р. Воронцова (см. „Русск. Архивъ“ 1883 г., № 2) переноситъ насъ въ совершенно другую эпоху. Аристократъ и богачъ, получившій хорошую подготовку въ Россіи (онъ 2 года пробылъ въ пансіонѣ проф. юриспруденціи Академіи Наукъ Штубе и былъ въ 12 лѣтъ хорошо знакомъ съ сочиненіями Вольтера, Расина, Корнеля, Буало и пр.), гр. Воронцовъ 15-лѣтнимъ юношей добровольно, при поддержкѣ родныхъ, отправляется въ 1758 году за границу, чтобы въ Парижской школѣ chevaux légers закончить свое образованіе. Естественно поэтому, что Воронцовъ смотрѣлъ на Западную Европу совсѣмъ не тѣми глазами, что путешественники временъ Петра Великаго. Кругозоръ его шире, взглядъ—наблюдательнѣе. Онъ сразу замѣчаетъ разницу въ положеніи и состояніи государствъ, черезъ которыя проѣзжаетъ, онъ критически относится къ тому, что видитъ и слышитъ. Человѣкъ свѣтски воспитанный, онъ не только не сторонится европейскаго общества, онъ прямо ищетъ его и чувствуетъ себя въ немъ свободно. Отличаясь большой наблюдательностью, Воронцовъ сумѣлъ хорошо охарактеризовать Францію той эпохи. Описаніе поѣздки въ Парижъ представляетъ собой только часть его автобіографіи и потому невелико; нѣтъ сомнѣнія, что если бы Воронцовъ написалъ спеціальное сочиненіе, посвященное его поѣздкѣ за границу, то оно представило бы громадный интересъ. Свои записки онъ началъ въ 1805 году, на 64 году жизни.

Такъ же важно, какъ описаніе заграничной поѣздки Воронцова, для характеристики дворянства временъ Елизаветы и описаніе пребыванія за границей А. Т. Болотова („Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанныя имъ самимъ для своихъ потомковъ. 1738—1793 гг.“ Приложеніе къ „Русск. Старинѣ“ за 1870 г. т. I). Болотовъ былъ въ Пруссіи во время семилѣтней войны (1756—1763 гг.) и подробно описалъ свое пребываніе тамъ. Записки его цѣнны въ томъ отношеніи, что онѣ рисуютъ умственные запросы рядового дворянства конца царствованія Елизаветы; Болотовъ ярко рисуетъ, какой жаждой знанія и какой жаждой чтенія онъ былъ охваченъ въ Пруссіи; книги прямо стали его страстью, и всякое пріобрѣтеніе ихъ доставляло ему громадное удовольствіе.

Отрывки изъ „Житія Ѳедора Васильевича Ушакова“ А. Н. Радищева, автора извѣстнаго „Путешествія изъ Петербурга въ Москву (см. „Полное собраніе сочиненій А. Н. Радищева“, подъ ред. Щеголева, Бороздина и Лалшина, т. I. Спб. 1907 г.), рисуютъ намъ условія, при которыхъ въ началѣ царствованія Екатерины II учились за границей нѣсколько молодыхъ русскихъ дворянъ. Они были посланы туда правительствомъ, но не для изученія навигацкой науки, какъ при Петрѣ I, а „для обученія Юриспруденціи и другимъ, къ оной относящимся, Наукамъ“, такъ какъ, по словамъ Радищева, императрица „восхотѣла, чтобы между людьми, въ дѣлахъ судебныхъ или судопроизводныхъ обращающимися, было нѣкоторое число судей, имѣющихъ понятіе, какимъ образомъ отличившіеся законоположеніемъ своимъ народы оное сообразовали съ дѣяніями гражданъ на судѣ“. Такая цѣль опредѣлила и иную программу занятій, чѣмъ то было при Петрѣ Великомъ. Иной была теперь и подготовка молодыхъ людей къ заграничной поѣздкѣ, а затѣмъ—и результаты ея: именно этому пребыванію за границей Радищевъ былъ обязанъ тѣми идеями, которыя легли потомъ въ основу его литературной и общественной дѣятельности и за которыя онъ потомъ такъ жестоко поплатился. Но условія жизни за границей Радищева съ товарищами мало чѣмъ отличались отъ тѣхъ, въ которыхъ жили тамъ „навигаторы“ Петра В. Въ руководители имъ былъ данъ невѣжественный, грубый и своекорыстный гофмейстеръ Бокумъ, для наставленія въ православной вѣрѣ—священникъ Павелъ, который не внушалъ своимъ питомцамъ никакого уваженія. Все это при скудости средствъ, отпускавшихся на содержаніе русскихъ студентовъ (значительная часть ихъ къ тому же прилипала къ рукамъ Бокума),—дѣлало жизнь ихъ въ Лейпцигѣ чрезвычайно тяжелой, и нужно удивляться, какъ, несмотря на всѣ злоключенія и невзгоды, они всетаки занимались науками и притомъ съ большимъ успѣхомъ.

„Журналъ путешествія Н. А. Демидова“ даетъ картину, совершенно противоположную предыдущей. Богачъ и меценатъ, Демидовъ путешествовалъ за границей цѣлыхъ $2^1/_2$ года—1771—73 гг., истративъ на это путешествіе огромную сумму денегъ.

Путешествіе его было вызвано болѣзнью его жены, которую доктора послали въ Спа. Изъ Германіи Демидовъ поѣхалъ во Францію, откуда онъ одинъ ѣздилъ въ Англію, а по возвращеніи его въ Парижъ оба супруга отправились въ Италію, „наслушавшись разсказовъ о ней“. Результатомъ всего этого путешествія и явился „Журналъ“, изданный въ Москвѣ въ 1786 году подъ такимъ заглавіемъ: „Журналъ путешествія его высокородія господина статскаго совѣтника и Ордена Святаго Станислава кавалера Никиты Акинфіевича Демидова по иностраннымъ государствамъ съ начала выѣзда Его изъ Санктъ-Петербурга 17 марта 1771 года по возвращеніи въ Россію, Ноября 22 дня 1773 года“. Къ книгѣ былъ приложенъ портретъ Демидова съ такой подписью: „Его Высокородіе Никита Акинфіевичъ Демидовъ Статскій Совѣтникъ Санктъ-Петербургской Императорской Академіи Художествъ и вольнаго экономическаго общества почетный членъ Ордена Святаго Станислава Кавалеръ“. Какъ сказано въ предисловіи, „Сей журналъ издается для Его фамиліи въ единственное напамятованіе тѣхъ мѣстъ, кои въ чужихъ краяхъ по возможности видѣть случилось“. Демидовъ не самъ велъ журналъ, а, очевидно, какой-нибудь его секретарь, такъ какъ о немъ говорится всегда въ третьемъ лицѣ и съ большимъ почтеніемъ. Журналъ кратокъ, нѣсколько сухъ, но довольно точенъ; видимо, авторъ спеціально собиралъ для него различныя свѣдѣнія, касающіяся цифръ, названій и пр. Предметомъ вниманія путешественниковъ были по преимуществу собранія картинъ и „кабинеты натуральной исторіи“; и въ тѣхъ и другихъ Демидовъ сдѣлалъ не мало покупокъ. Жизнь политическая, религіозная, бытовая ихъ очень мало интересовала. Для посѣщенія музеевъ и картинныхъ галлерей Демидовъ часто бралъ съ собой художниковъ; въ Италіи ихъ все время сопровождалъ художникъ. Не задаваясь никакими серьезными цѣлями въ своихъ странствованіяхъ, Демидовъ, видимо, путешествовалъ въ свое удовольствіе, не торопясь и не стѣсняясь въ средствахъ. „Журналъ“ Демидова—весьма типичное явленіе для богатой дворянской семьи царствованія Екатерины II; онъ показываетъ намъ не рѣдкаго уже въ то время поверхностнаго туриста, ничѣмъ особенно не интересующагося, но имѣющаго достаточно досуга и денегъ, чтобы пробыть за границей $2^1/_2$ года.

Совершенно иной типъ путешественника даютъ письма и воспоминанія кн. А. Б. Куракина, правнука Петровскаго свояка („Архивъ

кн. Ѳ. А. Куракина", т. V и VI). Умный, образованный и тонко наблюдательный, кн. Куракинъ даетъ такую полную и обстоятельную картину жизни Западной Европы (преимущественно — Голландіи, Англіи и Франціи), что далеко оставляетъ за собой всѣ предшествующія описанія подобнаго рода. За границей онъ былъ 2 раза: первый разъ онъ былъ отправленъ въ 1765 г. въ Киль (въ университетъ) и вернулся въ Россію въ 1768 г.; во второй разъ онъ поѣхалъ въ 1770 г. въ Лейденъ оканчивать образованіе. Оба путешествія были предприняты съ образовательной цѣлью (онъ родился въ 1752 г.) и дали ему большой запасъ знаній и впечатлѣній; яркимъ отраженіемъ всего этого являются его письма и воспоминанія, относящіяся главнымъ образомъ ко второму путешествію, такъ какъ во время перваго онъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы быть въ состояніи такъ все понять и такъ во всемъ разобраться, какъ онъ это сдѣлалъ во время второй поѣздки. Куракина интересовала европейская жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ и потому ко всѣмъ имъ онъ отнесся одинаково вдумчиво и серьезно. Важны также сообщаемыя имъ свѣдѣнія о его занятіяхъ и образѣ жизни за границей. Наконецъ, нельзя не отмѣтить его преклоненія передъ Англіей, которое доходило до того, что, если бы можно было, по его словамъ, выбрать новое отечество, то онъ не колеблясь выбралъ бы Англію [1]).

Зато довольно поверхностную туристку представляла собой кн. Е. Р. Дашкова, ѣздившая за границу въ 1770—71 гг. и въ 1777—82 гг. и описавшая свои путешествія въ своихъ „Запискахъ" (Спб. 1907 г., переводъ Н. Д. Чечулина). Цѣлью ея поѣздки за границу было желаніе, какъ она пишетъ въ своихъ запискахъ, дать тамъ своимъ дѣтямъ хорошее образованіе. Однако, справка въ ея біографіи показываетъ, что ея первая поѣздка за границу была вызвана и другими причинами: считая себя чуть ли не главной участницей переворота 1762 года, кн. Дашкова оказалась какъ-то не у дѣлъ въ новое царствованіе; самолюбіе ее было сильно задѣто, а тутъ какъ разъ умеръ ея мужъ. Все это и натолкнуло ее на мысль о заграничной поѣздкѣ, въ которой пріисканіе мѣста для воспитанія дѣтей играло роль лишь одной изъ цѣлей всего предпріятія. Такія заграничныя путешествія людей, почему-либо не ко двору пришедшихся въ Петербургѣ, не были рѣдкостью при Екатеринѣ II; такъ, напримѣръ, этими же причинами была вызвана продолжительная поѣздка за границу И. И. Шувалова.

---

[1]) Отрывки изъ писемъ и воспоминаній кн. А. Б. Куракина переведены спеціально для даннаго изданія С. А. Кузьминой.

Кн. Дашкова обладала чрезмѣрно развитымъ, едва ли не больнымъ честолюбіемъ, и ей часто казалось (вполнѣ, вѣроятно, искренно), что она всегда центръ того общества, въ которое она попадала; она не пропустила, кажется, ни одной знаменитости въ Западной Европѣ, чтобы не повидать ее, но ею руководилъ при этомъ не серьезный интересъ, который заставлялъ гр. Воронцова или Карамзина искать встрѣчъ съ Вольтеромъ и Гердеромъ; кн. Дашкова поступала такъ почти постоянно лишь изъ мелкаго тщеславія, чтобы имѣть потомъ возможность сказать или написать, какихъ знаменитостей она видѣла и съ какими изъ нихъ говорила; при этомъ ей казалось, что ради нея всѣ готовы сдѣлать исключеніе, принять ее тогда, когда не принимаютъ никого, и т. п. Въ началѣ описанія своего путешествія она довольно наивно афишируетъ свой патріотическій націонализмъ, не разъ подчеркивая его и въ послѣдующемъ изложеніи.

Что касается второго заграничнаго путешествія кн. Дашковой, то оно, дѣйствительно, было предпринято съ образовательной цѣлью: она помѣстила сына въ Эдинбургскій университетъ, подготовивъ его предварительно дома, пробыла съ нимъ въ Англіи больше двухъ лѣтъ, а потомъ совершила образовательное путешествіе по Голландіи, Франціи и Италіи. Въ этомъ отношеніи „Записки“ кн. Дашковой очень важны: онѣ наглядно показываютъ, какъ поднялась при Екатеринѣ II образовательная программа, обязательная для дворянина, желающаго сдѣлать карьеру, а затѣмъ онѣ подробно рисуютъ, чему и какъ такіе дворяне учились за границей. Но зато, съ другой стороны, онѣ мало даютъ описаній того, что видѣлъ ихъ авторъ за границей, и не показываютъ его отношенія къ видѣнному.

Полную и обстоятельную картину Франціи и отчасти Германіи даютъ письма Д. И. Фонвизина (см. „Полное Собраніе сочиненій“ Фонвизина, изд. Ефремова. Спб. 1888 г.).

Но нельзя сказать, чтобы эта картина была объективной: письма Фонвизина полны ироніи и сарказма, и въ этомъ отношеніи характерны не для одного автора „Недоросля“; въ царствованіе Екатерины II уже было невозможно то преклоненіе передъ Франціей, которымъ полны записки, напр., гр. Матвѣева, или то наивное, довѣрчивое отношеніе къ Европѣ, которое на каждомъ шагу сквозитъ въ запискахъ другихъ современниковъ Петра В. Теперь въ русскомъ образованномъ обществѣ существовало уже критическое отношеніе къ Западу, переходившее часто въ суровое осужденіе его порядковъ, и письма Фонвизина очень типичны въ этомъ отношеніи.

Такимъ же настроеніемъ проникнуто и „Путешествіе по Пруссіи“ гр. Ѳ. В. Ростопчина, извѣстнаго потомъ московскаго генералъ-

губернатора въ эпоху Отечественной войны (см. „Современникъ“, 1849 г., № 1—8). Но его иронія болѣе добродушна, чѣмъ иронія Фонвизина, сдѣлавшагося въ эти годы прямо мизантропомъ. Умъ Ростопчина былъ болѣе живой, бойкій и острый, и потому его записки читаются легче, чѣмъ письма Фонвизина, но зато онѣ болѣе поверхностны, а часто—и анекдотичны. Въ немъ постоянно чувствуется острякъ-балагуръ, но не изслѣдователь и внимательный наблюдатель. Важное для характеристики личности самого Ростопчина, „Путешествіе по Пруссіи“ важно и какъ знаменіе времени, какъ показатель того отрицательнаго отношенія къ Западу въ царствованіе Екатерины II, которое нашло свое отраженіе въ тогдашней журнальной литературѣ.

Иное значеніе имѣютъ „Воспоминанія“ В. И. Зиновьева (см. „Р. Старина“, 1878 г. № 10—12). Зиновьевъ былъ въ числѣ тѣхъ 12 дворянъ, которые были отправлены за границу въ 1766 году, по приказанію имп. Екатерины II, и, такимъ образомъ, раздѣлилъ тѣ невзгоды этой поѣздки, которыя описаны Радищевымъ въ „Житіи Ѳ. В. Ушакова“ (см. ниже). Потомъ въ 1774 г. онъ былъ посланъ курьеромъ въ Италію съ извѣстіемъ о заключеніи Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Такимъ образомъ, когда онъ самостоятельно поѣхалъ за границу, то былъ уже подготовленъ къ этому путешествію и не чувствовалъ себя тамъ новичкомъ, что ясно сказывается въ его „Воспоминаніяхъ“. Онъ побывалъ въ Германіи, въ Италіи, во Франціи, въ Англіи, въ Шотландіи и затѣмъ опять во Франціи.

Человѣкъ увлекающійся, онъ живо заинтересовался масонскимъ движеніемъ и сблизился со многими европейскими масонами. Въ этой части „Записки“ Зиновьева особенно важны и интересны, какъ показатель тогдашнихъ духовныхъ запросовъ русскихъ людей. Иронически относясь къ папѣ и порядкамъ римской церкви, онъ въ то же время въ Ліонѣ причащается по католическому обряду. Зиновьевъ кончилъ свою жизнь тайнымъ совѣтникомъ, дѣйствительнымъ камергеромъ и резидентомъ медицинской коллегіи. Зиновьевъ былъ человѣкъ образованный, начитанный, интересы его были разносторонни; въ Италіи онъ главное вниманіе удѣляетъ религіи и искусству, въ Англіи—ея промышленности, государственному строю и суду.

Что касается „Писемъ русскаго путешественника“, то нѣтъ необходимости распространяться о нихъ много: и сами они и ихъ авторъ достаточно извѣстны. Несмотря на это, изъ нихъ пришлось взять значительное количество отрывковъ,—сдѣлано это для того, чтобы показать, какъ разносторонни и серьезны были интересы русскаго путешественника конца XVIII вѣка, съ какимъ серьез-

нымъ научнымъ багажомъ отправлялся такой путешественникъ въ Западную Европу, и какъ относился ко всему видѣнному и слышанному. „Письма русскаго путешественника“—самое замѣчательное изъ всѣхъ описаній заграничныхъ путешествій XVIII вѣка, наглядно показывающее, какой громадный шагъ впередъ сдѣлало русское общество за 100 лѣтъ—отъ Шереметева до Карамзина [1]).

К. Сивковъ.

---

[1]) Когда эта книга наполовину уже была готова, мнѣ удалось случайно найти у одного изъ букинистовъ еще одно сочиненіе, относящееся къ моей темѣ, на которое, однако, я не находилъ ссылокъ въ тѣхъ указателяхъ, къ которымъ я обращался. Это—„Записки адмирала А. С. Шишкова, веденныя имъ во время путеплаванія его изъ Кронштада въ Константинополь. Спб. 1834 г.“ Шишковъ совершилъ въ 1776-78 гг. описанное имъ (на 116 небольшихъ страницахъ) путешествіе, какъ офицеръ эскадры, которая должна была провести въ Черное море 3 фрегата подъ видомъ торговыхъ судовъ. Уловка эта не удалась, и судамъ пришлось ни съ чѣмъ возвратиться назадъ. Во время этого путешествія Шишковъ продолжительное время жилъ только въ Италіи, но и ее онъ описалъ очень кратко, такъ какъ, говоритъ онъ (стр. 18-19), „намѣреніе мое не въ томъ состоитъ, чтобъ повторять, чему во многихъ книгахъ и путешествіяхъ можно находить подробнѣйшія описанія, но я предположилъ себѣ упоминать только о тѣхъ происшествіяхъ, которыя покажутся мнѣ въ жизни моей достопамятнѣйшими“. Вслѣдствіе этого „записки“ Шишкова ничего, въ сущности, не прибавляютъ къ тѣмъ отрывкамъ изъ разныхъ путешествій, которые читатель найдетъ ниже. Нѣтъ въ нихъ еще и того будущаго Шишкова, который позже такъ яро отстаивалъ стародавніе устои русской жизни.

Изъ „Статейнаго списка посольства Б. П. Шереметева“ [1]).

Лѣта отъ созданія міра 7205 (1697), Іюня въ 22 день, на память святого священномученика Евсевіа, Епископа Самосадскаго, за повелительнымъ указомъ Пресвѣтлѣйшаго и Превысочайшаго Монарха и Великодержавнѣйшаго Премилостивѣйшаго Нашего Государя, Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества, отъѣжжаю я ближній Бояринъ и Намѣстникъ Вятскій Борисъ Петровичъ Шереметевъ, ради видѣнія окрестныхъ странъ и государствъ и въ нихъ мореходныхъ противу непріятелей креста Святого, военныхъ поведеній, которыя обрѣтаются въ Италіи, даже до Рима и до Малтійскаго острова, гдѣ пребываютъ славные въ воинствѣ кавалеры.

А въ свитѣ моей обрѣтается духовнаго чина и Малороссійскаго края Іерей Іосифъ Прокопіевъ сынъ Пашковскій.

Царедворецъ Герасимъ Головцынъ.

Маршалокъ Алексѣй Курбатовъ и прочіе: и въ томъ моемъ надлежащемъ пути возлагаю несумнѣнное мое и твердое упованіе на милость Всещедраго во Троицѣ славимаго Бога, да Той управитъ путь нашъ въ своей Божеской волѣ; по Бозѣ же ввергаю себя и всѣхъ присутствующихъ мнѣ во крѣпко надежную помощь, и заступленіе ходатайственное непостыдныя всего рода Христіанскаго надежды Пресвятыя Богоматери и въ молитвы всѣхъ Святыхъ, изъ нихъ же избрахъ мнѣ, и всѣмъ въ пути моемъ присутствующимъ за особливаго патрона и опекуна и предводителя Великаго Божія Пророка и Предтечу и Крестителя Господня Іоанна, о которомъ самъ Господь засвидѣтельствова Пречистыми Своими усты, яко не воста въ рожденныхъ женами болій Іоанна Крестителя, и о которомъ речено пророкомъ отъ лица Бога Отца ко Богу Сыну: Се Азъ посылаю Ангела моего предъ лицемъ Твоимъ, иже уготовитъ путь твой предъ Тобою. Да той плотный Ангелъ, великій Божій Предтеча, аще мы и недостойны есмы, обаче не оставитъ насъ во претрудномъ семъ пути нашемъ, но уготовитъ намъ той путь нашъ миренъ, безмятеженъ и во всемъ благополученъ; и якоже древле Моисея, съ нимъ же и весь родъ Еврейскій изъ Египта въ землю обѣтованную предводительствуя первый во Ангелѣхъ Великій Божій Архистратигъ Михаилъ, во дни утѣшаше отъ зноя облакомъ прохлажденія; въ нощи же показоваше и просвѣщаше имъ путь столпомъ огненнымъ: тако да и нашъ Патронъ и Предводитель, первый честію во Святыхъ, въ семъ претрудномъ и скорбномъ пути нашемъ, прохладитъ насъ отъ зноя всякихъ печалей и болѣзней прохлажденіемъ утѣшенія и исцѣ-

[1]) Во всѣхъ помѣщаемыхъ отрывкахъ сохраняется орѳографія подлинниковъ.

ленія, и будетъ намъ столпомъ крѣпости отъ лица вражія и во здравіи всецѣлыхъ возвратить насъ во всякомъ благоденствіи въ домы наши: по возвращеніи же надѣемся, да и дѣло мое труднопріятое, молитвами своими устроитъ предъ высочайшимъ Господемъ Богомъ благоугодно, и Премилостивѣйшему Нашему Великому Государю, Его Царскому Пресвѣтлому Величеству, потребно, въ Его же Великаго Божія Пророка опеку и соблюденіе, всѣ мы по Бозѣ и Его Богоматери предаемся, и во крѣпконадежное наше упованіе и мощи Его Святочудотворное при себѣ имѣемъ...

Сентября въ 6 день переѣхали 3 мили, ночевали переправяся рѣку Припеть подъ городомъ Чернобыль.

Тутъ Бояринъ увѣдомился подлинно отъ жителей тамошнихъ, что де въ Коронѣ Польской и въ Княжествѣ Литовскомъ содержится великая Конфедерація и Рокошъ между Сенаторовъ и Шляхтъ, которые со стороны Королевскаго Величества и которые имѣли совѣтъ со стороны де Конти Принца Французскаго, желая ему быть Королемъ Польскимъ, и многія де между ими чинятся мятежи и убійства, только де имѣютъ тѣ Рокошоне страхъ и опасеніе отъ войскъ Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества; и говорили Боярину тутошніе духовнаго чина жители, чтобы Бояринъ всячески старался ѣхать чрезъ страну Польскаго владѣнія съ великимъ опасеніемъ, утаивая достоинство свое и имя, чтобъ отъ тѣхъ Рокошанъ не пострадать чего зла.

И Бояринъ тутъ совѣтовавъ, постановилъ звати себя Романомъ Ротмистромъ Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества; а прочимъ при немъ будущимъ, которые Царедворцы и дому его слуги взяты были для провожанія до Кракова, приказалъ называться равными товарищами, и ѣсть за однимъ столомъ.

И съ того числа Бояринъ изволилъ въ томъ пути принимать великія себѣ трудности; вездѣ своею особою былъ въ замкахъ, и въ пересылкахъ въ Комендантамъ и къ Губернаторамъ, для разговоровъ и вольномъ проѣздѣ...

Сентября 19 число были въ Олыкѣ, и въ томъ городѣ Губернаторъ и градскіе жители и Шляхта знатно увѣдали отъ нѣкоторыхъ, что то ѣдетъ Бояринъ, а не равное товарищество прислали къ постоялому двору Капитана, и съ нимъ пятьдесятъ человѣкъ солдатъ,и со двора спускать никого не велѣли, и прислали отъ себя говорить Боярину и при немъ будущимъ: «Припознаваемъ де мы васъ не за равное товарищество; есть де между вами единъ старшій, и слышали де мы, что тутъ между вами есть Шереметевъ. Гетманъ войскъ Царскаго Величества и войско де слышимъ Царское стоитъ по границѣ, а онъ де разспорядивъ войско, ѣдетъ къ нынѣшнему нововыбранному Королю, для совѣта и управленія съ нами, которые держимъ сторону де Конти, и хотимъ быть ему на Королевствѣ». И Бояринъ во всемъ томъ отрицался, что тутъ Шереметева нѣтъ, а все равное товарищество, и насъ казали не тотъ, который данъ былъ Боярину, но иной. И два раза къ Губернатору ѣздилъ за карауломъ Бояринъ самъ, и едва разговорами своими увѣрилъ ихъ, что то ѣдетъ равное товарищество, гдѣ пристойно служить: и многіе въ томъ городѣ понесъ Бояринъ тягости; и всеконечно тутъ слышали, что хотѣли насъ всѣхъ ограбить, или перебить до смерти: но десница Божія учи-

нить то ихъ не допустила, и многую Боярикъ въ томъ городѣ издержалъ истрату, дарилъ многихъ, и кормилъ и поилъ Капитана и солдатъ...

...Марта 14 числа переѣхали 16 миль, ѣхали все горами, пріѣхали въ городъ Лорета, въ которомъ городѣ имѣется домъ Пресвятыя Богородицы, пренесенный Ангелы; глаголютъ тотъ домъ быти тотъ, который былъ въ Назаретѣ, въ которомъ Пресвятѣй Богородицѣ отъ Архангела Гавріила было Благовѣщеніе, и въ которомъ воспитала Сына своего Господа нашего Іисуса Христа, въ которомъ же дому пренесеся и образъ Пресвятыя Богородицы съ предвѣчнымъ Младенцемъ, вырѣзанъ изъ дерева, и сосуды чашечка и блюдечки, изъ которыхъ сама Пресвятая Богородица и Сынъ и Богъ ея питался, глиняныя, въ томъ дому окно, гдѣ было Благовѣщеніе, и камень и труба, гдѣ Пресвятая Богородица огнь клала и варила ястіе: тотъ домъ палата каменная, стоитъ безъ фундамента четыреста лѣтъ, а стоитъ нынѣ въ великой церквѣ, и кругъ того дому снаружи обдѣлано вновь палатою изъ мармора, и по всему вырѣзаны притчи Евангельскія и иныя весьма богато и искусно, и скарбъ въ той церквѣ Ея Пресвятыя Богородицы для дому Ея присланной отъ всѣхъ Монарховъ и отъ великихъ знатнѣйшихъ Особъ отъ каменьевъ алмазовъ, яхонтовъ, изумрудовъ и иныхъ, также отъ золота, серебра и жемчугу,превеликій и неисчетный; чаю будетъ на нѣсколько миліоновъ...

...Марта 23 числа пріѣзжалъ къ Боярину той же Папежской Дворецкой съ тремя Папежскими каретами, и Бояринъ съ братьями ѣздилъ въ церковь Святыхъ Апостолъ Петра и Павла, гдѣ ихъ мощи почиваютъ: и тутъ надъ мощми ихъ слушалъ обѣдню, по совершеніи же той обѣдни казали Боярину Копіе, которымъ на крестѣ прободенъ бысть Господь и Богъ нашъ; по томъ казали Образъ Спасителевъ, которой самъ Господь Богъ вообразилъ на полотнѣ или платѣ, которой платъ поднесла ему утертися святая мученица Вероника подъ часъ вольнаго Его страданія и несенія Креста на Голгофу; напослѣди же казали великую часть древа животворящаго Креста, и вся сія у нихъ зѣло въ великомъ благоговѣніи и почитаніи...

Марта 24 дня ѣздили въ тѣхъ же каретахъ въ церковь Святаго Іоанна Предтечи, въ которой сподобилися видѣть Кровь Спасителя нашего Бога въ сосудѣ весьма украшенномъ: Сударь, иже бѣ на главѣ Христовѣ во гробѣ: Лентіонъ, имъ же бѣ препоясанъ во время умовенія ногъ Святымъ своимъ ученикомъ и Апостоломъ: Ризы часть Пресвятыя Богородицы: Платъ, который Пресвятая Богородица носила на главѣ своей: Главы Святыхъ Апостолъ Петра и Павла; въ той же церквѣ мощи премногія, часть древа Животворящаго Креста; Глава Пророка Захаріи отца Предтечева; Прахъ тѣлесе созженнаго Святаго Іоанна Предтечи и многихъ Святыхъ мощи.

Вышедъ изъ той церкви по правую сторону у другой церкви Спасовой придѣлана лѣсница мраморовая, которая привезена изъ Іерусалима, по которой Господь Богъ веденъ отъ Каіофы къ Пилату на осужденіе смерти, осужденъ и біенъ отъ Пилата, по той же лѣсницѣ веденъ на распятіе; Кровь его капала на той лѣсницѣ, которая видна и до сего дня, надъ которою кровію нынѣ учинены

кресты, и ходятъ непрестанно на ту лѣсницу ползающе на колѣняхъ; на всякой же ступенькѣ говорятъ: Отче нашъ.

Возшедши на ту лѣсницу въ церквѣ образъ Господа нашего Іисуса Христа, которой писанъ Лукою Евангелистомъ съ самыя Ипостаси Христовы во время бытія Его на земли; и стоялъ той образъ въ домѣ Пресвятыя Богородицы, которой образъ нѣкогда ураженъ камнемъ, отъ чего истече кровь, которая и доднесь видна на пресвятомъ лицѣ Его.

Въ той же церквѣ есть ковчегъ, а въ немъ положены многія мощи Святыхъ Младенцовъ, избіенныхъ во Вифліемѣ, и иныхъ многихъ Святыхъ.

Также одежды Святыхъ Апостолъ Петра и Павла и Стефана Архидіакона.

Тамъ же ризы сдѣланы отъ Ангеловъ Святому Петру Апостолу.

Также въ Крестѣ устроено и положено часть Пупа Христова и часть Обрѣзанія: еще часть башмаковъ Христовыхъ.

Еще не малая часть Животворящаго древа, и часть хлѣба Тайныя Вечери, и двачадесять зеренъ Чечевицы, по Латини же называется Lens.

И часть великая Губы, которою оцтомъ и желчію напоенъ бысть Господь нашъ.

И часть трости, которую поругаяся воины дали въ руцѣ Господу нашему.

И часть смоковницы Закхеевы.

Также Доска, на которой сидѣлъ Господь Богъ, умывая ученикамъ ноги.

И многихъ безчисленныхъ Святыхъ мощи.

Называется же у нихъ оная церковь Святая Святыхъ.

Марта 25 числа ѣздили въ церковь, которая называется sancta Maria Meggioге и сподобились видѣти Ясли, въ которыхъ Господа нашего Іисуса Христа Пресвятая Богоридца по рожденіи положила.

Въ той же церквѣ Пелены, которыми Пресвятая Богородица повивала Сына своего и Бога: тутъ же мощи Святыхъ...

Изъ той же церкви ѣздили въ другую церковь Святаго Силвестра Папы Римскаго: тутъ есть дѣвичей монастырь, гдѣ сподобилися видѣти Образъ Нерукотворенный Спасовъ, который Самъ Господь послалъ ко Авгарю, Князю Едесскому: является изображеніемъ, якобы самое истинное тѣло, и зѣло предрагоукрашенъ. Тутъ же видѣли Главу Святаго Іоанна Предтечи, положена зѣло въ предрагоукрашенномъ кивотѣ за хрусталемъ...

Марта 28 дня ѣздили въ Гошпиталь Святаго Духа, въ которомъ больныхъ всякими болѣзнями немоществующихъ принимаютъ, и лечатъ и кормятъ со всякимъ прилѣжаніемъ, и всякому особливыя учинены постели мягкія и всякая нужда больнымъ, и за всякимъ ходитъ особливой человѣкъ: а бываетъ ихъ въ томъ Гошпиталѣ по пяти, и по десяти, и по пятнадцати тысячь, и прошлаго лѣта сказывали, что было ихъ пятнадцать тысячь; а для лѣкарствъ тутъ же въ Гошпиталѣ учинены великія аптеки, и притомъ Докторъ и Лѣкари многіе, и въ томъ Гошпиталѣ посреди учиненъ Престолъ, на которомъ всякой день служатъ обѣдню, а сей Гошпиталь учиненъ превеликой, и въ немъ разныя многія палаты.

Подлѣ сего же Гошпиталя Святаго Духа учиненъ другой дворъ и палаты превеликія, въ которомъ собрано бѣдныхъ сиротъ, которыя не имѣютъ отцовъ и матерей и домовъ, женска полу дѣвокъ большихъ и малыхъ больше двухъ тысячь, которыхъ кормятъ и одѣваютъ тутъ же изъ Гошпиталя: и всякой особая постеля съ бѣлыми простынями и всякая имъ потреба безъ нужды, и всѣ работаютъ, иныя прядутъ, иныя ткутъ сукна, а маленькія вяжутъ чулки: и тутъ все то продаютъ на тотъ же Гошпиталь, а которыя дѣвки невѣсты похотятъ замужъ и такимъ на приданное даютъ по сту скудовъ, а скудъ считается близко рубля, а раздаетъ то приданое въ церквѣ самъ Папа, или велитъ Кардиналамъ въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, что особно для того празднуютъ, и нынѣшняго года при бытности Боярской въ Римѣ роздано того приданаго четыремъ стамъ дѣвкамъ, и бываетъ у нихъ въ тотъ день процессіа, а тѣ дѣвки всѣ идутъ въ *той процессіи*...

...Тотъ городъ Неаполь стоитъ надъ моремъ, строеніе въ немъ палатное хорошее, а паче церкви преизрядныя украшеніемъ всякимъ, предорогими живописьми, а больше мармарами, и онъ весьма многолюдной городъ; въ сей городъ посылаются отъ Гишпанскаго Короля изъ наизнатнѣйшихъ Особъ Вицерои, сирѣчь Намѣстники, и живутъ въ немъ по два года и владѣютъ всѣми городами Неаполитанскаго государства.

Отъ онаго города съ десять миль стоитъ гора превеликая, называемая Везувія, которая непрестанно горитъ, и въ день огонь видно, а паче дымъ превеликимъ столпомъ идетъ; а въ ночи то лучше видно; вверху оной горы весьма превеликій огонь исходитъ съ великимъ шумомъ, такъ что въ большій страхъ приводитъ человѣка...

...Апрѣля 21 дня побѣжали парусомъ далеко отъ берега, и въ Мессину на островъ Сициліанскій прибѣжали часовъ за шесть до вечера, а выѣхавъ изъ Тропеи посторонь въ море миль за 50 стоитъ гора, которая завется Стромболій кругъ ея 15 миль, а на верьху той горы непрестанно горитъ мили на двѣ кругомъ, и говорятъ, что тутъ жилище діаволомъ, и такъ они въ томъ увѣрены, что и намъ такъ сказывали, и многіе де были такія причины, что многія фелюки съ людьми діаволами утаскиваемы бывали къ той горѣ, и потопляемы въ море, а нынѣ кто ѣдетъ мимо той горы, ставитъ кругъ фелюкъ многіе кресты, и тѣмъ де спасаются: а пѣшіе де люди къ той горѣ выходя изъ фелюкъ знаменавшеся крестнымъ знаменемъ ходятъ, только де за превеликимъ отъ огня шумомъ близко придти невозможно...

По обѣдѣ побѣжали было парусомъ до Сиракузы, но за противнымъ вѣтромъ повернули въ городъ Катанія, которой отъ того порта, гдѣ обѣдали, только двѣ мили; и тутъ ночевали въ городѣ, а иные въ фелюкахъ...

Тотъ городъ острова Сицилійскаго, строенъ по Потопѣ Симомъ Ноевымъ сыномъ, и посѣщеніе Божіе надъ нимъ было такое: прежде тому лѣтъ съ пять сотъ отъ трясенія земли тотъ городъ распался весь, а иные домы пошли въ землю, и людей погибло премножество: потомъ отъ иныхъ людей опять построился, а въ прошломъ 200 году, отъ Р. Х. 1692 трясеніе было въ томъ городѣ

три дни, и въ тѣ дни всѣ жители исповѣдывали грѣхи своя и причищалися; и того третіяго дня отъ того трясенія въ томъ городѣ всякое зданіе кромѣ цитадели все упало. Оная церковь Святаго Льва Епископа Катанскаго упала же, только остался алтарь, въ которомъ мощи его, и людей тутъ 15000 погибло въ церквѣ, только остался одинъ священникъ, которой ухватилъ и держалъ Тѣло Христово: а во всемъ городѣ погибло людей 25000; и въ нынѣшнемъ 206 году, Марта въ 13 числѣ по новому календарю было въ томъ городѣ трясеніежъ, только тѣмъ трясеніемъ городу и людемъ никакого вреда не учинило.

Близь того же города миль съ десять есть гора превысокая, именуемая Этна, которая горитъ великимъ пламенемъ, и выкидываетъ изъ нея огненные превеликіе камни, и по той горѣ часто бываютъ источники огненные. А во 189, отъ Р. Х. 1681 года изъ той горы протекли великія огненныя лавы, и текли по обѣ стороны того города, шириною на милю, не захвативъ того города; и зданіе все, которое въ тѣхъ мѣстахъ было. и виноградные и иныхъ многихъ деревъ сады пожгло, и не токмо то, но и горы каменныя отъ того огня развалилися, и море въ то время отъ того огня на нѣсколько саженъ уступило, котораго теченія лавъ было три дни, и на тѣхъ мѣстахъ и доднесь не растетъ ничто: а какъ та гора начала горѣть и тому сказывали только 26 лѣтъ, и видно то все распаденіе города и попаленіе земли и даднесь, чему мы самовидцы...

...Маія 8 числа былъ бояринъ въ церквѣ Святаго Іоанна Предтечи, въ которой того дня былъ Грандъ-Магистеръ, и всѣ кавалеры слушали литургію, и всѣ причащалися. А стоялъ Грандъ-Магистеръ въ той церквѣ на особливомъ устроенномъ мѣстѣ, подъ балдахиномъ: а боярину сдѣлано было особливоежъ мѣсто по правую сторону Грандъ-Магистра и обито было коврами, а подъ колѣни положены были двѣ подушки золотыя бархатныя; а братья боярскіе стояли мало поодаль отдѣляся отъ всѣхъ кавалеровъ, и положены имъ были подушки бархатныя. По окончаніи литургіи выносили съ процессіею и пѣніемъ руку святого Великаго Пророка Предтечи и Крестителя Господня Іоанна, и сподобилися всѣ ее цѣловать. Та святаго Предтечи рука по запястья, и видомъ мощи весьма преудивительны являются, какъ будто недавно умершаго человѣка. А выносили ту руку и цѣловали съ великимъ благоговѣніемъ многіе и со слезами и радостію. Показуютъ же оную руку всенародно годамъ не многогажды...

...Маія 23 числа въ Неаполѣ будучи присылалъ Арцыбискупъ Нунціусъ Папежской къ Боярину объявить, чтобы того дня Бояринъ изволилъ ѣхать въ Дѣвичей монастырь, въ которомъ, сказалъ, содержится кровь Святаго Великаго Угодника Господня Іанурія, которая кровь у тѣхъ законницъ въ сокровищницѣ хранится съ великимъ почитаніемъ, и временемъ износятъ ее изъ сокровищницы съ процессіею въ церковь, и ставятъ на престолъ и служатъ литургіи. Многажды же во время святыя литургіи оная святая кровь причудесно показуется кипѣніемъ, аки бы жива. И прислалъ оный Арцыбискупъ къ Боярину свою карету о шести возникахъ, съ Маршалкомъ дому своего съ Патромъ, которой ѣздилъ съ Бояриномъ. Какъ пришелъ Бояринъ въ церковь, то мало подождавъ принесли оную святую кровь съ великимъ благоговѣніемъ и процессіею въ церковь, и

поставили на престолъ. Сія святая кровь хранится въ маломъ хрустальномъ сосудѣ; въ половину того сосудца видѣніемъ, аки бы запеклась, и тотъ сосудецъ повернули вверхъ дномъ; кровь же не переливается, а видится, аки бы засохла, и стоитъ вверху того сосудца; а какъ начали служить литургію, и какъ прочитали Евангеліе, то оная святая кровь помалу начала опускаться внизъ, и опустилась до самого дна, не распустившися во весь сосудецъ, но отстояща отъ всѣхъ боковыхъ сторонъ начала кипѣть и перебираться вверьхъ и внизъ зѣло пречудесно и удивительно, что видя всѣ люди находившіеся въ той церквѣ въ великомъ были радованіи, и по обыкновенію Латинскому били въ свои перси, премногіе же плакали. По отправленіи литургіи оную святую кровь кипящую всѣ цѣловали съ великимъ страхомъ и слезами, благодаря Бога за такое превеліе чрезъ оную святую кровь показанное чудодѣйствованіе. По томъ отнесли опять съ процессіею въ сокровищницу. Сказывали тутъ въ церквѣ Боярину Іереи служители тоя церкви, что де оная святая кровь износится изъ сокровищницы не многажды въ годъ. и показуетъ де она тое чудо чрезъ кипѣніе, иногда на первой литургіи, иногда на второй и на третей, а иногда и на многихъ литургіяхъ не показуется чудо, и то де приписуемъ мы тогда великому нашему согрѣшенію, и молящеся чинимъ де процессіи и по томъ де видѣнію того чудеси сподобляемся. Бояринъ и съ нимъ бывшіе самовидцы онаго преславнаго чудеси...

...Маія 30 числа ходили въ г. Бари въ церковь, гдѣ лежатъ мощи Великаго Чудотворца Николая: оныя Святыя Мvроточивыя мощи лежатъ въ исподней церквѣ подъ престоломъ, которая церковь сдѣлана подъ большою церковью въ землѣ; престолъ же, стоящій надъ Святыми Его мощами весьма украшенъ, сдѣланъ весь серебряный высокой работы, вкругъ котораго сдѣланы великіе серебряные Ангелы, также кругомъ его поставлены многіе серебряные жъ кандалы и лампады: поверхъ престола сдѣланъ образъ большой Чудотворца Николая весь серебряной сидячей въ одной рукѣ держа Евангеліе, а другою благословляетъ людей. Въ семъ престолѣ придѣланы дверцы серебряныя жъ, которыя всегда бываютъ заперты, а отпираютъ временно, когда случаются пріѣжжіе, чтобы имъ видѣть Святыя мощи; когда жъ надобно ихъ отпереть, тогда прежде Патры преклоняютъ колѣни и молятся, а по томъ отпираютъ. Въ оныя дверцы лазятъ люди по поясъ, и смотрятъ Святыхъ мощей въ окошечко, которое сдѣлано надъ самыми мощми, а въ то окошечко опущаютъ маленькой шандальчикъ на цѣпочкѣ, поставя въ него свѣчку. Тѣхъ Святыхъ мощей видна только одна нога, и то неявственно, для того, что мощи опущены глубоко, а окошечко не велико; въ сіе окошечко опускнымъ онымъ шандальцемъ мало износятъ мvра, и даютъ пить. Сказывали оныя церкви Патры, что де того мvра отъ мощей его чудотворныхъ истекаетъ изъ всѣхъ членовъ премножество, котораго мvра всѣмъ даютъ неоскудно великіе сосуды; и Боярину и братьямъ его и при немъ бывшимъ онаго Святаго мvра наполнили многіе сосуды. Тутъ въ церквѣ слушали обѣдню и вечерню, а ввечеру приходили, и были въ Сакристіи, то есть въ ризницѣ, въ которой есть образъ Чудотворца Николая стоящей, о которомъ увѣряли, что писанъ въ то время, какъ еще въ живыхъ былъ Чудотворецъ Николай. Оный образъ въ

великомъ у нихъ имѣется почитаніи и украшеніи, вкругъ его поставлены многихъ Святыхъ мощей части, а паче тутъ есть часть Ризы Господни, которую раздѣлиша воины при Крестѣ Господни, и игла Терноваго Христова Вѣнца, и часть Губы съ оцтомъ. Опая Терновая Игла, сказывали намъ, что де во время страстныя педѣли бываетъ аки бы кровава. Тутъ же Власы Пресвятыя Богоматери, Рука Іакова Брата Господня по плоти, и иныхъ многихъ Святыхъ мощи; особливо же между ими есть часть небольшая Кости Святого Мученика Лаврентія положена въ хрусталѣ, а какъ поцѣлуешь, то сквозь хрусталь является тепло, чему есть не малое удивленіе; тутъ же имѣются двои Ризы, которыя прислали, держа вѣру къ чудотворцу Николаю, Гишпанской и Французской Короли, весьма драгоцѣнно украшенныя каменьями и жемчугомъ: и велію вѣру имѣютъ Латины къ Чудотворцу Николаю, и пріѣжжаютъ къ нему на поклоненіе многіе. Тутъ же въ церквѣ Гробъ его Чудотворца Николая, въ которомъ мощи его привезены изъ Мура града: сей гробъ деревянной, разобранъ и положенъ въ скрыну за стекломъ, которая скрына украшена рѣзьбою съ позолотою, и въ великомъ у нихъ имѣется почитаніи, тутъ же тоя церкви служители сказывали Боярину, какъ де строилась она исподняя церковь, и ставили въ ней марморные столбы, на которыхъ нынѣ стоитъ, и одного де столба не достало, о чемъ де здатели онаго храма весьма скорбѣли, что такого вскорѣ взять не гдѣ: послѣ чего увидѣли въ той церквѣ столбъ поставленъ на своемъ мѣстѣ, чему весьма удивились, и благодаря приписали то чудодѣйствію Чудотворца Николая: по томъ подлинно свѣдали, что оный столбъ принесенъ невидимою силою изъ Мура града, въ которомъ были мощи его, и сей столбъ въ великомъ находится у нихъ почитаніи; отъ мощей же Чудотворца Николая и доднесь коемуждо по вѣрѣ многія бываютъ чудеса...

...Того жъ числа звали боярина Езуиты смотрѣть ихъ Академію, въ которой учатъ письменнымъ всякимъ наукамъ и инымъ многимъ художествамъ. И Бояринъ ѣздилъ, а какъ пріѣхали и вошли въ Академію, того жъ часа Ректоръ оной Академіи просилъ Боярина сѣсть на особливо уготованномъ для Боярина мѣстѣ;.. по томъ вышелъ изъ другой палаты одного Знатнаго человѣка сынъ, и ставъ на высокомъ мѣстѣ, поздравлялъ Боярина, говорилъ привѣтствіе по Латыни.

Потомъ казали, какъ бивалися прежніе богатыри копьями и саблями, убравъ шесть человѣкъ въ латы: по томъ многіе знатныхъ отцовъ дѣти билися на рапирахъ, и выходили со знамены строемъ, и строй оказывали пѣхотной, и знамя уклоняли: по томъ поставя изъ дерева сдѣланную лошадь, всякія волтижированія оказывали, садяся на ту лошадь и черезъ перескакивая, а наконецъ разныя танцы и миноветы танцовали. Всему этому учатъ особливые мастера мірскіе люди, а не Езуиты; на дворѣ же ѣздили на лошадяхъ, и показывали манежъ ученіе конное. Послѣ чего Бояринъ привитався со многими знатными Господами, съ Езуитами и съ учителями, поѣхалъ до квартиры.

Въ бытность Боярскую въ Неаполѣ тутошніе жители два дни были въ великомъ страхѣ и ужасѣ отъ горы Везувіи горящей непрестанно; потому что въ тѣ два дни превеликой изъ оной горы исходилъ огонь, былъ громъ, трескъ и шумъ, и кидало вкругъ горы мили на три и на четыре большія огненныя каменья:

многія же съ той горы протекли огненныя лавы, при чемъ живущихъ около сей горы пожгло, побило и переранило каменьями многихъ людей, также и всякіе пожгло заводы, отъ чего въ городъ Неаполь сбѣжалося народу съ тридцать тысячь, которыхъ сего города начальствующіе Господинъ Вицерой и Кардиналъ три дня кормили своимъ коштомъ, давали имъ на день по тарину, а на Русскія деньги по двѣ гривны: раненыхъ же приказали лѣчить: и въ тѣ два дни въ городѣ Неаполѣ такой сыпало отъ оной горы пепелъ, что никакъ по городу ходить было не возможно, и насыпано того пепела во всемъ городѣ по всѣмъ улицамъ больше нежель на четверть аршина, отъ чего сдѣлалась престрашная духота, отъ которыя слабые люди почали было болѣть, что видя Вицерой и Кардиналъ, причли быти оному особливому на нихъ гнѣву Божію, во удовлетвореніе чего и умилостивленіе Бога въ третей день въ второмъ часу утра чинили они процессію, ходили со Кресты изо всѣхъ церквей и монастырей по городу всѣ духовные люди и сами Вицерой и Кардиналъ, и весь народъ съ женами и съ дѣтьми; а многіе изъ мірскихъ людей и изъ знатныхъ особъ, показуя свои труды, носили въ той процессіи каменья великіе и песокъ, какъ можно съ нуждою человѣку несть, убравшися въ особливое бѣлое платье, и покрывъ лице, чтобъ не узнали: послѣ чего тоя ночи въ полночь великой былъ дождь, и весь оный пепелъ въ городѣ по улицамъ прибили; въ горѣ же огонь такъ утихъ, что только дыму мало видно было, и отъ того всѣ люди отраду воспріяли...

...Іюня 12 числа ѣздилъ Боярин для поклоненія Святому мѣсту, на которомъ Святаго Апостола Павла отсѣчена была глава; и на томъ мѣстѣ состроена церковь, въ которой близь престола стоитъ столпъ каменной невысокой ниже пояса, на которомъ столпѣ Святая Апостольская глава отсѣчена: во время онаго усѣченія та глава трижды отъ столпа рядомъ скочила длиною сашени на четыре, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ останавливалась глава, пречудесно явились три колодязя воды, кои и доднесь всѣмъ видимы, и вода въ оныхъ колодязяхъ очень вкусна, только видамъ она кажется не одинакимъ...

...И назавтра (во Флоренціи) ѣздилъ Боярин съ братьями своими и съ Аббатомъ Патромъ Франциском въ двухъ Дюковыхъ каретахъ, и былъ въ оныхъ двухъ вышепомянутыхъ церквахъ, по томъ были во звѣринцѣ, и видѣли большихъ львовъ и львицъ и по полугоду молодыхъ львовъ, также барсовъ, медвѣдей, волковъ, лисицъ, песцовъ бѣлыхъ, котовъ морскихъ и великихъ орловъ.

Изъ „Журнала путешествія по Германіи, Голландіи и Италіи въ 1697—99 гг.“

Въ Амстредамѣ видѣлъ въ домѣ собраны золотыя и серебряныя и всякія руды; и какъ родятся алмазы, изумрудъ и кораллы, и всякія каменья; золото течетъ изъ земли отъ великаго жару, и всякія морскія вещи видѣлъ.

Младенца видѣлъ женскаго пола, полутора году, мохната всего сплошь и толста гораздо, лице поперегъ полторы четверти; привезена была на ярмонку.

(Видѣлъ тутъ же) слона (великаго), которой игралъ миноветы, трубилъ по турецки, по черкаски, стрѣлялъ изъ мушкатанта и многія дѣлалъ забавы; дѣлалъ симпаію (имѣетъ симпатію) съ собакою (которая непрестанно съ нимъ пребываетъ, зѣло дивно) преудивительно.

(На ярмонкѣ) видѣлъ метальника, которой черезъ трехъ человѣкъ перескоча, на лету обернется головою внизъ и станетъ на ногахъ.

Видѣлъ у доктора анатомію: кости, жилы, мозгъ человѣческой, тѣлеса младенческія и какъ зачнется во чревѣ и родится. Видѣлъ сердце человѣческое, легкое, почки, и какъ въ почкахъ родится камень...

Видѣлъ кожу человѣческую, выдѣлана толще бараньей кожи, которая на мозгу у человѣка живетъ: вся въ жилахъ, косточки маленькія, будто молоточки, которые въ ушахъ живутъ. Животныя отъ многихъ лѣтъ собраны и нетлѣнны въ спиртахъ; мартышки, звѣри, (индѣйскіе) маленькіе и змѣи предивныя, лягушки, рыбы (многія) дивныя и птицы разныя (зело) дивніе-жъ и коркодилы (крокодилы), змѣй съ ногами, голова долга, змѣй о двухъ головахъ...

Видѣлъ мужика безрукаго, который въ карты игралъ, изъ пищали стрѣлялъ и набивалъ, самъ у себя бороду брилъ; поставитъ на столѣ на самый край стулъ и подъ стулъ поставитъ рюмку; станетъ на стулъ ногами и нагняся достанетъ зубами рюмку, съ шпагами танцовалъ, въ стѣну бросалъ (шпагою) зело прытко, ногою (писалъ)...

Видѣлъ стекло зажигательное, въ малую четверть часа растопитъ ефимокъ.

Въ Амстердамѣ былъ у жидовъ въ церквахъ, видѣлъ великое богатство, церкви изрядныя, книги Моисеевы украшены хорошо.

Былъ въ церкви у квакеровъ, которые собираются въ церкви, сидятъ часа три съ великимъ смиреніемъ, никто не молвитъ, всякой ожидаетъ на себя освященія; познавши кто себя, мужъ или жена, встаетъ и учитъ людей и въ то время молчатъ, хотя велику досаду дѣлай, (не противятся и) отвѣта не дастъ.

Видѣлъ птицу превеликую, безъ крылъ и перья нѣтъ, будто щетина. Видѣлъ индѣйскихъ мышей, желтыя и бѣлыя, какъ горностаи.—Видѣлъ ворона, тремя языками говоритъ,—Видѣлъ кита, которой выпоротъ изъ брюха, еще не родился пять сажень. Видѣлъ морского зайца, у котораго затылочная кость полторы сажени. Видѣлъ рыбу морскую и съ крыльями, можетъ вездѣ лѣтать...

Трубку зрительную видѣлъ, чрезъ которую смотрятъ на мѣсяцъ и на звѣзды; на мѣсяцъ смотрѣли и видѣлъ (можно видѣть), что есть земля и горы: а мѣрою та труба десять (въ десять) сажень...

Изъ Делера въ Ростродамъ (Rotterdam), ѣздили, смотрѣли тутъ церкви большія. Видѣли славнаго человѣка ученаго персону изъ мѣди, вылита въ подобіе человѣка и книга мѣдная въ рукахъ, и какъ 12 часовъ ударитъ, то перекинетъ листъ: имя Еразмусъ.

На дворѣ былъ, гдѣ травили быковъ собаками, при мнѣ затравили трехъ, а два устояли; многихъ собакъ побили до смерти, иныхъ бока прокололи рогами. Которые быки устояли, на нихъ положены короны и фрукты изъ бумаги сдѣланы, за то, что выдержали тріумфъ и повели по городу; а передъ ними два

человѣка шли и трубили. Въ Остродамѣ (Amsterdam) былъ, гдѣ собираются дважды въ недѣлю ученые люди и допытываются промежъ собой о разныхъ вещахъ богословскихъ и философскихъ...

Былъ у іезувитовъ въ монастырѣ [1]). Въ церкви предивное украшеніе; святыя иконы изрядныя, паникадило одно серебряное великое, чеканной работы, притчи евангельскія: пять (дѣвъ) мудрыхъ съ неугасимыми лампадами. пять юродивыхъ съ лампадами безъ огня. У нихъ (же) былъ въ библіотекѣ. превеликое собраніе разныхъ книгъ, хорошее тщаніе и попеченіе.

Были въ монастырѣ у капуцынъ, ходятъ на колодкахъ босыми ногами [2]), головы обриты—кругомъ оставлено на палецъ; платье черное, подпоясаны веревкою; разныхъ законовъ зело много, въ Куленѣ (Koelln) будетъ двадцать [3]).

Былъ въ монастырѣ, гдѣ 1,100 дѣвицъ пострадали. Тутъ же видѣлъ камень Спасителева гроба, кувшинъ, въ которомъ Христосъ претворялъ въ Канѣ Галилейской воду въ вино, мѣрою полведра; Богоматери, камень бѣлый,—фигура. Тутъ видѣлъ жезлъ апостола Петра, на концѣ кость точеная...

Въ Оспургѣ (Augsburg) смотрѣли статусъ (Rathhaus) хорошей работы (въ середкахъ) лучше Астердамскаго (дому:) изрядныя письма, рѣзьба предивная, вызолочена вся. (А мѣрою) палата лучшая, 25 ступеней, ширина 14 ступеней. Въ сѣняхъ подпоры столбы мраморные, вышина двѣ сажени (одного камени); подъ исподомъ плиты все изъ фонтановъ; а въ городѣ улицы вымощены (всѣ) камнемъ, по всякой улицѣ текутъ воды живые, а всѣ изъ фантановъ.

Дѣвки носятъ глабы (косы) на головахъ, превеликія иныхъ волосовъ, а печальныя платья у нихъ особыя, другія шелковыя; косы вмѣстѣ, на головахъ великіе щиты изъ полотна, на шеѣ брыле, платье долгое, собрано какъ саванъ. Жены ихъ носятъ шапки великія, подобно гарлатнымъ, только больше...

Въ Венеціи былъ въ церкви, которая вся изъ мрамора бѣлаго; образъ Пресвятыя Богородицы высѣченъ изъ бѣлаго мрамора держитъ младенца, предивной работы; надъ нею сдѣлано солнце и пламени изъ стекла, подобно какъ солнце сіяетъ. Тутъ же былъ въ монастырѣ, слышалъ музыки; такой музыки николи не слыхалъ во всей Европѣ; пѣли дѣвки на хорахъ и на всѣхъ инструментахъ играли въ церкви католицкой...

Въ Венеціи церковь соборная святаго евангелиста Марка (зело изрядна). Надъ дверьми рѣзьба изъ мрамора бѣлаго, надъ рѣзьбою четыре лошади мѣдныя, безъ уздъ, вызолочены, а поставлены на знакъ венеціанской вольности. Предъ тою церковью площадь, 125 ступеней, поперегъ 42; кругомъ домы прокураторскіе великіе, стоятъ три столба высокіе деревянные, утверждены въ мѣди чеканной работы, значатъ провинціи венецейскія. На другой (площади) два столба каменные, изъ одного камня, 8 саженъ; на одномъ гербъ или левъ съ крыльемъ, во образъ евангелиста Марка, на другомъ образъ св. Федора, змія закололъ...

---

[1]) Въ Дюссельдорфѣ.—*Прим. К. С.*

[2]) Въ Сандаліяхъ,—капуцыны древнихъ правилъ.

[3]) Т.-е. церквей разныхъ исповѣданій.

Были въ церкви св. Марка: тутъ (млеко) пресвятыя Богородицы въ скляницѣ и власы Богородицы русы; гвоздь, которымъ прибито тѣло Спасителя и Бога нашего; терноваго вѣнца часть; часть столба у котораго Творца нашего бичевали; ризы пресвятыя Богородицы; евангеліе писано евангелистомъ Маркомъ; камень тотъ изъ котораго въ пустынѣ Моисей воду источилъ.

Изъ Венеціи ѣздили въ Муранъ (Muran) моремъ съ версту, гдѣ стекла зеркальныя дѣлаютъ, посуды всякія; камень толкутъ и топятъ...

Во всей Италіи славные пѣвцы: 1-й кастратъ Мачуль, неаполитанъ, 2-я дѣвка Маргарита, 3 кастратъ Картуса, 4-й кастратъ Пикуданина, (Ганти), 5 дѣвка Сицилія, 6-я Катина дѣвка. На короновалъ, одному кастрату даютъ найму по 1000 червонныхъ и больше...

27-го пріѣхали въ Флоренцію ночевать, городъ великъ, по улицамъ нечисто, домы изряднаго строенія, окончины бумажные, рѣдко—стеклянные...

Тутъ-же видѣлъ церковь, которую строятъ 96 лѣтъ, а еще недостроена половина, вся внутри изъ разныхъ мраморовъ и яшми, все камень въ камень врѣзаны, такая работа, что не возможно вѣрить: одну литеру вырѣзываютъ по три недѣли, а стала до сего времени въ 22 милліона шкутовъ (scudi) или ефимковъ.

Тутъ-же былъ у сенатора въ домѣ, великъ, пять палатъ убраны письмомъ предивнымъ...

Былъ у Флоренскаго Князя, на дворѣ, [1]), гдѣ собраны всякія вещи, называется галлерея; первую штуку видѣлъ престолъ, сдѣланъ изъ мрамора разнаго цвѣту, въ ту церковь которую 96 лѣтъ строятъ: палата съ письмами предивными, другая спорцеліоны [2]), палата съ интрументами математическими, два глобуса велики, палата съ письмами, тутъ столъ круглой [3]), которой дѣлали 15 человѣкъ 30 лѣтъ, нѣсколько тысячь стоитъ золотыхъ. Шкатулка золотомъ оправлена каменьями, изумрудомъ, яхонтами; два стола яшмовые, на нихъ стоятъ сосуды костяные, дивной работы. Въ той-же палатѣ поставецъ съ хрустальными сосудами и съ яшмовыми каменьями, золотомъ оправлены. Тутъ-же въ палатѣ изумрудъ съ землею, какъ родятся отъ натуры; тутъ-же изумрудъ [4]) съ кулакъ, сдѣлана персона царя; палатъ ружейныхъ довольно. Алмазъ славной во всемъ свѣтѣ, оправленъ желѣзомъ, 148 кратъ; у престола доска золотая съ каменьями вельми богата, для новой церкви, что 96 лѣтъ строится; поставецъ великой, въ немъ сосуды золотые.

У Князя Флоренскаго были, на дворѣ лежитъ камень магнитъ сажень двухъ кругомъ, вверхъ его поясъ человѣку. Были въ саду, дивныи по дорожкамъ сажены кипарисы, фонтаны, чаша изъ однаго камня 15 сажень кругомъ; были гдѣ птицы разныя, 5 строфокамиловъ. Тутъ-же видѣли лошадь, которая имѣла гриву 11 сажень длины, мѣрялъ самъ...

---

[1]) Palazzo Pitti.

[2]) Съ фарфоромъ.

[3]) Мозаичный (en camaieu), изъ вырѣзаннаго цвѣтнаго камня.

[4]) Въ другомъ спискѣ: „бирюза“.

У Князя Бургезія (Borghese) [1]) были въ саду, который пять верстъ, палаты убраны и персоны царскія и многихъ славныхъ владѣтелей и мучителей, изъ мраморовъ; палаты убраны богатствомъ, столы, шкафы, чаши мраморныя, палата покрыта желѣзною сѣтью: въ ней разнаго рода птицы водятся тутъ; въ саду прудъ; напущено въ садъ звѣрей разныхъ, и, водятся. Двѣ рощи, гдѣ зайцевъ множество водится. Посрединѣ тѣхъ палатъ фонтаны для птицъ. Въ этомъ же саду пруды превеликіе; разныхъ оленей, какъ и иныхъ разныхъ напущено. На годъ убиваютъ по 100 и больше молодыхъ, для того что много родятся. Въ томъ же саду, гдѣ зайцы водятся, птицъ разныхъ множество, павлиновъ бѣлыхъ, строфокамиловъ и иныхъ дивныхъ...

Въ Женую (Genua) пріѣхали 22-го числа. Городъ великъ, стоитъ на морѣ. портъ не великъ. Какъ мы были, кораблей было 20, а въ готовности стоятъ для турокъ 8 всегда, по 32 весла; на нихъ въ матрозахъ турки, арапы, плѣнные и тутошнія люди, за вину. Князь (въ Женуи) выбирается изъ сенаторовъ на два года; (городъ строенья изряднаго и гораздо люденъ). Сенаторовъ и женъ ихъ носятъ люди по два человѣка, и иные на мулахъ ѣздятъ, тако-жъ и возки есть.

Тутъ-же былъ въ саду у князя при домѣ, что построенъ у моря; смотрѣлъ фонтаны; три лошади есть превеликія, на нихъ мужикъ стоитъ, у той что въ серединѣ лошади изъ языка, а у крайнихъ коней изъ ноздрей вода течетъ. Кругомъ тѣхъ лошадей ребята, изъ мрамора, сидятъ, воду пьютъ; пониже ихъ двѣнадцать орловъ каменные, въ когтяхъ у нихъ птицы и животныя; изъ нихъ вода течетъ...

Въ Венеціи въ греческой церкви былъ; одного свидѣтельствовали нашей вѣры, достоинъ-ли философскаго мѣста: сидѣлъ владыка, прокуратуры 30 человѣкъ, сидѣли духовнаго чину римлянъ ученыхъ и у всѣхъ печатные листы, въ чемъ свидѣтельствуется ученикъ, и многія ученыя люди со онымъ ученикомъ диспутовались, (всѣмъ отвѣтъ давалъ).

У сенатора былъ въ домѣ, видѣлъ много натуральныхъ вещей: рука человѣческая нѣсколько времени была въ морѣ и окаменѣла вся: знать въ срединѣ кость, десны человѣческія и губы знать; раки каменныя отъ натуры великія и рыбы каменныя. У него же видѣлъ змѣю о двухъ головахъ, курицу о 4-хъ ногахъ. Тутъ же видѣлъ василиска, который умертвить человѣка (можетъ) зрѣніемъ...

Изъ „Путешествія стольника Петра Андреевича Толстого 1697—1699 гг."

Мая въ 22-й день. Пріѣхалъ обѣдать въ столичное цесарское мѣсто, въ городъ Вѣну... Вѣна городъ каменный, великій, зданіе въ немъ великое каменное древнихъ лѣтъ, высокое и богатое по пяти житій въ высоту; есть палаты, а деревяннаго строенія въ немъ нѣтъ. Городъ Вѣна зѣло людный, рядовъ и лавокъ въ немъ много, и товаровъ всякихъ изрядныхъ много-жъ. Вѣнскіе жители ѣздятъ въ каретахъ и кареты имѣютъ изрядные богатыя, и зѣло ихъ много

[1]) Около Рима. *Прим. К. С.*

также каретъ извозничьихъ много стоитъ по улицамъ, и лошади въ каретахъ изрядныя. Въ томъ городѣ много монастырей и церквей западныхъ каменныхъ, изрядным мастерствомъ сдѣланныхъ, а Греческой вѣры монастырей и церквей въ немъ нѣтъ ни единой. Хлѣба и всякихъ запасовъ, мяса и рыбъ и всякой живности—много, а цѣна тому всему немалая, при Московскомъ дороже. Тотъ городъ Вѣна—столица цесарская, въ томъ городѣ домъ цесарскій великій каменнаго строенія изряднаго древнихъ лѣтъ...

Въ Вѣнѣ костелъ соборный каменный великій и зѣло высокій, построенъ во имя архидіякона Стефана, сдѣланъ древнею изрядною работою со многими рѣзьбами. Прежде сего на томъ костелѣ стоялъ гербъ Турецкаго салтана, а нынѣ тотъ гербъ съ того костела скинутъ, и поставленъ на томъ мѣстѣ крестъ. Подъ тѣмъ городомъ Вѣною течетъ рѣка Дунай на пять проливовъ, а самая середина той рѣки течетъ безмѣрно быстро. Черезъ ту рѣку Дунай черезъ всѣ проливы подѣланы мосты деревянные на высокихъ деревянныхъ столбахъ. На той рѣкѣ Дунаѣ многія мельницы и укрѣплены на берегу желѣзными чѣпьми; въ тѣхъ мельницахъ мелятъ всякій хлѣбъ, и толчеи хлѣбныя многія-жъ. А когда въ рѣкѣ Дунаѣ вода прибудетъ, тогда тѣ мельницы и толчеи тѣми помяненными чѣпьми желѣзными привинтятъ къ берегу, а когда вода убудетъ, тогда ихъ спустятъ отъ берега далѣ на воду. Изъ тѣхъ помяненныхъ рѣки Дуная пяти проливовъ два пролива подъ самою городовою Вѣнскою стѣною. Близко рѣки Дуная сдѣланъ цесарскій звѣринецъ, въ томъ звѣринцѣ всякихъ звѣрей множество. На берегу у рѣки Дуная, не доѣзжая Вѣны, построенъ домъ цесарскій каменный великій; подлѣ того цесарскаго дома построены многіе загородные домы сенаторовъ Нѣмецкихъ великіе каменнаго строенія, и сады изрядные многіе и великіе со изрядным богатымъ украшеніемъ; около садовъ изрядныя ограды каменныя, и въ садахъ палаты изрядныя жъ дивнаго строенія рѣзнаго изъ бѣлаго камня... Городъ сдѣланъ изрядною крѣпостью въ три стѣны.

Мая въ 23-й день. Былъ я въ Вѣнѣ въ соборномъ костелѣ архидіякона Стефана во время обѣдни. Обѣдню въ то время отправлялъ апатъ, т. е. игуменъ и съ нимъ 4 человѣка дьяконовъ. Во время той обѣдни музыка играла на разныхъ инструментахъ зѣло изрядно, и при игранной музыкѣ вспѣвали также изрядно зѣло и согласно, а музыкантовъ и вспѣваковъ было 74 человѣка. Стояли тѣ музыканты и вспѣвахи помяненные не на хорахъ. Нанизу въ томъ костелѣ у столпа высоко сдѣлано велпкое мѣсто подобно какъ чуланъ, со всѣхъ сторонъ окончинами; около окончинъ многія рѣзьбы деревянныя изрядныя золоченныя подѣланы во многихъ мѣстахъ. На томъ мѣстѣ становится цесарь, когда слушаетъ въ томъ костелѣ обѣдню. Въ томъ же костелѣ близко алтаря поставлено мѣсто, обитое бархатомъ золотымъ, на томъ мѣстѣ поставлены изрядныя кресла, надъ тѣми креслами и надъ всѣмъ мѣстомъ сдѣланъ изрядный балдахинъ, т. е. мѣсто арцыбископское, и ставится на томъ мѣстѣ арцыбископъ. Тотъ костелъ св. Стефана зѣло длиненъ и неузокъ; въ томъ костелѣ множество рѣзьбы изъ бѣлаго каменя изрядной древней работы, также много въ немъ украшенія рѣзными мраморами. На большомъ престолѣ въ томъ костелѣ стоятъ четыре ковчега сере-

бряныхъ, части мощей есть архидіякона Стефана; тѣ помяненные ковчеги серебряные сдѣланы дивною чеканной работою.

Потомъ былъ я въ домѣ цесарскомъ. Тотъ домъ зѣло великій, сдѣланъ четыреуголенъ, строеніе все каменное вокругъ того дома, палаты многія зѣло высокія въ шесть житій вверхъ на томъ цесарскомъ дворѣ поставлены. По сторонамъ 14 фонарей сдѣланы, въ тѣхъ фонаряхъ по вся ночи горятъ свѣчи; также въ Вѣнѣ у всѣхъ жителей дома поставлено на улицахъ по фонарю, въ которомъ по вся ночи горитъ масло, и отъ тѣхъ фонарей въ Вѣнѣ по вся ночи бываетъ по улицамъ и переулкамъ великая свѣтлость. У самой городовой стѣны тотъ помяненный цесарскій домъ сдѣланъ, и какъ предъ сего были подъ Вѣною Турки и стояли такого близко отъ цесарскаго дома, что изъ пищалей въ цесарскій домъ стрѣлять имъ было мощно, и палаты цесарскія въ то время отъ Турецкой пушечной стрѣльбы были разбиты до половины; а гдѣ ихъ проклятыхъ басурманъ были подкопы, въ тѣхъ мѣстахъ вырывано стѣны городовой и всякаго каменнаго строенія сажень по 300 въ длину, а нынѣ всѣ тѣ разбитыя и вырванныя мѣста задѣланы. Подлѣ того цесарскаго дома сдѣланъ домъ цесарской же конюшенный каменнаго строенія великаго, построенъ древнею модою. Въ Вѣнѣ изъ домовъ сенаторскихъ славный домъ маршалкова зятя, который называется Индетенбрехтъ. Тотъ домъ построенъ зѣло изрядно дивною архитектурою по пропорціи, и работа изрядная.—Того же дня былъ я въ монастырѣ законниковъ Римскихъ, которые называются Августяне: тѣ законники тамъ ходятъ босы и окромя своего начальника съ людьми не говорятъ. Въ тотъ монастырь цесарь приходитъ тайно изъ своего дома стѣною. Тотъ монастырь зѣло богатъ; въ костелѣ того монастыря сдѣлано цесарское мѣсто изрядное, такое же какъ и въ соборномъ костелѣ Стефана. А когда цесарь въ тотъ монастырь не изволитъ придтить, тогда слушаетъ обѣдню въ костелѣ, который сдѣланъ въ его цесарскомъ домѣ. Въ Вѣнѣ на площади между рядовъ сдѣланъ великій и зѣло высокій столпъ изъ алебастра и изъ гипса преудивительною Итальянскою работою, которой работы мало гдѣ на свѣтѣ обрѣтается; на строеніе того столпа издержано казны цесарской многое число: 1100 золотыхъ червонныхъ. На верху того столпа поставленъ образъ Св. Троицы рѣзной предивной работы, а посреди того столпа ниже помяненнаго святаго образа поставлена его цесарская Леопольдусова персона, сдѣлана изъ алебастра; предъ помяненнымъ образомъ Св. Троицы то подобіе цесарское стоитъ на колѣняхъ. У того же столпа поставленъ образъ Пресвятой Богородицы, передъ которымъ образомъ всегда стоитъ возженная лампада, и по вся дни къ тому столпу бываетъ процессія, т.-е. ходъ со святыми крестами, которую процессію и я видѣти получилъ. Ходилъ протопопъ и четыре человѣка дьяконовъ, и 14 человѣкъ шли въ той процессіи въ рудожелтыхъ объярининыхъ кафтанахъ, несли въ рукахъ витые черные посохи, на верху тѣхъ посоховъ круги серебряные подобны рипидамъ; на тѣхъ кругахъ воображены образы Распятіе Господне и Пресвятой Богородицы и иныхъ святыхъ. Въ той процессіи было много изрядныхъ великихъ свѣчъ несено. Около помяненнаго столпа было также много возженныхъ свѣчъ великихъ поставлено, и музыка была цесарская вся—74 че-

ловѣка. Та процессія всегда бываетъ къ тому столпу изъ костела святыхъ апостоловъ Петра и Павла.

Мая въ 24-й день. Ходилъ я гулять въ ряды, и товаровъ въ рядахъ изрядныхъ всякихъ множество, а паче много зѣло серебра, изрядныхъ великихъ вещей чеканной и рѣзной, и сканной и гладкой предивной работы. Во время бытности моей въ Вѣнѣ была ярманка, на трехъ пляцахъ торговали, гдѣ я видѣлъ на малыхъ прилавкахъ множество дорогихъ товаровъ: алмазовъ, яхонтовъ и жемчугу изряднаго и иныхъ многихъ драгоцѣнныхъ вещей золотыхъ съ разными каменьями дивной работы. Изъ тѣхъ помяненныхъ трехъ пляцъ на одномъ пляцѣ или площади монастырь есть Езувитскій; близко того монастыря среди площади сдѣланъ столпъ мраморный, на немъ поставленъ образъ Пресвятыя Богородицы рѣзной, одѣянъ въ солнце и луну подъ ногами, какъ пишетъ апостолъ святый Іоаннъ Богословъ въ Апокалипсисѣ. На той же площади сдѣланы двѣ фонтаны изрядныя, изъ которыхъ текутъ изрядныя чистыя воды. Изъ тѣхъ же помяненныхъ трехъ площадей на другой площади сдѣланъ столпъ и двѣ жъ фонтаны. На третьей площади сдѣлана ратуша великая каменная, къ ней сдѣланы двѣ лѣстницы каменныя широкія, изрядныя; на срединѣ у стѣны той ратуши поставлено подобіе дѣвицы, вырѣзано изъ бѣлаго камени съ покровенными очми во образъ Правды, якобы судитъ, не зря на лицо человѣческое праведно. На той же площади сдѣланъ столпъ каменный, на томъ стоитъ повѣшано со всѣхъ сторонъ катское оружіе. (Т. е. снаряды палача). Въ томъ мѣстѣ у этого столпа бываетъ испытаніе и казнь виннаго.—Того жъ числа обѣдалъ у меня Московскій посланникъ, иноземецъ Адамъ Вейтъ, и по обѣдѣ поѣхали мы съ нимъ гулять въ цесарскій садъ. Онъ Адамъ поѣхалъ въ своей каретѣ, а я себѣ нанялъ карету на весь день, далъ за то одинъ ефимокъ, въ которой каретѣ заложены были два возника изрядные. Тотъ помяненный цесарскій садъ отъ города Вѣны разстояніемъ меньше Московской полуверсты и суть зѣло великъ и устроенъ изрядно; травы въ немъ и цвѣты изрядные посажены дивными штуками, и деревъ плодовитыхъ въ томъ саду разныхъ родовъ множество и посажены по пропорціи, также иныя деревья плетены вѣтвьми многія, и листья на нихъ обрываны по пропорціи жъ, а померанцевыя и лимонныя деревья въ великихъ, изрядныхъ горшкахъ каменныхъ и поставлены по мѣстамъ. Прешпектива зѣло изрядна. Также многія травы и цвѣты сажены въ горшкахъ разныхъ изрядныхъ и ставлены архитектурально.

Въ томъ же саду вмѣсто столповъ подѣлано подобій человѣческихъ мужеска и женска пола изъ мѣди изрядною работою много.

Среди того сада сдѣлана фонтана изрядная каменная, изъ которой течетъ вода чистая изъ восьми мѣстъ по пропорціи; въ срединѣ той фонтаны сдѣлано пять подобій Сиринъ, т.-е. до пояса человѣкъ отъ головы, а отъ пояса хвостъ подобіемъ рыбъ. Тѣ Сирины сдѣланы изъ бѣлаго камня, и изъ нихъ изъ всѣхъ вода жъ течетъ.

Также около той фонтаны много изъ бѣлаго камени подобій разныхъ гадскихъ (т. е. пресмыкающихся), изъ которыхъ изо всякаго подобія истекаетъ

вода. По сторонамъ той фонтаны другія двѣ великія и стройныя фонтаны, изъ которыхъ кверху изъ 9-ти мѣстъ исходитъ вода. По сторонамъ тѣхъ помяненныхъ двухъ фонтанъ по двѣ фонтаны малыхъ; тутъ же близко стѣны сдѣлана фонтана изрядною штукою; въ той помяненной стѣнѣ подѣланы семь мѣстъ, въ которыхъ во всякомъ мѣстѣ возможно сѣсть одному человѣку, а противъ всякаго мѣста сдѣлано по фонтанѣ, изъ которыхъ въ тѣ мѣста брызжетъ вода. Въ томъ же саду на одной сторонѣ сдѣлана площадь выше того сада, на которую площаль входятъ по лѣстницѣ; та лѣстница каменная великая, сдѣлана изрядною работою. Кругомъ той помяненной площади посажены деревья плодовитыя изровненныя изрядно. На сторонѣ той площади сдѣлана стѣна каменная изрядною и дивною работою, какой работы во всемъ свѣтѣ мало обрѣтается; убрана та стѣна цѣнными невеликими камсніями и раковинами и иными разными всякими вещами; изъ той стѣны изъ одного мѣста истекаетъ вода изрядными фонтанами. Отъ того мѣста сдѣлана гора немалая, на той горѣ сдѣланъ прудъ въ длину 50 саженъ, поперекъ 12 саженъ; выкладенъ весь бѣлымъ каменемъ. Тутъ же сдѣланъ домъ цесарскій великій каменнаго строенія четвероуголенъ, со всѣхъ сторонъ огороженъ палатами изрядными, великими и высокими; длинныя стѣны того дома саженъ по 100, а поперечныя саженъ по 50, и перегороженъ тотъ домъ на три палаты. На томъ дворѣ въ высоту три жилья; внизу тѣхъ палатъ одна великая палата, что называется театрумъ, въ которой для увеселенія цесарскаго бываютъ комедіи.

Мая въ 26-й день. Былъ я въ шпиталѣ, т. е. въ больницѣ или въ больничномъ домѣ. Тотъ шпиталь сдѣланъ внѣ города Вѣны, на другой сторонѣ проливы рѣки Дуная; въ томъ шпиталѣ сдѣлана палата зѣло дивная, въ той палатѣ противъ дверей поставлены подъ стекломъ въ кіотѣ кости человѣческія, собраны по подобію и связаны проволокою мѣдною. Тѣ кости того человѣка, который тотъ шпиталь сначала строить началъ... (Далѣе идетъ подробное описаніе госпиталя).

Въ Вѣнѣ обыкновеніе такое, что по вся недѣли подважды рано по утру выѣзжаютъ за городъ на поля сенаторскія и шляхта на ученіе воинскихъ дѣлъ, гдѣ учатся биться на шпагахъ, на копьяхъ, на пистолетахъ и на иныхъ оружіяхъ.

Мая въ 27-й день. Была въ Вѣнѣ процессія великая, то есть ходъ со кресты. Въ той процессіи былъ цесарь, цесарева и дѣти ихъ всѣ... Та процессія бываетъ въ Вѣнѣ по вся годы для празднества Тѣлу Христову по обыкновенію западной церкви... (Дальше идетъ описаніе съ мельчайшими подробностями этой процессіи). Во время помяненной процессіи по всѣмъ церквамъ въ Вѣнѣ бываетъ звонъ, однакожъ великихъ колоколовъ въ Вѣнѣ нѣтъ...

Всего бытности моей было въ Вѣнѣ шесть дней...

Того жъ числа (30-го мая) пріѣхалъ почевать въ мѣстечко Пеглибокъ, отъ Шотвейна 3 милли [1]). Ѣхалъ того дни горами самыми высокими. Телѣги везли на быкахъ, а самъ я и люди, бывшіе при мнѣ, шли пѣши...

---

[1]) По дорогѣ въ Венецію, считающейся одной изъ очень красивыхъ въ Европѣ. *Прим. К. С.*

Тѣми помяненными горами путь зѣло прискорбенъ и труденъ. По дорогѣ безмѣрно много каменью великаго остраго, и дорога самая тѣсная, а горы безмѣрно высоки каменныя, и дорога узка; только можно по ней ѣхать въ одну телѣгу и то съ великимъ страхомъ для того, что дорога лежитъ не черезъ горы, подлѣ горъ, и проложена та дорога въ полгоры, и по одной сторонѣ той дороги пребезмѣрно высокія каменныя горы, съ которыхъ много спадаетъ на дорогу великихъ камней и проѣзжихъ людей и скотовъ побиваетъ, а по другую сторону той дороги зѣло глубокія пропасти, въ которыхъ течетъ рѣка немалая и зѣло быстрая. Отъ быстраго теченія той рѣки непрестанно тамъ есть шумъ великій властно какъ на мельницѣ, и много проѣзжихъ людей въ тѣ пропасти съ дороги съ возами и лошадьми упадаетъ и побивается до смерти и въ помяненной рѣкѣ утопаютъ, а за тою рѣкою паки такія жъ пребезмѣрно высокія горы. Когда кто по той дорогѣ чрезъ тѣ помяненныя горы ѣдетъ, то непрестанно бываетъ въ смертномъ страхѣ, доколѣ съ тѣхъ горъ съѣдетъ. На тѣхъ горахъ всегда лежитъ много снѣговъ, потому что для безмѣрной ихъ высокости великіе тамъ холоды, и солнце никогда тамъ промежъ ими лучами своими не осѣняетъ...

И ѣхалъ я отъ Вѣны до Итальянской границы 12 дней, гдѣ видѣлъ много смертныхъ страховъ отъ того пути и великіе терпѣлъ нужды и труды отъ прискорбной дороги.

Того жъ числа (8-го іюня), переѣхавъ границу, поѣхалъ въ Италію между тѣхъ же помяненныхъ великихъ каменныхъ горъ, такимъ же вышеписаннымъ тѣснымъ и прискорбнымъ мѣстомъ...

Венеція мѣсто зѣло великое и предивное цесарское столишнаго города Вѣны многимъ вдвое больше. Около Венеціи стѣнъ городовыхъ и башенъ проѣзжихъ и глухихъ нѣтъ.

Домовное строеніе все каменное предивительное и зѣло великое, какихъ богатыхъ строеніемъ и стройныхъ домовъ мало гдѣ на свѣтѣ обрѣтается. Въ Венеціи по всѣмъ улицамъ и по переулкамъ по всѣмъ вездѣ вода морская, и ѣздятъ во всѣ домы въ судахъ, а кто похочетъ идтить пѣшъ, также по всѣмъ улицамъ и переулкамъ проходы пѣшимъ людямъ изрядные ко всякому дому, и ко всякому дому двои воротъ, однѣ въ водяныя улицы, а другія на сухой путь: и многія улицы и переулки раздѣлены на двѣ половины: водянаго пути, а другая—сухаго. Въ Венеціи лошадей и никакого скота нѣтъ, также каретъ, колясокъ, телѣгъ никакихъ нѣтъ, а саней и не знаютъ. Въ Венеціи по улицамъ чрезъ воды подѣлано множество мостовъ каменныхъ и деревянныхъ. Хотящаго жъ подлинно о Венеціи вѣдать отсылаю до читанія Венецкой исторіи, которая печатная на Итальянскомъ языкѣ...

Въ Венеціи церковь каменная благочестивой Греческой вѣры во имя великомученника Георгія; та церковь строенія древняго, въ той церкви святыя иконы Греческихъ писемъ, у той церкви живетъ Греческій митрополитъ Мелетій и съ нимъ священники бѣлые и иноки Греческаго закону, и архидьяконъ, и дьяконъ всѣ греки. Въ Венеціи Гимской вѣры соборная церковь каменная во имя св. евангелиста Марка. Та церковь зѣло велика и сдѣлана предивнымъ

мастерствомъ, въ ней многіе столпы мраморные и иные дивные, великіе. Въ той церкви, сказываютъ католики-Венеціане, будто нынѣ есть мощи всѣ цѣлыя евангелиста Марка; а гдѣ онѣ лежатъ, того будто никто не вѣдаетъ окромѣ одного прокураторя. А Греки говорятъ всѣ, что святыхъ Марка евангелиста мощей въ той церкви нѣтъ, а Венеціане то ставятъ себѣ за великую укоризну, кто скажетъ, что мощей его у нихъ въ томъ костелѣ нѣтъ.

Снаружи въ той церкви надъ западными дверьми на папертной кровлѣ поставлены четыре подобія конскія, сдѣланы изъ мѣди и вызолочены, величествомъ на малую Нѣмецкую лошадь, всѣ въ одну мѣру. Тѣ кони сдѣланы предивнымъ мастерствомъ, а были они прежде въ Константинополѣ, стояли у церкви св. Софіи, и какъ древне Венеты завоевали Константинополь, въ то время оттуда тѣхъ коней взяли и привезли въ Венецію и на вѣчную славу поставили у соборной католицкой церкви св. Марка.

Близко того костела у самыхъ алтарей построенъ домъ Венецкаго князя, котораго Венеціане называютъ своимъ языкомъ принципомъ [1]). Тотъ домъ сдѣланъ изрядным мастерствомъ, весь каменный, и рѣзьбы въ томъ домѣ по палатамъ многія каменныя Итальянской—предивной работы и около того дому также рѣзьбы изрядныя многія жъ. Построены палаты на томъ дворѣ, и вмѣсто ограды въ тѣхъ палатахъ построены разные приказы для управленія всякихъ дѣлъ. На тотъ княжескій дворъ сдѣланы ворота каменные великіе подъ палаты съ площади, которая площадь называется Пяцасанмарка; въ тѣхъ воротахъ сидятъ многіе писари подобно Московскимъ площаднымъ подъячимъ, которые пишутъ челобитныя и иныя всякія нужды, кому что будетъ потребно. Товаровъ на пищу, то-есть хлѣба и харчу всякаго, мясъ, рыбъ и живности всякой въ Венеціи множество, только при Московскомъ все дорого, а паче всего премногое множество всякихъ фруктовъ и травъ, которые употребляются въ пищу и зѣло дешевы, и весь годъ въ лѣтѣ и зимѣ фрукты, то-есть гроздье и травы, не переводятся; также и цвѣты во весь годъ бываютъ, и много цвѣтовъ продаютъ всякихъ для того, что Венеціанки жены и дѣвицы употребляютъ цвѣты въ уборы около своихъ головъ и около платьевъ.

Въ Венеціи во всѣхъ домахъ въ палатахъ жилыхъ печей нѣтъ, только дѣлаютъ въ жилыхъ палатахъ кампины, гдѣ раскладывается огонь, а печи имѣютъ только въ харчевняхъ, гдѣ пекутъ хлѣбы и пироги и всякія на пищу потребы...

Венеціане мужескій полъ одежды носятъ черныя, также и женскій полъ любятъ убираться въ черное жъ платье, а строй Венецкаго мужскаго платья особый...

Головы и бороды и усы брѣютъ и носятъ волосы накладные великіе и зѣло изрядные, а вмѣсто шляпъ носятъ шапки черныя жъ суконныя, опушены

---

[1]) Внутренность дворца дожей Толстой осматривалъ лишь почти 2 мѣсяца спустя послѣ своего прибытія въ Венецію.—*К. С.*

овчинами черными и никогда ихъ на головы не надѣваютъ, только носятъ въ рукахъ...

Женскій полъ и дѣвицы всякаго чину убираются зѣло изрядно особою модою Венецкаго убору и покрываются тафтами черными сверху головы даже до пояса, а иныя многія убираются по-французски. Въ женскомъ платьѣ употребляютъ цвѣтныхъ парчей травчатыхъ больше, и народъ женскій въ Венеціи зѣло благообразенъ и строенъ и политиченъ, высокъ, тонокъ и во всемъ изряденъ, а къ ручному дѣлу не очень охочъ, больше заживаютъ въ прохладахъ...

Венеціане люди умные, политичные, и ученыхъ людей зѣло много; однакожъ нравы имѣютъ видомъ не ласковые. а къ пріѣзжимъ иноземцамъ зѣло пріемны. Между собою не любятъ веселиться и въ домы другъ къ другу на обѣды и на вечеры не съѣзжаются, и народъ самый трезвый, никакого человѣка нигдѣ отнюдь никогда пьянаго не увидишь...

Въ Венеціи близко костела св. Марка съ двухъ сторонъ великія площади вымощены кирпичемъ изрядно, также вся Венеція имѣетъ въ себѣ улицы и переулки всѣ мощеные кирпичемъ. Тому зѣло дивно, что отъ дождей и отъ морскихъ водъ тотъ кирпичъ не размокнетъ...

На тѣхъ же площадяхъ торгуютъ по вся дни мясомъ и рыбою и всякими живностями и фруктами; на той же площади по вся дни Субботы торгуютъ посудою деревянною, привозятъ съ берегу и сундуки и коренники и иныя всякія деревянныя вещи. Около той площади много лавокъ, въ которыхъ дѣлаютъ и продаютъ волосы накладные; тутъ-же дѣлаютъ и продаютъ кожи золоченыя. На тѣхъ же площадяхъ бываетъ часто поученіе народу: приходятъ законники изъ монастырей и сказываютъ казанія на каѳедрѣ, которая каѳедра на той площади всегда стоитъ высокая. На той же площади по вся дни по утру и въ вечеру сходятся Венеціане шляхта и честные люди и ходятъ по той площади, гуляютъ и о всякихъ дѣлахъ другъ другу говорятъ; и раздѣлена та площадь, которая близко моря, на три части: подлѣ княжескаго двора, тутъ ходятъ шляхта и честные люди Венеціане поутру, для того что палаты дому князя Венецкаго отъ востоку солнца ту площадь застѣняютъ, а противъ того на другой сторонѣ подлѣ палатъ прокураторскихъ, тутъ ходятъ тѣхъ Венеціане честные люди въ вечеру, для того что при захожденіи солнца прокураторскія палаты ту площадь застѣняютъ; а между тѣхъ двухъ частей той площади срединою ходятъ всѣ невозбранно всякихъ народовъ люди. А на тѣхъ вышеномяненныхъ шляхетскихъ площадяхъ никакому пріѣзжему, ни Венеціанину нешляхетской породы ходить не велѣно, только развѣ кому нужда пройтить черезъ тѣ части площади, не возбраняется; а ходить по тѣмъ частямъ площади въ то время, когда по нимъ шляхта ходитъ гуляя, никому невозможно. На средней части той площади сидятъ астрологи мужеска и женска полу на подмосткахъ въ креслахъ съ жестяными долгими трубами и, кто похочетъ чего вѣдать отъ тѣхъ астрологовъ, тѣ имъ даютъ не по скольку денегъ, и астрологи черезъ тѣ трубы шепчутъ приходящимъ въ ухо. На той же площади многія бываютъ по вся дни забавы: куклы выпускаютъ, собаки ученыя пляшутъ, также обезьяны пляшутъ.

а иные люди бандерами, т. е. знаменами играютъ и иные блюдами мѣдными играютъ на одной палкѣ зѣло изрядно и штучно: высоко мечетъ то блюдо палкою вверхъ, и сверху паки упадаетъ то блюдо на ту-же палку, и иные люди огонь ѣдятъ, иные люди каменья немалые глотаютъ и иныя всякія штуки дѣлаютъ для забавы народу и за то берутъ себѣ деньги отъ тѣхъ, которые ихъ смотрятъ. На тѣхъ же площадяхъ во время ярманки дѣлаютъ многія лавки деревянныя и въ нихъ торгуютъ; въ то время въ тѣхъ лавкахъ премногое множество бываетъ всякихъ предивныхъ и богатыхъ товаровъ. Въ то же время по тѣмъ лавкамъ по вся дни гуляютъ Венеціане честные люди и жены и дѣвицы въ предивныхъ уборахъ, также и форестиры, т. е. пріѣзжіе всякіе люди, между тѣхъ лавокъ, убрася хорошо, ходятъ и гуляютъ и кому что потребно купятъ въ ту ярманку и во время каравану. На той же площади при морѣ бываютъ построены анбары великіе и сараи; въ тѣхъ анбарахъ танцуютъ люди на веревкахъ мужеска полу и женска преудивительно, также и дѣвицы, между которыми я видѣлъ одну жену беременную ужъ близъ рожденія, и та тамъ танцовала по веревкѣ зѣло удивительно. Въ другихъ анбарахъ дѣлаютъ комедіи куклами власно какъ живыми людьми; въ иныхъ анбарахъ показываютъ удивительныя вещи, между которыми видѣлъ я человѣка, имѣющаго двѣ головы, одна на своемъ мѣстѣ, гдѣ надлежитъ быть, и называется Яковъ, а другая на лѣвомъ боку и называется Матвѣй; также и та которая на боку имѣетъ волосы долгіе и глаза и носъ и ротъ и зубы, только не говоритъ и не ѣстъ, а временемъ глядитъ; а сказываютъ, что и пищитъ, а настоящею головою тотъ человѣкъ говоритъ, пьетъ и ѣстъ. А хотящему о томъ человѣкѣ подлинно вѣдать потребно смотрѣть его персоны, которыхъ нынѣ и въ Россіи обрѣтается немало; а ежели кто возжелаетъ его самого видѣть, тотъ-бы не облѣнился во Италію ѣхать. Тамъ-же видѣлъ я быка о пяти ногахъ, тамъ-же видѣлъ черепаху безмѣрно велику, тамъ-же видѣлъ барана о двухъ головахъ, имѣющаго 6 ногъ и два хвоста и иныя многія натуральныя удивительныя вещи; а кто того похочетъ видѣть, за все за то повиненъ платить деньги отъ всякаго входу по 5 сольды съ человѣка Венецкой монеты, а Московской будетъ 3 деньги...

Въ Венеціи бываютъ оперы и комедіи предивныя, которыхъ въ совершенство описать никто не можетъ и нигдѣ на всемъ свѣтѣ такихъ предивныхъ оперовъ и комедій нѣтъ и не бываетъ. Въ бытность мою въ Венеціи были оперы въ пяти мѣстахъ. Тѣ палаты, въ которыхъ тѣ оперы бываютъ, великія, округлыя, и называютъ ихъ Итальяне театрумъ. Въ тѣхъ палатахъ подѣланы чуланы многіе въ пять рядовъ вверхъ, и бываетъ въ одномъ театрумѣ чулановъ 200, а въ иномъ 300 и больше, а всѣ чуланы изнутри того театрума подѣланы предивными работами золочеными, иные оклеиваны толстою чеканною бумагою, такъ что невозможно познать, чтобъ не сницарская была работа дивная, и вызолочено все въ томъ театрумѣ, полъ сдѣланъ мало накось, чтобъ однимъ изъ-за другихъ было видно которые въ тѣ стулы для смотрѣнія оперовъ садятся; и за тѣ стулы и скамьи даютъ платы, а кто хочетъ сидѣть въ особомъ чуланѣ, тотъ повиненъ дать за чуланъ большую плату, а за пропускъ въ тотъ театрумъ особая со всѣхъ равная

плата, и съ единой стороны къ тому театруму бываетъ придѣлана великая зѣло длинная палата, въ которой чинится опера. Въ той палатѣ бываютъ временныя преспективы дивныя, и людей бываетъ въ одной оперѣ въ нарядѣ мужеска и женска полу человѣкъ по 100 и по 150 и больше. Наряды на нихъ бываютъ изрядные золотные и серебряные, и каменья бываетъ въ тѣхъ уборахъ много: хрусталей и варенниковъ, а на иныхъ бываютъ и алмазы и зерна бурмицкія; и играютъ на тѣхъ операхъ во образъ древнихъ гисторій, кто которую гисторію излюбитъ, такъ въ своемъ театрумѣ и сдѣлаетъ; и музыка въ тѣхъ операхъ бываетъ предивная съ разными инструментами человѣкъ по 50 и больше, которые въ тѣхъ операхъ играютъ, и ставится одна опера на годъ по 30.000 и по 40.000 дукатовъ Венецкой монеты, а во всякомъ дукатѣ Московскихъ по 15 алтынъ. Комедіи въ Венеціи бываютъ хуже оперовъ, однакоже зѣло забавны, и начинаются тѣ оперы въ Венеціи ноября съ первыхъ чиселъ и мало поигравъ престаютъ, потомъ паки начинаютъ во время карнавала ноября въ послѣднихъ числахъ или Декабря въ первыхъ и бываютъ до самаго Великаго поста во вся вечеры, кромѣ Воскресенья и Пятницы. А начинаютъ въ тѣхъ операхъ играть въ первомъ часу ночи, а кончаютъ въ 5-мъ и 6-мъ часу ночи, а въ день никогда не играютъ. И приходятъ въ тѣ оперы множество людей въ машкарахъ, по-славянски въ харяхъ, чтобъ никто не познавалъ, кто въ тѣхъ операхъ бываетъ, для того что многіе ходятъ съ женами, также и пріѣзжіе иноземцы ходятъ съ дѣвицами; и для того надѣваютъ мущины и женщины машкары и платье странное, чтобъ другъ друга не познавали. Такъ и все время карнавала ходятъ всѣ въ машкарахъ мущины, жены и дѣвицы, и гуляютъ всѣ невозбранно, кто гдѣ хочетъ, и никто не узнаетъ. И такъ всегда въ Венеціи увеселяются и не хотятъ быть никогда безъ увеселенія, въ которыхъ своихъ веселостяхъ и грѣшатъ много и, когда сойдутся въ машкарахъ на площадяхъ къ собору св. Марка, тогда многія дѣвицы берутъ въ машкарахъ за руки иноземцевъ пріѣзжихъ и гуляютъ съ ними и забавляются безъ стыда. Такъ же въ то время по многимъ мѣстамъ на площадяхъ бываетъ музыка и танцуютъ по-итальянски, а танцы Итальянскіе не зѣло стройны: скачутъ одинъ противъ другого вокругъ, а за руки не берутъ другъ друга. Также многіе забавляются, травятъ Меделянскими собаками великихъ быковъ и иныя всякія потѣхи чинятъ и по морю ѣздятъ въ гундалахъ и баркахъ съ музыкою и всегда веселятся ни въ чемъ другъ друга не зазираютъ и ни отъ кого ни въ чемъ никакого страху никто не имѣетъ: всякій дѣластъ по своей волѣ, кто что хочетъ. Та вольность въ Венеціи и всегда бываетъ, и живутъ Венеціане всегда во всякомъ покоѣ, безъ страху и безъ обиды и безъ тягостныхъ податей...

Іюля во 2-й день 1698 года. Рано пріѣхалъ ко мнѣ во остарію вышеписанный Неаполитанскій дворянинъ, Барскаго губернатора братъ и, взявъ меня съ собою, въ каретѣ поѣхали до трибуналу, т. е. гдѣ приказы Неаполитанскаго королевства. Сдѣланъ тотъ трибуналъ великимъ домомъ, въ которомъ зѣло много палатъ въ 5 житей вверхъ. Палаты зѣло великія. И есть въ Неаполѣ 32 приказа, въ которыхъ много судей и подъячихъ; надо всякимъ приказомъ начальныхъ лю-

дей по 12 человѣкъ. Въ тѣхъ приказахъ безмѣрно многолюдно всегда бываетъ, и тѣснота непомѣрная подобно тому, какъ въ Московскихъ приказахъ; а столы судейскіе и подъяческіе сдѣланы власно такъ какъ въ Московскихъ приказахъ, и сторожи у дверей стоятъ всякаго приказу подобно Московскимъ. Какъ я на тотъ трибуналъ пріѣхалъ, и на томъ трибуналѣ стоитъ каретъ больше 100 изрядныхъ, въ которыхъ пріѣзжаютъ судьи и челобитчики, кому дѣло есть.

Потомъ пришелъ я къ той палатѣ, гдѣ сидятъ 12 человѣкъ судей за великими государственными дѣлами. Между тѣми судьями одинъ судитъ на мѣстѣ короля Гишпанскаго и называется капо, т. е. голова надо всѣми. И какъ я въ палату вошелъ, и тотъ начальный судья и всѣ судьи противъ меня встали и отдали мнѣ поклонъ, съ великою учтивостью привѣтствовали меня и, показавъ всѣ вещи, которыя иноземцу надлежитъ видѣть, такъ же съ честію меня отпустили и послали со мною одного человѣка, велѣли меня проводить, который шелъ изъ той палаты передо мною, очищая дорогу во многолюдствѣ, и съ такою учтивостью меня проводилъ въ верхнія палаты, гдѣ я видѣлъ государства Неаполитанскаго старыя книги и письма устроены по шкафамъ изрядно съ подписьми; тѣхъ старинныхъ писемъ зѣло много. Изъ тѣхъ верхнихъ палатъ сошелъ въ нижнія палаты, гдѣ слушалъ Неаполитанскаго суда, какъ судились два человѣка передъ судьями: говорятъ чинно, съ великою учтивостью, а не съ крикомъ, и подъячій слова ихъ записывалъ подобно тому, какъ и на Москвѣ... Пріѣхалъ прежде къ одному городу отъ Неаполя 10 миль Ит., который называется Пуцеліо...

Потомъ поѣхалъ я до того мѣста, гдѣ во древнія лѣта былъ городъ, который называется Каштель-ди-Бая. Тотъ городъ былъ области Нерона—мучителя и великъ былъ гораздо, около его было мѣрою 10 миль Ит., стоялъ при самомъ морѣ, строеніе въ немъ было знатно изрядное каменное, котораго и нынѣ остатки есть. Тотъ городъ весь развалился, и мѣсто то, гдѣ былъ, поросло лѣсомъ, однакоже и нынѣ видимы суть остатки того города: палаты и божницы поганскихъ боговъ, которыя были въ томъ городѣ, построены при проклятомъ помяненномъ мучителѣ—Неронѣ...

Въ томъ мѣстѣ видѣлъ я божницу поганскаго бога Каприссорія, сдѣланну изъ каменью въ землѣ. Въ той божницѣ сводъ каменный, на томъ сводѣ множество напечатано поганскихъ боговъ; а на левкасѣ, или на извести, что напечатано, того за множествомъ лѣтъ совершенно познать не можно, однакожъ предивной и удивленія достойной работы было то дѣло, и какою живностью изображены тѣ поганскихъ боговъ образы, о томъ подлинно описать не могу. Божница была во имя поганскаго бога Венуса, сдѣлана изъ плинѳовъ, какихъ нынѣ нигдѣ не обрѣтается...

Была та божница велика зѣло, круглая, знатно и нынѣ внутри той божницы во многихъ мѣстахъ по стѣнамъ письма стѣнныя изрядныя. Божница-жъ знатно была длинная и вся развалилась, только нынѣ стоитъ ея малая часть, а сдѣлана была та божница во имя поганской богини Діаны. Также и иныя знатно божницы боговъ поганскихъ Меркуріева и иныхъ, которымъ приносилъ жертвы

проклятый Неронъ и за ту свою къ нимъ любовь купно съ ними есть въ пеклѣ...

Близко того мѣста при самомъ морѣ знатно домъ мучителя проклятаго цесеря Нерона, малый остатокъ палатъ; знатно, что были изряднаго мастерства. Въ иныхъ мѣстахъ стѣнное знатно письмо, писано мусіею, а иное строеніе каменное жъ того дому знатно въ морѣ...

Близко того мѣста гробъ матери мучителя—Нерона въ горѣ низко въ землѣ. Надъ тѣмъ гробомъ есть древнее строеніе каменное...

Изъ „Описанія поѣздки гр. А. А. Матвѣева въ Парижъ въ 1705 году".

Того же дни (12 сентября) посолъ прибылъ до знаменитаго города Брабантскаго, до Антверпіи...

Вышеобъявленный городъ самаго стариннаго зданія, жительствомъ многолюдный, въ немъ домы каменные великіе, однако же не размѣрны и архитектуры самой плохой и ветхой; основательная (т. е. основная, главная) городовая крѣпость не гораздо крѣпка. При томъ городѣ двѣ фортификаціи зѣло крѣпкаго и новаго зданія; въ городѣ девять воротъ. Мимо его въ одну сторону течетъ рѣка, называемая Иселу, по которой ходятъ великія суда и корабли. Здѣсь торговля есть великая и купечествомъ городъ полонъ.

Въ томъ же городѣ преблагословенныя Маріи, Св. Богородицы кляшторъ или монастырь великій; внутри весь различными мраморными архитектурами съ обѣихъ сторонъ понемногу украшенъ. На верху горы съ балясами мраморными, которыя изъ Италіи, изъ города Геневы (Генуя) нарочно привезены туда. Письмо живописи все въ церквахъ подъ алтарями и на потолкахъ самая преславная древняго вѣку живописцевъ, особливо же хваленыхъ вѣку того Рубенса и Ванъ Дейка. Въ томъ кляшторѣ 40 особъ регулы или устава езуицкаго, которые посла зѣло почтенно приняли и вездѣ ему все объявляли съ высокимъ почитаніемъ, и въ двѣ библіотеки вводили: въ одну генеральную, въ 4-хъ камерахъ, гдѣ находятся многія тысячи книгъ разныхъ языковъ, съ раздѣленіемъ—въ одной книги восточныхъ и западныхъ св. отецъ; въ другой историческихъ всѣхъ авторовъ латинскихъ; въ третьей богословія; въ 4 камерѣ всякихъ языковъ книги различныя, всѣ съ подписаніемъ яснымъ и съ нумерами на всякой изъ тѣхъ книгъ. Другую библіотеку казали, гдѣ они сходятся повседневно для всегдашняго чтенія книгъ, и того жъ времени восточныхъ и западныхъ св. отецъ житья помѣсячно, наченши съ януарія, счиняли они на латинскомъ языкѣ и уже по май мѣсяцъ тогда на свѣтъ выдали. Въ томъ же городѣ Антверпіѣ разныхъ регулъ монашествующихъ мужеска и женска полу кляшторовъ и параxіальныхъ или приходскихъ 40 церквей древняго изряднаго зданія.

Въ городѣ стояли тогда 4 батальона французской инфантеріи или пѣхотнаго войску; на нихъ солдацкое платье—одно суконное бѣлаго цвѣту подпушено краснымъ, а другое изъ бѣлаго сукна и краснаго подпушено темно голубымъ...

Отъ французскаго города Меле по пути по обѣимъ сторонамъ селы великія и жилыя и въ нихъ вездѣ костелы и каменные старинные, но поселянство въ тѣхъ селахъ отъ поборовъ королевскихъ изнуренное, въ конечной пребываетъ скудости, лошади и ослы, и скотъ гораздо мелокъ...

Парижъ городъ, въ которой преззрѣніе Божіе прибытіе посольское управило сего дня (25-го сентября), хотя и не есть старѣйшій прочихъ городовъ Европы, однако онъ можетъ быть признанъ не за новый городъ предъ иными новыми. Понеже и самый Цесарь объ немъ хвально говорилъ такъ: хотя я многіе народы покорилъ безъ всякой остановки войскъ моихъ; только при Парижѣ былъ удержанъ и осаду дѣлать принужденъ. Городъ въ то время и нынѣ имѣетъ положеніе свое на острову, окруженномъ рѣкою Сейною съ нарочитою тогда крѣпостью, гдѣ нынѣ почти никакой нѣтъ крѣпости; развѣ дворы великіе, между которыхъ обрѣтается одинъ, сдѣланный на образъ замка; именуется домъ сей л'отель де Клюни... нынѣ въ немъ суть нѣкоторыя друкарни, отъ архіепископа зависящія. Имя сего города толкуютъ, что онъ именуется Лутеція отъ грязи, которая по латыни называется lutum, а иные отъ Лука короля, кой его основалъ...

Принцы и дюки Франціи высокихъ фамилій имѣютъ въ домѣхъ своихъ балдахины и, кромѣ ихъ, того употреблять никто не можетъ. Уборства велеможность въ домѣхъ великихъ и посредственныхъ высокошляхетскихъ особъ и у самаго парижскаго купечества—многоцѣнные таперты (tapis) или живописныя подобія тканыхъ ковровъ, великихъ мѣръ въ три аршина зеркала многоцѣнныя, живописныя картины дивныхъ художествъ, шкафы, шкатулы, часы и паникадилы изъ самаго точенаго свѣтлаго хрусталя... превосходятъ всѣ страны европейскія. И всякой уборъ къ потребѣ лучшей человѣческой имѣютъ преславной, а наипаче любятъ Хинскія (chinoiserie) вещи и персидскія, и... изваянныя мѣдныя подобія человѣческія, какъ бы живыя водятся...

Чистота столовъ и уборства порядокъ въ ѣствахъ, вкусъ сладостей ихъ и богатство сервизовъ, или посуды серебряной... не примѣнна ни которымъ народамъ. Повары, по искусству въ стряпаньѣ ѣствъ всякихъ, имѣютъ превосходительство изо всей Европы и ихъ всегда всѣ народы тщательно употребляютъ у себя въ свою службу.

Множество столовыхъ имѣютъ уборовъ, большихъ серебряныхъ тарелокъ или блюдъ, и нетолько изъ высокихъ особъ всегда держатъ тамъ серебряный сервизъ, но и купечество знатное парижское повсевременно ѣдятъ на серебрѣ.

Въ томъ государствѣ лучшее всѣхъ основаніе есть, что не властвуетъ тамъ зависть: къ тому же король самъ веселится о томъ состояніи честныхъ своихъ подданныхъ, и никто изъ вельможъ ни малѣйшей причины, ни способа не имѣетъ даже послѣднему въ томъ королевствѣ учинить какова озлобленія или нанесть обиду. Всякой изъ вельможъ смотрѣть себя долженъ и свою отправлять должность, не вступая до того, въ чемъ надлежитъ державѣ королевской. Ни король, кромѣ общихъ податей, хотя самодержавный государь, никакихъ насилованій не можетъ, особливо же ни съ кого взять ничего, развѣ по самой винѣ свидѣтельствованной противъ его особы въ погрѣшеніи смертномъ, по истинѣ разсужденной отъ

парламента; тогда уже по праву народному, не указомъ королевскимъ, конфискаціи, или описи, пожитки его подлежать будутъ. Принцы же и вельможи ни малой причины до народа не имѣютъ и въ народныя дѣла не вмѣшиваются и отъ того никакую тѣсноту собою чинить николи никому не могутъ. Къ сему же всѣ вельможи дачами отъ короля самого довольствованы годовыми. Смертный законъ имѣютъ о взяткахъ народныхъ и о нападкахъ на него.

О обученіи вельможескихъ дѣтей. Всей Франціи высокихъ фамилій дѣти, отъ самыхъ юностныхъ ногтей, имѣютъ воспитаніе зѣло изрядное, поученіе въ разныхъ языкахъ и во всѣхъ свободныхъ наукахъ, особливо же въ математикѣ, географіи, геометріи, ариѳметикѣ, въ воинскихъ обученіяхъ и конной ѣздѣ, на что имѣютъ учрежденныя въ Парижѣ великія академіи, и потомъ въ танцахъ и пѣніи и разныхъ музыкахъ.

Особливо же женской полъ высокородныхъ фамилій изрядствомъ голосовъ, и игрою музыкъ на всякихъ разныхъ инструментахъ, и открытостью любительныхъ своихъ и добронравныхъ поступокъ, особливо же ко иностраннымъ,—превосходитъ всѣ европейскіе народы.

По истинѣ съ несказаннымъ удивленіемъ достойно упоминать, что ни едина особа и мужеска и женска пола изъ благородныхъ фамилій французскихъ найтися не можетъ, которая бы выше объявленныхъ обученій по своему честному воспитанію не обучена была. Больше же всего тотъ порядокъ въ семъ народѣ хваленъ есть, что дѣти ихъ никакой косности, ни ожесточенія отъ своихъ родителей, ни отъ учителей неимѣютъ, но отъ добраго и остраго наказанія словеснаго, паче, нежели отъ побоевъ, въ прямой волѣ и смѣлости воспитываются, и безъ всякой трудности вышеобъявленнымъ своимъ обучаются наукамъ.

Ни самой женской полъ во Франціи никакого зазору отнюдь не имѣетъ во всѣхъ честныхъ обращаться поведеніяхъ съ мужескимъ поломъ, какъ бы самые мужи, со всякимъ сладкимъ и человѣколюднымъ пріемствомъ и учтивостью. Особенно же высокихъ фамилій дамы между собою повседневно съѣзжаются и, имѣя музыки, сами на нихъ играютъ беззазорно и поютъ, куда свободно не токмо особъ чинныхъ изъ господъ французовъ, но и изъ иностранныхъ свободно есть пріѣздъ съ ними веселиться, что онѣ за честь еще и за увеселеніе вмѣняютъ.

Въ то же время, какъ вышепомянутый посолъ былъ, въ обычай вошло поведеніе, что сами принцы и принцессы королевской крови,.. оперу и комедію сами въ своихъ особахъ отправляли въ своихъ дворѣхъ при собраніи только своихъ ближнихъ, и при надворныхъ людяхъ своего дома.

Также и высокихъ фамилій господа и госпожи въ домѣхъ своихъ, дѣлая театры, тоже чинили для обученія лучшаго съ беззазорнаго себѣ пѣнія, музыки и танцевъ, особливо же для изряднаго изрѣченія языка французскаго, имѣя при себѣ молодыхъ мужеска и женска полу дѣтей, изъ чего они благовременный и полезный случай себѣ получаютъ по всякому искусству своему изъ такой изрядной свободы.

Изъ „Дневника и путевыхъ замѣтокъ кн. Б. И. Куракина".

Языкъ, которымъ написаны дневникъ и замѣтки кн. Куракина, представляетъ собой смѣшеніе разныхъ европейскихъ языковъ и въ лексическомъ и въ грамматическомъ отношеніяхъ, что объясняется какъ общими перемѣнами, переживавшимися тогда русскимъ языкомъ, такъ и обстоятельствами жизни самого кн. Куракина, заставившими его побывать въ разныхъ странахъ и познакомиться съ различными языками. Въ этомъ отношеніи сочиненія кн. Куракина особенно ярко характеризуютъ то культурное сближеніе съ Западомъ, которое переживала Россія въ началѣ XVIII вѣка.—*К. С.*

2 Сентября 1705 г.

Видѣть въ Берлинѣ палаты короля прусскаго, только еще не отдѣланъ, хотя не великъ, только регулярно сдѣланъ, и фабрики архитектуры новой; и окончены въ Салесѣ [1]) стекла большія, утверждены въ деревѣ. И позади дому того, которой хочетъ быть квадратомъ—садъ его и въ немъ фонтаны, только тотъ садъ посредственной гораздо. Тутъ же въ саду персона вырѣзана отца его изъ камня. И потомъ видѣть дворъ королевской, гдѣ артиллерія стоитъ, только-жъ еще не отдѣланъ и два его села любимыя видѣть можно, да одинъ садъ былъ одного графа, разстояніе отъ Берлина миля, которой нынѣ король себѣ купилъ и съ дворомъ далъ 60 тысячъ.

Академія кавалеровъ, еще нынѣ вновь заводятъ и не гораздо хороша. Домовъ ординарій смотрѣть можно и марканція французской и итальянской не такъ, а марканціи публичной не такъ много, какъ въ Кенигсбергѣ. Вокругъ Берлина фортеція земленая, не гораздо хороша. Кавалеровъ много бываютъ пріѣзжихъ. Король прусскій при дворѣ обходится во всемъ, какъ французской. Обычай почты отходить: которая идетъ до Москвы—во вторникъ на вечеръ, а которая отходитъ въ Дрезденъ, то отходитъ въ среду о девятой годинѣ [2]). И на почтѣ до Дрездена съ персоны на милю по 4 гроша, и всего 24 мили, а будетъ экстраординарія—по пяти грошей, а ѣзды бываетъ полторы дня...

Городъ Витембергъ [3]), — тутъ Мартинъ Лютеръ лежитъ и при рѣкѣ, въ берегу, отъ города съ полверсты палатка каменная, въ которой, сказываютъ, онъ учился, или предики [4]) дѣлалъ, чрезъ которую палатку идетъ ключъ, въ которой водѣ отъ болѣзней умываются и пьютъ, при рѣкѣ Эльбень [5]), тотъ городъ первый короля Саксонскаго...

15 Октября 1705 года... Городъ Лейпцихъ короля польскаго, въ которомъ обрѣтается славная академія въ Германіи или, больше молвить, между лютеры. И

---

[1]) Salle с. ж.—Залъ.

[2]) Годзина, ы, с. ж. Часъ, говоря неопредѣленно. Сл. Бѣлор. нар. Носовича.

[3]) Wittenberg.

[4]) Die Predigt.—проповѣдь.

[5]) Эльбѣ.

бываетъ тысячъ по три и больше студентовъ. Тутъ же великая марканція и бываетъ въ годъ 3 феры [1]) или 3 ярманки, на которыхъ купечество славное живетъ со всей части Европы, какъ на прикладъ: изъ Франціи, изъ Голландіи, изъ Италіи и изъ другихъ, и также бываетъ съѣздъ великой кавалерамъ, а ярманки бываютъ по двѣ недѣли и которая нынѣ была, началась сентября 24 дня. И на той ярманкѣ бываютъ велики векселя во всю Европу и въ Индію, кому нужда брать куды денегъ, и другая ярманка ей подобная во всей Германіи—Франкфуртъ, которой городъ близь рѣки Рейна [2]) вольной городъ, и также въ томъ 3 разы бываетъ. А кромѣ тѣхъ бытностей—городъ на кавалеровъ жить—скушной гораздо, только жъ знатныхъ персонъ учатся гораздо много, не такъ чтобъ княжьскихъ или другихъ подобныхъ, только персонъ шляхетныхъ, также и книгъ нѣмецкаго языка иныхъ нѣтъ такихъ нигдѣ, какъ тутъ и такъ по нѣмецки нигдѣ не говорятъ хорошо и справедливо, какъ въ Лейпцихѣ. А людьми наполненъ купеческими чужеземцами; а проходу къ нему водянаго нѣтъ, только все купечество отправляется провозомъ — фурманы, также каретъ и лошадей добрыхъ достать можно. А провозу заплатилъ я отъ Карзбата 21 гульденъ — три лошади и простой фурманъ, 4 персоны, а что будетъ отсель дано провозу объ томъ явимъ.

А кто торговыхъ здѣсь богатыхъ, которые имѣютъ купечество большое и вексель кориспондуютъ съ московскими, у которыхъ и Паткуль и тѣхъ объявить особливо въ книжкѣ, гдѣ всѣхъ имена записываютъ, знаемыхъ въ бытность мою въ томъ городѣ. Въ ту пору, мою бытность, сидѣли королевичи польски, Якунъ до Константинъ за арестомъ въ замкѣ, которой сдѣланъ твердо, не новою фабрикою—старою.

Каменданъ въ томъ городѣ одинъ полковникъ, солдатъ три кампаніи или четыре. Купечество все имѣютъ привозу сухимъ путемъ, и тамошняя бытность пріѣзжимъ дорога; персонѣ, на день, обычайному кавалеру, — станція и есть по полтинѣ, а ординаріи людемъ — гривна. Палаты хорошія и улицы, и бытности моей было тутъ 3 дня и седьмаго на-десять октября поѣхалъ на почтѣ на путь свой въ Галандію...

...Галля — городъ не меньше Лейпциха, только строеньемъ хуже, короля прусскаго, въ которомъ академія наукъ. Сказываютъ, будто нынѣ лучше Лейпциха стала, только, какъ я могъ видѣть, сподѣваюся, не такъ, для того что студентовъ и половины нѣтъ предъ Лейпцихомъ, только жъ всѣ тѣ академіи славны въ тѣхъ мѣстахъ однемъ — способны Лютерскаго закону, а наилучшія въ имперіи или просто въ Германіи — въ Прагѣ и наукъ всѣхъ больше и справедливѣе.

24 Октября 1705 года... Октября 24 дня выѣхали въ Амстрадамъ, въ Галандію, и въ первой городъ пріѣхали называется Арнемъ [3]), только уже во всемъ отмѣна сдѣлалась и великая въ пищѣ дороговизна и народъ не пріемливъ,

---

[1]) La fiore.
[2]) Франкфуртъ-на-Майнѣ?
[3]) Arnhem?

гораздо только ласковы къ деньгамъ, такъ что одиножды мнѣ случилось: ѣхавъ на почтѣ и какъ почели перемѣнять лошадей и я вышедъ изъ коляски въ тотъ домъ и пришедъ въ поварню, посидѣлъ у огня и потомъ, какъ ѣхать, взяли съ меня 4 штываля—такъ къ форестьерамъ [1]) грабительны, и потомъ за въѣздъ въ Галандію съ персоны берутъ по 6 штивелей. Въ первомъ городѣ, а будетъ ночью, за пропускъ въ воротѣхъ, съ персоны по штивелю, то такъ во всей Галандіи водится. И мили голланскія передъ нѣмецкими гораздо меньше, для чего на почтѣ ѣзда кладется 2 часа ѣзды нѣмецкой мили, а здѣсь миля ѣзды одинъ часъ и кварта; и всю Галандію переѣхалъ сутками въ самой Амстрадамъ...

1705, 25 Октября... Городъ Амстрадамъ стоитъ при морѣ въ низкихъ мѣстахъ и во всѣхъ улицахъ пропущены каналы, такъ велики, что можно корабли вводить, и по сторонамъ тѣхъ каналовъ такъ улицы широки, что въ двѣ кареты, въ иныхъ мѣстахъ, можно ѣхать. И по улицамъ посажены деревья, однако жъ много писать не буду, что многихъ бытность здѣсь была и нынѣ есть и сами видѣли, а и напретъ сами будутъ видѣть, а не видимые, отъ тѣхъ слышать: для того нынѣшнихъ временъ обычай имѣютъ, каждый желаетъ свѣту видѣть, то пишу не всѣмъ посполито персонамъ,—тѣмъ, которымъ принадлежитъ, какъ принцамъ, графамъ и каждому шляхетству...

...И всѣ тѣ улицы въ Амстрадамѣ первыя и домы палаты на нихъ лучшія, и по обѣ стороны великія деревья при каналѣ на берегу и между тѣми фонари, только жъ тотъ обычай всегда имѣютъ во всемъ Амстрадамѣ по всѣмъ улицамъ фонари, и на всякую ночь повиненъ каждый, противъ своего дому ту лампаду жечь. А на тѣхъ помянутыхъ улицахъ плезиръ или гулянье людямъ великое.

Ратуша, которая сдѣлана вся изъ камня бѣлаго, и великая и въ ней рѣзныя штуки такъ, которая въ свѣтѣ первая считается, а что въ ней буду нѣкоторое описать.

Купечество великое, которое въ Европѣ больше всѣхъ считается и народъ все живетъ торговый и весьма богатый—такъ, сподѣваюся, что нигдѣ, и, сказываютъ, будто въ день приходитъ въ ратушу денегъ по 50 тысячъ ефимковъ и такъ бы было въ годъ 18 милліоновъ и 250 тысячъ, и то ординаріи, а ежели положить съ накладами—для войны могутъ взять втрое столько и вчетверо—на надобность десятой деньги.

Судъ ихъ отправляется четырьми бургумистры; одинъ изъ нихъ сидитъ четверть года президентомъ, а въ другой годъ бургумистрымъ другіе садятся, только въ старыхъ одинъ остается.

Видѣлъ одинъ домъ въ Амстрадамѣ, птицъ индѣйскихъ—вельми хороши и одного попугая маленькаго, такъ что съ скворца, весь зеленъ, а кругомъ глазъ желтое, а хвостъ вельми дологъ.

Шпиталь гораздо хорошъ, гдѣ пріютъ старыхъ бабъ, которыхъ обычайно держатъ 90 человѣкъ...

---

[1]) Forestiere—иностранецъ, гость.

Всего 5 часы, которы играютъ, а изъ тѣхъ все лучше на кирхѣ, что возлѣ ратуши, называется—Старая церковь.

Народъ все подъ публичными керхами—реформиры и потомъ лютори—имѣютъ церкови. Третьи—квакори [1]) въ домахъ, а церкви не имѣютъ. Жидовской есть—публичной; католицкая инкогнито; многіе костелы, только есть разные—иные, которые папу не признаваютъ. Министенъ [2])—въ домахъ, а не церковь. Церковь персицкая инкогнито—въ домѣ; церковь армянская—въ домѣ жъ.

А министы есть, деференты—первое и другіе антенисты, также иныхъ много. Домъ, гдѣ воровъ держатъ, которые, сидя въ тюрьмахъ, трутъ сандалъ. Домъ—два—богадѣльни, женской и мужской.

Домъ, гдѣ безумныхъ людей держатъ. Домъ прядильной, гдѣ прядутъ, сидя, бабы, которыя виновны въ такихъ винахъ.

Ратуша гораздо хороша, сподѣваюся, что нигдѣ такой нѣтъ, и внутри вся нарѣзана алебастромъ и изъ алебастра штуки вырѣзаны, и одна штука вырѣзана, которая огорожена балясами, гдѣ вырѣзана скрипка и другія фигуры, работы гораздо хорошей.

Дворъ Остинской, другой Вестинской, гдѣ корабли дѣлаютъ. Гораздо заводы хороши и велики, и артиллерію имѣютъ великую, только не прибрано въ одномъ мѣстѣ, такъ какъ и въ другихъ краяхъ.

Биржъ или такая сдѣлана площадь, гдѣ сходятся торговые люди каждаго дня своей повинности для торговыхъ дѣлъ, договариваться и тутъ имѣютъ всегда сводъ или соединеніе торговъ, и такъ бываетъ всегда людей много, что на всей той площади люди ходятъ съ великою тѣснотою. Не сподѣваюся—нигдѣ такого сходбища торговаго—какъ тутъ, и бываетъ часа три или два, а сходятся зимнимъ временемъ о двѣнадцати часовъ, а расходятся, полтора часа по-полудню или два часа, а лѣтнимъ временемъ сходятся—десять, а расходятся 12 часовъ, то-есть въ самые полудни...

Видѣлъ дворъ остинской—остинской кумпаніи торговыхъ, а не республики Амстрадамской, на которомъ дворѣ государь учился и всѣ наши корабли дѣлать. И на томъ дворѣ видѣлъ корабли военные и торговые, которые ходятъ въ Остъ-Индію, на которыхъ бывастъ пушекъ по 36, для товару кладки, а будетъ похочетъ, можно поставить 60 пушекъ и мѣста готовы. И въ томъ дворѣ видѣлъ тотъ корабль, который дѣлалъ государь—называется «Петръ и Павелъ», на которомъ уже ходили нѣсколько разъ въ Остъ-Индію и назадъ возвратилися. Тутъ-же отъ двора вышедъ, былъ у того мастера, которой государя училъ—называется Басъ, у котораго весь тотъ домъ подъ командою, а прозваніе ему [3]) — —, у котораго въ домѣ государь, приходя, обѣдовалъ, и на которомъ стулѣ и столѣ кушалъ—тотъ и до нынѣ стоитъ. Стулъ желтою краскою писанъ, а столъ орѣхомъ писанъ. И въ той палатѣ былъ, гдѣ всѣ спали на томъ дворѣ, и при томъ

---

[1]) Квакеры.

[2]) Минимы?

[3]) Въ подлинникѣ пропускъ.

дворѣ не доходя, видѣлъ палатки маленькія, гдѣ жилъ Александро Кикинъ, на которомъ дворѣ плотниковъ бываетъ каждый день по 400 человѣкъ, а со всѣми работники человѣкъ по 800. Тутъ же видѣлъ, какъ корабль снову сдѣлаютъ:—повинно сперва къ походу на море перваго ходу—обитъ весь тесомъ сосновымъ съ гвоздями желѣзными такъ часто, что по полувершку и какъ сперва сходитъ потомъ отдираютъ и ходитъ самымъ корпусомъ—дерева дубоваго и потомъ въ нѣсколько лѣтъ обчищаютъ отъ червей морскихъ, которые отъ воды, дѣлаютъ великое поврежденіе.

За Амстрадамомъ при самомъ городѣ контршкарпы видѣлъ—ворота, которыми заперта морская вода и, ежели для непріятеля остатнаго надѣянія, долженствую, и за городомъ на нѣсколько верстъ все затопить и жителей футовъ на три или на четыре, для чего непріятелю не можно стоять, и то всей Галандіи надѣяніе остатнее въ оборонѣ отъ непріятеля; а ежели и тѣми способы не могутъ себя охранить, всегда въ томъ надѣяніи застаютъ, что, стоги на корабли, и въ Остъ-Индію переселиться, для чего тамъ имѣютъ великое свое владѣніе и край довольной.

Другая компанія Вестъ-Индія или вестъ-индская, только не такъ велика, какъ остъ-индская и тѣ имѣютъ отъ своей компаніи также строеніе кораблей, только мало передъ тѣмъ и корабли малые, которые бываютъ и въ ту мѣру рѣдко, а больше двадцати пушекъ и двадцати четырехъ и о шестнадцати.

Третей домъ—настоящей адмиралтейской, и сдѣланъ не малой и фабрики хорошей, на которомъ дѣлаютъ корабли военные стату галанскаго; только въ томъ дворѣ, сподѣваюсь, такъ какъ мнѣ придали, что такъ множественно заводовъ нѣтъ—такъ какъ на остъ-индскомъ дворѣ...

28 Ноября. Ротрадамъ... А та аустерія, гдѣ я стоялъ, при лошади той, гдѣ стоитъ, сдѣланъ, мужикъ вылитой, мѣдной, съ книгою, на знакъ тому, которой былъ человѣкъ, гораздо ученой и часть людей училъ, и тому на знакъ то сдѣлано...

Декабря 19 купилъ въ Амстрадамѣ два глоба, даны 33 гульдена, да книгъ разныхъ 20 гульденовъ; коробочка бѣленькая книжкою, насѣчена серебромъ гвоздиками, дана 8 гульденовъ.

Часы двои карманные, одни будто серебряные, а другіе будто золотые, даны 7 гульденовъ. Коробочку бѣлую костяную купилъ, которая аватомъ [1]), а верхъ точеный, дана 7 гульденовъ.

Декабря 28. Въ Лейденѣ былъ для смотрѣнія академіи Лейденской...

Дохтуръ въ академіи Лейденской и профессоръ медицины и анатоміи Быдло, дядя нашему дохтуру Быдлѣ. Человѣкъ старъ, лѣтъ съ пятьдесятъ и больше, которой былъ въ услугѣ при дворѣ аглинскаго короля Вимальма [2]). И въ ту свою бытность у него видѣлъ анатомію надъ однимъ человѣкомъ мужеска полу, которова была голова отсѣчена, въ такомъ способѣ: въ одной па-

---

[1]) Ovato—овалъ.

[2]) Вильгельма.

матѣ то тѣло вынето изъ гробу и положено на доску свинцовую; такъ та доска велика сдѣлана, какъ можно человѣку лежать, и края загнуты, какъ жаровни большія бываютъ желѣзныя; и тотъ дохтуръ Быдло, собравъ всѣхъ студентовъ той науки, и почелъ его разнимать причинныя вещи и оказовать жилы отъ рукъ и до ногъ, какъ и куды дѣйствуютъ. И при томъ оказованьѣ на всякое мѣсто тѣмъ студентамъ толкъ даетъ и даетъ всѣмъ осматривать и руками ощупывать; а то все тѣло было въ спиртусахъ налито для того, чтобъ духу не было смраднаго; и тутъ видѣлъ, какъ кожа человѣческая вельми толста подобно бычачьей кожѣ, и самъ всѣ тѣ нужныя мѣста обрѣзовалъ и оказовалъ тотъ профессоръ Быдло, которой въ томъ своемъ дѣлѣ вельми славенъ. И весь тотъ человѣкъ былъ облубленъ кожею, только одно сало или жиръ съ мясомъ, а кожа вся снята и во гробъ положена.

Въ томъ-же дому у того профессора Быдло видѣлъ палату одну, въ которой ниже могъ гдѣ такихъ вещей видѣть натуральныхъ въ спиртахъ и бальзаматы.

Бальзаматы видѣлъ всѣхъ внутреннихъ членовъ человѣческа, какъ мужескихъ половъ, такъ и женскихъ; руки и ноги, внутренне, какъ составы и жилы, безъ костей, обальзованы и прибиты на доски, также и желудокъ, и сердце, и легкое, и ту перепонку, въ которой сердце лежитъ, и глаза вынетые и всѣ внутреннія жилы и кости, и составы, такъ вельми дивная вещь, что нигдѣ могъ такой диковинки видѣть, то сподѣваюсь, гдѣ бъ такъ было въ другомъ мѣстѣ того лутче было въ тѣхъ вещѣхъ сдѣлано и собрано, развѣ въ тужъ мѣру.

Потомъ видѣлъ бальзамныхъ [1]) младенцевъ, которые бываютъ выкидки, а другіе выпоротые изъ мертвыхъ матерей.

А въ спиртусахъ видѣлъ такихъ же младенцевъ въ склянцахъ стеклянныхъ; и плаваютъ въ томъ спиртусѣ и стоятъ такъ, хоть тысячу лѣтъ, не испортятся. Также и разныхъ животныхъ отъ гадовъ и звѣрей, какъ: крокодиловъ малыхъ, также въ спиртусахъ, и змѣй, и ехидновъ, и мартышки, и скорпіи, и другіе всякіе ползущіе и на ногахъ ходячіе звѣри, въ склянцахъ и въ спиртусахъ, не токмо здѣшнихъ европскихъ и много наипаче оріентольныхъ остинскихъ и вестинскихъ и другихъ дальныхъ государствъ, со всего свѣта собранные. Желалъ бы обо всемъ подлинно описать, токмо за временемъ скорымъ прекращаю; токмо всѣмъ, кому случится быть въ Галандіи, конечно, надобно быть въ Лейденѣ, и въ той академіи тѣ коріузита видѣть, изъ котораго виду сподѣваюся, что многое придастъ увеселеніе...

1706 г. 1 генваря... Платки на остинскомъ дворѣ куплена цѣлая штука, дана 18 гульденовъ, будетъ 15 платковъ.

Книга «Атласъ малой», данъ 6 гульденовъ, французскимъ языкомъ.

Книга «опера [2]) Быдлова», о анатоміи, дана 5 гульденовъ...

12 Генваря... Въ Англіи всѣ подъ именемъ реформиты реліи, только-же

---

[1]) То есть бальзамированныхъ.

[2]) Опера—сочиненіе.

єсть въ нихъ между реформиты раздѣленіе и другъ другу противные. Первые называются бышкуплике [1]), другіе конформисты, а въ провинціи Шкотлантской и тѣмъ обеимъ противны, которые называются нонъ конформисты, другіе называются дезентеірштъ; и такъ есть въ Англіи четыре реліи (религіи) разныхъ.

Въ Англіи все отправляется съ парламенту, только ихъ парламентъ есть двѣмя способами, и консиліи ихъ бываютъ двѣмя парламенты. Первый парламентъ называется «Гогоръ-гоусъ», въ которомъ дуки, князи, бискупы и графы или всѣ большихъ фамилей люди; въ томъ парламентѣ только бываетъ два бискупа, которой парламентъ больше не бываетъ въ 80 персонахъ или въ 100 персонахъ, которые въ консиліи своемъ отправляютъ дѣла государственныя и военныя. Другой парламентъ называется «Лагъ-гоусъ», въ которомъ бываютъ депутаты отъ провинцей, изъ городовъ и отъ слоботъ, по нашему посацкіе люди, въ которомъ консиліи совѣтуютъ о торгахъ и о сборахъ денегъ или объ иныхъ какихъ податяхъ и объ иныхъ внутреннихъ дѣлѣхъ своего государства или земскихъ дѣлѣхъ, а не о постороннихъ; въ которомъ парламентѣ бываетъ 400 персонъ и до 500 человѣкъ.

Только-жъ такой порядокъ, что будетъ сдѣлано въ одномъ парламентѣ, и повинно тѣ приговоры объявить другому парламенту, и ежели и другимъ парламентомъ на то позволятъ тому быть, такъ и состоится, а ежели въ другомъ парламентѣ на тѣ приговоры не позволятъ, то не можетъ состояться.

Особливе всѣ такъ говорятъ, что другой парламентъ «Лагъ-гоусъ» сильнѣе перваго парламента «Гогоръ-гоусъ».

И потомъ, какъ все установятъ парламентами, потомъ должно то предложить передъ короля, только ему во свидѣтельство, что то сдѣлано и приговорено быть такъ, а не для того, чтобъ королю передѣлать приговоръ парламентовъ, и не можетъ того сдѣлать...

20 Генваря...—Парикъ съ мѣшечкомъ данъ 14 гульденовъ...

Февраля 15 учился Филька оправлевать париковъ, дано 6 гульденовъ...

24 февраля... Купленъ парикъ русой, которой за печатью съ узлы мохнатыми, данъ 24 гульдена.—Чулки чорные, шолковые, аглинскіе полъ 8 гульдена, другіе гарусные 5 гульденовъ...

10 Марта... Академія Утрехтская славная во всей Галандіи, гдѣ учатъ медицынѣ, математикѣ, теологіи, философіи, юриспруденціи, гисторіи, на лошадяхъ, на шпагахъ, на бандирѣ, танцовать, екзерциціи солдацкой и кавалеріи; языковъ латинскому, греческому, италіанскому, французскому, еврейскому, гишпанскому, аглинскому, нѣмецкому, португальскому, арапскому и другихъ языковъ. Тутъ-же и анатомія дохтурская, только анатомія не такъ чинно отправляется, какъ въ Италіи. Также и шталмейстеръ въ ученьѣ лошадей—все порядошно, только неапольская ученья всѣхъ тѣхъ наукъ военныхъ лутче и порядошнѣе; а при школѣ лошадиной только видѣлъ студентовъ человѣкъ съ пятнадцеть, а лошадей всѣхъ съ 20...

---

[1]) Т. е. сторонники епископальной церкви.

21 Марта. Портупей тафтяной, голубой, данъ 2 гульдена, башмаки даны 3 гульдена. Въ Гагѣ, ежели кто похочетъ кавалерскихъ уборовъ покупать на приклатъ: портупеевъ, шлянъ, шпагъ, рукавицовъ, галздуковъ, башмаковъ, калпачковъ спальныхъ и выходныхъ, то надобно искать въ Гагѣ. или платье дѣлать или рубашки...

Изъ „Письма князя М. Голицына изъ-за границы въ 1711 г."

Амстердамъ 2 Апрѣля 1711 г... О себѣ возвѣщаю, при помощи Божіей, живъ во обремененныхъ моихъ печалѣхъ и тягостѣхъ. О житіи моемъ возвѣщаю, житіе пришло мнѣ самое бѣдственное и трудное. Первое, что нищета, паче же разлученіе. Наука опредѣлена самая премудрая: хотя мнѣ всѣ дни живота своего на той наукѣ себя трудить, а не принять будетъ, дьля того, не знамо учитца языка, не знамо науки. Видимъ то, которыя наша братья пріѣхали дьля обученія къ той же наукѣ, и ни единаго не было, чтобы безъ Латинскаго языка, да и тѣ въ три годы ни единъ человѣкъ ни половины окончать не можетъ. А про меня вы сами можете знать, что кромѣ природнаво языка никакого не могу знать, да и лѣта мои ушли отъ науки, а паче всего въ томъ моя тягость, что на морѣ нѣкоторыми мѣрами мнѣ быть невозможно, того ради, что весьма боленъ. Какъ отъ города поѣхалъ, были въ пути 8 недѣль, и въ тѣхъ недѣляхъ единаго дня здороваго не было, на что свидѣтельствую себя въ томъ дѣлѣ тѣми Московскими господами, которые имѣли путь свой съ нами отъ Архангельскаго города; а въ пунтахъ [1]) или статьяхъ написано господину камисару князю Львову о всей кампаніи, которые опредѣлены въ навигатцкую науку, то-есть мореходства, чтобы были на сухомъ пути, обучалися чертежамъ зимніе четыре мѣсяца, а 8 мѣсяцевъ всегда бы были непрестанно на кораблѣ; а ежели кто сего дѣла не обучитъ, и за то будетъ безо всякія пощады превеликое бѣдство, отъ чего Боже сохрани. и тотъ престрашны гнѣвъ въ тѣхъ пунтахъ написанъ рукою самаго Монарха, и про тотъ гнѣвъ подъ великимъ запрещеніемъ господину камисару не велѣно никому сказывать, однакоже мнѣ по любви своей открылъ. И я, видя ту ярость, а въ себѣ весьма вижу, что сего положеннаго дѣла не управить, паче же натура моя не можетъ снесть мореходства, и отъ того пришелъ въ великую печаль и сомнѣніе, и не знаю какъ и быть. Но прилучился мнѣ такой благопріятной случай: дьячей сынъ Суворовъ, которой имѣетъ присутствіе свое въ Преображенскомъ, и то дьяка сынъ крестьникъ Государевъ и жилъ въ Петербургѣ [2]), при Дворѣ Государевѣ, а нынѣ присланъ къ намъ въ Галандію подъ видомъ тѣмъ, бутто учитца, а больше смотрѣть какъ наша вся кампанія въ положенной наукѣ обхожденіе имѣетъ, и онъ Суворовъ ко мнѣ гораздо любовію приклонился и все открылъ. И я, видя къ себѣ его сопряженна въ любви, просилъ его, чтобы далъ мнѣ такову помощь, дабы мнѣ чѣмъ свободитца отъ науки морехотцкія, и онъ

---

[1]) Такъ въ подлин.; чит. пунктахъ.

[2]) Въ подлин. ошибк. въ Пербурхѣ.

мнѣ то обѣщалъ таковымъ способомъ чинить. Есть при Государѣ секретарь, Алексѣй Макарьевъ, которой носитъ милость, и къ тому секретарю онъ писалъ, чтобы онъ то учинилъ, упросилъ, чтобы отъ той науки насъ морехотцкой отставить, а чтобы учитца какой нибудь сухопутной; также и я, положа на Бога упованіе, писалъ съ слезнымъ прошеніемъ до Ѳедора Матвѣевича о томъ же; а то мое писмо послалъ онъ же Суворовъ чрезъ того же секретаря, и о томъ не могу знать, тѣ письма дошлиль, а посланы на почтѣ въ февралѣ въ первыхъ числѣхъ. И я о томъ просилъ его Суворова, чтобы еще далъ дьля потвержьденія писмо. И къ тебѣ посылаю, также и къ Ѳедору Матѳеевичу, и прошу васъ, моего любезнаго друга и государя, умилися надо мною, паче дьля кровныя своей, съ тѣми письмами съѣзди, гдѣ будетъ обитать адмиралъ и оны секретарь, и упроси, чтобы меня отставить отъ той науки, а взять бы къ Москвѣ и быть хотя бы послѣднимъ редовымъ салдатомъ, а ежели сего невозможно, и хотя бы въ тѣхъ же Европскихъ краяхъ быть да обучатца бы какой нибудь наукѣ сухопутцкой, толко чтобы не мореходства. И, пожалуй, изволь отдавать изъ вещей моихъ, которы есть. тому секретарю или кому другимъ, отъ кого помощь сыщешь; пожалуй не изволь стоять. И паки прошу, умилися надо мною ты, помилуй: ежели ты не вступишь и милости не покажешь, то иному болше некому; а чтобы наши никто не вѣдалъ, и дьля самаго Бога сестрѣ своей, а моей женѣ, не сказывай, что я о томъ печалію одержимъ: самъ ты ея печалной нравъ знаешь, а болше горячесть серца ея ко мнѣ. А мы нынѣ пошли моремъ въ Копенгагенъ въ Датцкую [1]) землю и будемъ тамо жить.

Изъ „Записокъ“ И. И. Неплюева.

28-го числа того жъ мѣсяца (сентября, 1716 года) его царское величество, будучи на кораблѣ Ингермонландіи, изволилъ смотрѣть всѣхъ насъ, гардемариновъ, и выбралъ для посылки въ Венецію (въ числѣ коихъ находился и я, Неплюевъ) 30 человѣкъ для обученія мореплаванію на галерахъ, да во Францію для обученія мореплаванію на корабляхъ 20 человѣкъ, туда жъ для обученія архитектуры 4 человѣка.

29-го числа перевезли всѣхъ насъ, выбранныхъ съ кораблей, въ Копенгагенъ, гдѣ его величество повелѣлъ послу своему, князю Василію Лукичу Долгорукому, выдать намъ на дорогу по 6-ти ефимковъ сверхъ прежняго жалованья и отправить въ Амстердамъ, а самъ изволилъ отбыть, и съ ея величествомъ государынею царицею, въ Голандію...

27-го числа (октября) перебрались мы съ кораблей на берегъ и, получивъ паспортъ, выѣхали изъ Копенгагена на почтѣ. На канунѣ жъ нашего отъѣзда бѣжалъ отъ насъ одинъ изъ нашихъ товарищей, Костюринъ, въ датскую службу, въ солдаты...

---

[1]) Въ подл. Датцкаю.

Въ Амстердамъ прибыли мы декабря 27-го числа и немедленно явились у его цесарскаго величества.

1717 года генваря съ 1-го числа соизволилъ онъ опредѣлить намъ на каждаго человѣка кормовыхъ денегъ по червонному на недѣлю, которыхъ денегъ намъ на пищу и довольно было, а за квартиру платили мы каждый на недѣлю по 20 алтынъ...

Февраля 8-го числа послано насъ въ Венецію 27 человѣкъ, и двухъ изволилъ оставить въ Амстердамѣ, а третій, Иванъ Воробьевъ, въ Амстердамѣ умеръ. На дорогу дано намъ по 25 червонныхъ каждому...

Въ Венецію прибыли мы 23-го числа, издержавъ въ пути каждый на всѣ расходы и на пищу по 24 червонныхъ...

Мая 10-го дня Венеціянская республика, по старанію его, агента (П. И. Беклемишева), опредѣлила насъ въ свою службу, и данъ былъ указъ въ опредѣленіи во флотъ генералъ-капитану, съ коимъ насъ къ оному и отправили. На пищу въ пути далъ намъ агентъ 20 цехиновъ.

Мая 30-го числа прибыли мы въ Корфу, и тутъ на имя агента заняли у грека Арсенія Квартана 80 цехиновъ...

1718-го генваря 10 князь Михайла княжъ Андреевъ сынъ Прозоровской бѣжалъ отъ насъ съ іеромонахомъ Филиппомъ, монастыря святого Павла, бывшимъ въ Корфу для собиранія милости, въ Аѳонскую гору [1]).

(Въ плаваніи Неплюевъ съ товарищами пробылъ до января 1719 года, участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ, получилъ аттестаты въ доказательство этого, и 21-го февраля 1719 года вернулся въ Венецію.)

...По прибытіи нашемъ въ Венецію, по указу его царскаго величества господинъ агентъ сдѣлалъ намъ мундиры: кафтаны темносѣрые, обшлага и отвороты красные, камзолы красные, штаны сѣрые жь и шляпы; а Татищеву, Дубровскому, Коновницыну, Щербатову и Алексѣеву мундировъ не дано, понеже въ письмѣ его царскаго величества за его собственною рукою къ агенту написано, чтобъ сдѣлать платье убогимъ, которые платья не имѣютъ...

4-го числа апрѣля господинъ агентъ объявилъ намъ его царскаго величества указъ, что насъ повелѣно отправить въ Гишпанію, съ тѣмъ чтобъ намъ быть въ службѣ Гишпанскаго короля на галерахъ гардемаринами, и объявилъ намъ, что ѣхать надлежитъ чрезъ Ливорну, и порядилъ одного флорентинца курьера, чтобъ довезти насъ до Ливорны, а на проѣздъ отъ Венеціи до Кадикса, гишпанскаго порта, далъ намъ агентъ по 30 ефимковъ каждому, да мундиръ всякій сталъ по 21 ефимку, итого по 51 ефимку; и въ тѣхъ деньгахъ нѣкоторые изъ насъ расписались, съ тѣмъ, что ежели государь укажетъ взять тѣ деньги изъ домовъ нашихъ, то мы ихъ платить обязуемся...

Изъ Венеціи выѣхали мы 4-го числа въ ночи, то-есть, въ недѣлю Ѳомину...

---

[1]) Тамъ онъ постригся подъ именемъ Сергія и прислалъ товарищамъ, оставшимся на Корфу, письмо съ просьбой переслать ему деньги, которыя должны были получиться на его имя отъ отца. *Примѣч. К. С.*

Прибыли мы во Флоренцію 9 числа... Во Флоренціи тогда были россіяне, обучающіеся живописному искусству: Иванъ да Романъ Никитины съ товарищи. Въ Ливорнѣ у гранъ-дука галерія, въ которой разныя вещи отъ пиктуры (живописи) и отъ скульптуры древней, отъ Рождества Христова и до нынѣ; онъ же, гранъ-дукъ, строитъ церковь, и въ серединѣ той (церкви) стѣны отъ разнаго каменья, а строятъ оную церковь безпрестанно 50 человѣкъ 114-ть лѣтъ, а еще будетъ совершать 100 лѣтъ...

Прибыли въ Женову (Геную) 15 числа по утру... При Женовѣ портъ, и около города отъ моря стѣна. Генуежская республика содержитъ 5 галеръ, и дворянъ 400 человѣкъ, а князь въ Женовѣ выбирается изъ дворянъ и перемѣняется черезъ 2 года; войска у нихъ въ Генуѣ съ 4000 солдатъ...

25-числа апрѣля инвіатъ (посланникъ) испанскій отвѣтствовалъ намъ чрезъ своего консуля, что ему безъ указу своего монарха денегъ намъ дать на проѣздъ не возможно, а мы своихъ только имѣли въ остаткѣ по три цехина съ половиною; и того жъ числа договорились мы съ французскимъ капитаномъ, который на кораблѣ въ Кадиксъ отправлялся; онъ требовалъ за перевозъ до Кадикса и за пищу по 11-ти цехиновъ съ персоны, а деньги чтобъ всѣ напередъ ему даны были.

26-го числа... 10 человѣкъ, съ онымъ капитаномъ договорились и заплатили ему по 10 цехиновъ съ персоны, а по одиннадцатому цехину заплатить ему обѣщали по прибытіи въ Кадиксѣ, и взяли съ капитана договорныхъ два письма. и подписали мы и онъ своими руками, и одно письмо взяли мы, а другое онъ взялъ, а письма по договору написаны съ такимъ изъясненіемъ, чтобъ намъ сѣсть на корабль мая 2 числа по утру и съ того числа кормить бы ему насъ съ собою за столомъ до Кадикса и по прибытіи въ Кадиксъ два дни со всякою выгодностію. Письмо его сіятельства князя Куракина и пашпортъ, который намъ данъ отъ господина агента, взяли мы съ собою, а другіе два пашпорты, которые были даны до Женовы, отдали нашимъ товарищамъ. Того жъ 26 числа товарищи наши 12 человѣкъ предложили между собою такой совѣтъ, чтобы имъ ѣхать въ Ливорну, и одному изъ нихъ ѣхать бы изъ Ливорны въ Венецію къ господину агенту и требовать бы отъ него себѣ на проѣздъ денегъ; понеже они въ Кадиксъ съ нами отправиться не могли, потому что денегъ не имѣли,.. а мы съ ними писали къ господину агенту съ прошеніемъ, чтобъ и всѣхъ насъ помощію не оставилъ...

5-го числа (мая) по утру пошли отъ Геновы...

15-го числа прибыли ко французскому городу Марсели и легли на якорь...

Въ бытность нашу при Марселіи, 18-го числа въ вечеру говорили мы корабельному капитану, что онъ насъ худо кормитъ, и онъ намъ отвѣтствовалъ, что «я де вамъ въ портахъ не повиненъ стола давать, договоръ де нашъ разумѣется отъ Геновы до Кадикса и пища въ путь, а когда де я прійду въ какой портъ, тогда де вы повинны свое ѣсть, съѣхавъ на берегъ, какъ и прочіе пассажиры всегда такъ дѣлаютъ».

19-го числа мая били челомъ мы на капитана губернатору; оный губернаторъ послалъ насъ къ логотененту (лейтенанту) мусье Жеринъ, у котораго подъ вѣдѣніемъ всякія морскія дѣла, и онъ говорилъ капитану, что ему надлежитъ намъ давать пищу и въ портахъ до уреченнаго мѣста Кадикса по договорному нашему письму, для того что въ письмѣ о портахъ не упомянуто,—въ чемъ капитанъ словесному его приказу не послѣдовалъ, приносилъ въ резонъ, будто онъ въ портѣ не повиненъ про насъ имѣть стола; и оный логотенентъ велѣлъ намъ подать суплику (прошеніе), что мы и учинили; и на той супликѣ оный логотенентъ помѣтилъ, чтобы капитана сыскать въ канцелярію и противъ нашего челобитья допросить; и оный капитанъ вмѣсто допросу далъ сказку, подписалъ подъ оной челобитной въ отвѣтствіе, что онъ столъ про насъ держитъ и впредь держать по своему договору во всякомъ до Кадикса мѣстѣ обязуется.

22-го числа судьи, слушавъ онаго дѣла, помѣтили, чтобъ оному капитану по договорному своему письму держать про насъ столъ во всякомъ мѣстѣ до Кадикса..; а когда дѣло слушали, докладывалъ по дѣлу дьякъ, а отвѣтствовалъ за капитана наемный стрянчій, «адвокатъ», да писарь его корабля, а отъ насъ былъ я, Иванъ Неплюевъ. Судьи во Франціи ходятъ въ черныхъ платьяхъ, также и дьяки; а дьяки называются прокураторы; всѣхъ дѣлъ канцеляріи и судьи въ одномъ домѣ по разнымъ каморамъ, которыя палаты называются «палацо де юстиція»...

Августа 4-го числа [1]) отъ его королевскаго величества присланъ указъ ко интенданту де-марина (морскому) и къ поручику гардемаринскому, по которому повелѣно насъ опредѣлить во академію и содержать въ компаніи гардемаринской, какъ ихъ гардемарины содержатся; а жалованье на мѣсяцъ по двѣ добли (дублонъ, испанская монета), и по двѣ пецы, и по пяти реалей де плата, и по пяти кварты, которое по русски сдѣлаетъ 10 ефимковъ; а мундиръ намъ не опредѣленъ (дальше Неплюевъ описываетъ условія жизни и службы испанкихъ гардемариновъ).

6-го числа августа, штиль vejo (старой стиль), расписали насъ въ шесть квартъ, а въ первую кварту изъ насъ никого не написали, и какъ гишпанскіе, такъ и мы ходили во академію всегда, кромѣ того, что мы къ обѣднѣ не ходили; а учились со оными солтадскому артикулу, танцовать и на шпагахъ биться; а къ математикѣ приходили, только безъ дѣла сидѣли, понеже учиться не возможно, для того, что мы ихъ языку не знали. Въ тѣ жь числа просили мы многажды, чтобы насъ, противъ рекомендаціи князя Куракина, послать служить на галеры его королевскаго величества. Оный намъ сказалъ, что его королевское величество содержитъ только 6 галеръ, и тѣ въ Сициліи: «и опредѣлить де васъ, кромѣ академіи, не куда; а жалованья вамъ не прибавятъ»; и на ихъ галерахъ гардемаринъ нѣтъ. И объ ономъ обо всемъ писали мы многажды въ Санктпетербургъ къ адмиралу Ѳедору Матвѣевичу Апраксину, и въ Голландію къ послу князю Борису

---

[1]) Путешественники прибыли въ Кадиксъ 5-го іюля. *Примѣч. К. С.*

Ивановичу Куракину; и просили ихъ, чтобъ они доложили его царскаго величества, чтобъ насъ повелѣлъ опредѣлить въ службу и опредѣлилъ бы намъ свое государево денежное жалованье, чѣмъ бы мы могли содержаться, понеже гишпанскимъ жалованьемъ намъ содержаться не возможно, и въ житьѣ нашемъ пользы намъ никакой нѣтъ, понеже шпажное и танцовальное ученіе къ службѣ его величеству въ насъ годно быть не можетъ. А жалованья королевскаго въ руки намъ не давалъ поручикъ де-компанія, а платилъ за насъ за пищу и за квартиру по двѣ добли на мѣсяцъ съ персоны, отчего мы имѣли нужную пищу, а пили только воду; оный же за мытье рубашекъ и прочаго платилъ за насъ по полупецы въ мѣсяцъ, и по приказу его перемѣняли мы по три рубашки въ недѣлю и брали на мѣсяцъ по парѣ башмаковъ, за которые онъ платилъ за насъ по 9 реалей, да плата за пару; онъ же платилъ за насъ балбиру по 4 реаля на мѣсяцъ, который брилъ намъ бороды по 2 раза въ недѣлю, а паруки намъ пудрилъ по трижды въ недѣлю; и за тѣмъ за всѣмъ осталось намъ по 4 реаля по 5 квартъ отъ мѣсяца; и оные платилъ за насъ портному мастеру за починку верхняго платья, или кто что возьметъ новое противъ жалованья...

19-го числа августа противъ письма князя Куракина послали мы къ королевскому величеству челобитную, и притомъ къ секретарю его величества... писали письмо, въ которомъ просили его по супликѣ нашей доложить его королевскому величеству, чтобы насъ его величество повелѣлъ послать въ службу на галеры, понеже намъ во академіи учиться не возможно того ради, что гишпанскому языку не знаемъ, и чтобъ его величество прибавилъ намъ жалованья, понеже вышеупомянутымъ жалованьемъ намъ содержаться не возможно, а отъ царскаго величества нынѣ мы денежнаго жалованья не имѣемъ. И противъ того оный секретарь намъ отвѣтствовалъ письмомъ же, что его королевское величество повелѣлъ отписать къ намъ, чтобъ намъ быть во академіи и учиться языку и прочаго, а на галерахъ намъ быть не возможно, понеже галеры въ Сициліи, а въ жалованьѣ намъ его величество излишнемъ противъ ихъ, гардемариновъ, опредѣлилъ отказать. По полученіи сего письма о всемъ писали мы въ Голландію къ послу князю Борису Ивановичу Куракину...

14-го числа декабря получили мы отъ князя Куракина письмо, въ которомъ намъ пишетъ, что намъ по указу царскаго величества велѣно возвратиться въ отечество, и объ отправленіи нашемъ онъ писалъ къ губернатору Кадикскому, чтобъ насъ отправилъ въ Голландію, на голландскихъ корабляхъ, и отправляться бы намъ немедленно. (На занятыя деньги русскіе гардемарины въ февралѣ 1720 года выѣхали изъ Кадикса въ Амстердамъ, откуда кн. Куракинъ отправилъ ихъ водой до Гамбурга, а дальше имъ велѣно было ѣхать сухимъ путемъ. О своихъ впечатлѣніяхъ за время всей дороги отъ Кадикса до Петербурга Неплюевъ не сообщаетъ ничего).

Прибыли въ Санктпетербургъ 22-го числа... Во весь вышеписанный вояжъ издержалъ я собственныхъ 400 рублей, да государевыхъ 600 рублей. Каждый изъ насъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, пристали у нашихъ родственниковъ, а я у капитана гвардіи Семена Марковича Спицына.

Изъ „Записокъ“ гр. А. Р. Воронцова.

Простившись съ моими родными, я выѣхалъ изъ Петербурга, сколько могу припомнить, 27 или 28 февраля 1758 года. Мое семейство имѣло ко мнѣ достаточно довѣрія, чтобъ не назначать никакого ко мнѣ гувернера для сопровожденія меня до Парижа. Мнѣ шелъ тогда семнадцатый годъ; но я могу сказать, что мое поведеніе во время пути оправдало довѣріе моихъ родныхъ, такъ какъ я ни разу не впалъ въ тѣ увлеченія, которыя такъ свойственны молодымъ людямъ моихъ лѣтъ... Я могу сказать, что этотъ отъѣздъ во Францію имѣлъ большое вліяніе на складъ моего ума, такъ какъ онъ способствовалъ моему умственному развитію и еще усилилъ мою склонность къ дѣловымъ занятіямъ. Мой дядя очень интересовался мною и всѣмъ, что касалось моего образованія, и я могу сказать, что въ этомъ отношеніи онъ былъ для меня настоящимъ отцемъ...

Обычный путь въ Вѣну, шедшій черезъ Моравію, въ ту пору не былъ безопасенъ, такъ какъ Прусскій король находился въ этой провинціи съ частію своей арміи и занимался осадою Ольмюца. Чтобъ добраться изъ Кракова до Вѣны, мнѣ пришлось сдѣлать большой объѣздъ и проѣхать черезъ Венгрію...

Эта страна красива; жилища тамъ вообще нѣсколько похожи на наши деревенскіе дома, съ той только разницей, что тамъ въ каждомъ селеніи есть порядочная гостинница, гдѣ можно поѣсть и спокойно уснуть. Эти гостинницы содержатся Нѣмцами, поселившимися въ Венгріи, такъ какъ императрица-королева завела тамъ нѣсколько Нѣмецкихъ колоній, затративъ на этотъ предметъ значительныя суммы денегъ и устроивъ это дѣло очень толково (а не такъ, какъ это дѣлается у насъ); впрочемъ все это стоило ей едвали болѣе того, что стоятъ намъ наши колоніи, потому что ея чиновники не совершали постыдныхъ и скандальныхъ грабежей и потому что все было во-время заготовлено для колонистовъ: и земледѣльческія орудія, и сѣмена для посѣва, и хижины, и необходимые на первое время съѣстные припасы, и рабочій скотъ...

Вѣна, какъ извѣстно, имѣетъ крѣпость и была въ состояніи выдерживать осады; поэтому такъ называемый старый городъ не очень обширенъ. Впрочемъ въ немъ есть площади, очень красивыя улицы и прекрасныя зданія. Въ улицѣ, гдѣ живетъ знать, много большихъ барскихъ домовъ. Императрица много сдѣлала для украшенія города, выстроивши для каждаго министра и для каждаго министерства очень большіе дворцы въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другого, что очень облегчаетъ веденіе дѣлъ. Дворецъ, въ которомъ живетъ дворъ, хотя и великъ, по старинной архитектуры. Сверхъ того при дворѣ есть великолѣпная публичная библіотека, очень обширный кабинетъ рѣдкостей и прекрасная картинная галлерея. Казнохранилище, гдѣ находятся всѣ коронныя драгоцѣнности, также очень интересно. Сверхъ того въ Вѣнѣ много церквей, воспитательныхъ заведеній и училищъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были выстроены императрицей-королевой...

Въ то время въ Вѣнѣ было два театра и очень хорошая французская комедія. Зала, въ которой давались представленія, сообщалась посредствомъ галлереи съ дворцомъ и часто посѣщалась дворомъ. Нѣмецкій театръ славился вели-

колѣпными балетами, и я долженъ признаться, что мнѣ до той поры еще не случалось видѣть ничего подобнаго. Австрійская аристократія очень высокомѣрна, любитъ церемоніи и этикетъ и очень чванится роскошью своихъ обѣдовъ. Признаюсь, что, въ мое первое пребываніе въ этомъ городѣ, не смотря на оказанный мнѣ повсюду хорошій пріемъ, мнѣ не понравился господствующій тамъ тонъ. Впрочемъ, женщины тамъ довольно любезны и красивы; но мущины показались мнѣ непріятными. Я разумѣю Вѣнскую молодежь; что же касается людей, состоящихъ на государственной службѣ, то едвали найдется другая страна, гдѣ было-бы столько способныхъ должностныхъ лицъ, какъ въ Вѣнѣ...

Отъ Вѣны до Линца дорога очень хороша, шосе очень удобно, жилища встрѣчаются часто и почты хорошо содержатся; мнѣ было нетрудно замѣтить, что населеніе этой части владѣній Австрійскаго дома пользуется большимъ достаткомъ и что тамъ много занимаются промышленностью. При такихъ удобствахъ сообщеній я очень скоро очутился въ Баварскихъ владѣніяхъ. При въѣздѣ въ Баварію мнѣ представилась совершенно иная картина. Дороги плохи, почты дурно содержатся, и незамѣтно ни того достатка, ни той промышленной дѣятельности, которыя я видѣлъ въ Австріи. Эта страна довольно густо населена, и почва въ ней плодородна; но она точно будто находится въ младенчествѣ. Впрочемъ она еще не успѣла совершенно оправиться отъ бѣдствій, испытанныхъ ею во время войны 1741 г., въ царствованіе императора Карла VII...

Изъ Виртемберга я прибылъ въ Мангеймъ, столицу курфирстовъ—палатиновъ...

Главный министръ курфирста, которому я былъ рекомендованъ, пригласилъ меня войти въ столовую, гдѣ ожидали прибытія самого курфирста; я засталъ тамъ многочисленное общество и увидѣлъ накрытый большой столъ. До прибытія курфирста я замѣтилъ, что всѣ очень ухаживаютъ за однимъ пожилымъ человѣкомъ; я спросилъ имя этого старика и къ великому моему удивленію узналъ, что это Вольтеръ. Такъ какъ я всегда восхищался произведеніями Вольтера, то и былъ въ неописанномъ восторгѣ отъ того, что имѣлъ случай его видѣть. Я пожелалъ, чтобъ меня представили этому знаменитому человѣку и просилъ у него позволенія посѣтить его послѣ обѣда (онъ жилъ въ замкѣ). Лишь только вошли въ залу курфирстъ и его супруга, и лишь только они обмѣнялись нѣсколькими словами съ нѣкоторыми изъ гостей, мы сѣли за столъ; мнѣ пришлось сѣсть недалеко онѣ курфирста, что мнѣ было очень пріятно, потому что это давало мнѣ возможность не проронить ни одного слова изъ того, что говорилъ Вольтеръ...

Чтобъ не безпокоить Вольтера тотчасъ послѣ обѣда, я пошелъ прогуливаться въ садъ курфирста, а за тѣмъ отправился въ апартаменты этого писателя и приказалъ доложить о себѣ. Онъ тотчасъ принялъ меня, много говорилъ объ императрицѣ Елисаветѣ, о ея человѣколюбіи и объ изданномъ ею при вступленіи на престолъ законѣ, уничтожавшемъ смертную казнь; онъ также говорилъ мнѣ съ восторгомъ о Петрѣ Великомъ. Онъ въ то время писалъ исторію этого великаго государя; это было мнѣ извѣстно еще до моего отъѣзда изъ Петербурга. Мнѣ

было также извѣстно, что камергеръ Шуваловъ, находившійся съ нимъ въ перепискѣ, собиралъ для отсылки къ нему матеріалы и свѣдѣнія о Петрѣ Великомъ. Этотъ знаменитый писатель много говорилъ мнѣ о необъятности Россіи и о нашихъ сосѣдяхъ Китайцахъ.

Такъ какъ въ этотъ вечеръ былъ назначенъ спектакль въ замкѣ, куда онъ конечно намѣренъ былъ отправиться, то я не счелъ вѣжливымъ долго задерживать его и попросилъ у него позволенія посѣщать его во время моего пребыванія въ Мангеймѣ. Курфирстъ содержалъ на свой счетъ цѣлую труппу Французскихъ комическихъ актеровъ. Я отправился въ театръ; давали Магомета, и я замѣтилъ, что Вольтеръ волновался, когда онъ находилъ, что кто-нибудь изъ актеровъ придавалъ иной фразѣ не тотъ смыслъ, какого желалъ авторъ.

Желаніе видаться съ Вольтеромъ заставило меня провести нѣсколько лишнихъ дней въ Мангеймѣ. Каждые два дня я отправлялся на дачу курфирста въ театръ, на которомъ давали однѣ трагедіи Вольтера, а послѣ обѣда посѣщалъ этого знаменитаго писателя, съ которымъ проводилъ одинъ или два часа. Во время моего второго посѣщенія онъ говорилъ мнѣ о войнѣ, которую ведутъ два императорскіе двора и Франція съ Прусскимъ королемъ; было не трудно замѣтить, что онъ чрезвычайно желалъ униженія короля...

Когда я былъ у него въ послѣдній разъ, чтобъ проститься съ нимъ, онъ говорилъ мнѣ о моемъ будущемъ пребываніи во Франціи, хвалилъ заведеніе chevaux légers, въ которое я намѣревался поступить, далъ мнѣ очень хорошіе совѣты касательно моихъ будущихъ занятій и въ заключеніе посовѣтовалъ мнѣ, чтобъ, проѣзжая черезъ Страсбургъ, я повидался тамъ съ однимъ почтеннымъ ученымъ, который можетъ быть очень мнѣ полезенъ своими познаніями. Это былъ г. Шепфингъ, къ которому онъ далъ мнѣ рекомендательное письмо...

Уже было около 8 часовъ вечера, когда я прибылъ въ Парижъ...

Узнавъ изъ афишъ, что въ этотъ день давали Заиру, я попросилъ у гр. Бестужева позволенія отправиться въ театръ, сказавъ ему, что я горю нетерпѣніемъ увидѣть, какъ играютъ на Парижской сценѣ. Онъ согласился на это и приказалъ Хотинскому сопровождать меня. Я былъ удивленъ и пораженъ этимъ представленіемъ и въ особенности игрой Лекена и Саразена, исполнявшаго роль Люзиньяна. Этотъ актеръ былъ уже очень старъ и игралъ на театрѣ въ послѣдній разъ. Дѣвица Госсенъ, хотя и немолодая женщина, очень хорошо исполнила роль Заиры, внесла въ нее много чувствительности и вызывала аплодисменты. Зала, въ которой давалось представленіе, некрасива, находится въ узенькой улицѣ и недостойна такого большаго города. Кромѣ Французской Комедіи, въ Парижѣ былъ еще Итальянскій театръ, на которомъ давались пьесы съ арлекинами и даже Французскія пьесы безъ арлекиновъ, а также комическія оперы. Тамъ были очень хорошіе актеры, въ особенности знаменитый Карленъ. Была еще Большая Опера или, какъ ее называли, Академія Музыки; тамъ давались спектакли, производившіе впечатлѣніе балетами, декораціями, хорами, увертюрой оркестра и множествомъ дѣйствующихъ лицъ, появлявшихся на сценѣ. Актеры исполняли свои роли въ совершенствѣ, точно будто они разыгрывали какую-нибудь трагедію, а

либретто было всегда составлено съ большимъ тщаніемъ, не такъ какъ въ большихъ Итальянскихъ операхъ. Тѣмъ не менѣе этотъ спектакль мнѣ не понравился: и Французская музыка, и вскрикиванья пѣвцовъ драли мнѣ уши; я сталъ ходить туда только тогда, когда давали оперу Ж. Ж. Руссо Le Devin du Village. Французы очень горячо отстаивали достоинство своей музыки; за нѣсколько лѣтъ до моего пріѣзда въ Парижъ, тамъ даже возникло нѣчто въ родѣ раскола вслѣдствіе того, что нѣкоторые Французскіе литераторы побывавшіе за границей, превозносили прелести Итальянской музыки...

Я старался познакомиться съ Парижемъ, много ходилъ пѣшкомъ, посѣщалъ лавки и книжные магазины. Огромное число этихъ послѣднихъ поразило меня. Кромѣ улицы Сенъ-Жакъ, которая вся наполнена книжными магазинами, нѣтъ почти ни одной большой улицы, гдѣ-бы ихъ не было...

Меня, натурально, очень поразили и громадность Парижа, и многочисленность его населенія, и предпріимчивая дѣятельность жителей. Въ немъ есть очень красивые кварталы или по меньшей мѣрѣ цѣлыя улицы, гдѣ нѣтъ другихъ зданій, кромѣ большихъ отелей. Въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстіи большая часть домовъ имѣетъ съ одной стороны дворъ, а съ другой садъ. Въ старомъ городѣ улицы узки, однако есть также большія и красивыя, какъ напримѣръ улицы: Сентъ-Онаре, Сентъ-Антуанъ и нѣкоторыя другія. Городскія площади и сады, какъ напримѣръ Тюильрійскій, Пале-Рояля, Люксамбургскій и при Арсеналѣ, чрезвычайно хороши. Садъ князя Субиза, примыкающій къ его отелю, также открытъ для публики. Нѣкоторыя набережныя вдоль Сены красивы; тамъ много большихъ отелей, точно также и на бульварахъ, гдѣ къ отелямъ примыкаютъ сады; таковъ, напримѣръ, отель маршала Ришельё...

Нашъ посолъ самъ свезъ меня въ школу, отрекомендовалъ меня и сдалъ на руки полковнику Лаберзаку, который былъ инспекторомъ школы подъ начальствомъ герцога Шольпеса; затѣмъ Бестужевъ пошелъ осмотрѣть назначенное мнѣ помѣщеніе. Онъ нашелъ его удобнымъ, такъ какъ оно состояло изъ двухъ комнатъ, небольшой прихожей и антресолей для прислуги; все это было очень чисто. Посолъ пробылъ нѣсколько минутъ въ этомъ помѣщеніи, сказалъ мнѣ, что по праздникамъ и во время вакацій я могу иногда пріѣзжать къ нему въ Парижъ, и затѣмъ простился со мной очень ласково.

Нетрудно себѣ представить, какъ мнѣ было неловко, когда я очутился въ средѣ почти 120 молодыхъ людей и многихъ офицеровъ генеральнаго штаба и инспекторовъ, совершенно мнѣ незнакомыхъ. Но я долженъ отдать справедливость любезности всей этой Французской знатной молодежи, которая была такъ предупредительна ко мнѣ, что черезъ два дня я уже былъ тамъ, какъ дома, точно будто я прожилъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ...

Школа была наполнена молодежью, принадлежавшей къ высшему Французскому дворянству; не было во Франціи ни одной провинціи, которая не прислала-бы туда воспитанниковъ, такъ что, живя тамъ, можно было составить себѣ понятіе о духѣ различныхъ провинцій. Нѣкоторые изъ воспитанниковъ сохраняли свой провинціальный характеръ и въ школѣ, какъ напримѣръ Бретонцы.

которые были большею частію горячія головы. Годовая плата была въ 4000 ливровъ; за эти деньги мы имѣли помѣщеніе, учителей, ежегодно новый мундиръ, сюртукъ и мытье бѣлья. Столъ былъ приличный, чистый и хорошій; по Пятницамъ и Субботамъ ѣли постное... На другой день я отправился въ классы. Барабанный бой извѣщалъ воспитанниковъ, что насталъ часъ занятій. Классы начинались въ 7 часовъ утра; въ 10 часовъ былъ небольшой перерывъ для завтрака, послѣ котораго занятія продолжались до половины 1-го; это былъ часъ обѣда, послѣ котораго возобновлялись занятія въ классахъ и продолжались до 7 часовъ вечера; въ 8 часовъ ужинали. Каждый столъ накрывался какъ для обѣда, такъ и для ужина, на двѣнадцать приборовъ, и сверхъ того ставили тринадцатый приборъ для офицера или инспектора, наблюдавшаго надъ тѣмъ, чтобъ все было прилично и въ порядкѣ. Въ праздничные и воскресные дни, а также по Субботамъ послѣ обѣда, занятій въ классахъ не было. Тогда можно было, съ разрѣшенія дежурнаго офицера, отправляться гулять по парку и по окрестностямъ Версаля, или посѣщать живущихъ въ городѣ знакомыхъ. Но тотъ, кто желалъ отправиться въ праздничный день въ Парижъ, долженъ былъ просить на это разрѣшенія у директора школы, г-на Лаберзака.

По прошествіи одной недѣли моего пребыванія въ этой школѣ, я уже понялъ, что она хороша и можетъ быть полезна для меня, а потому сталъ заниматься очень усердно. Я сошелся съ нѣкоторыми изъ моихъ товарищей, общество которыхъ мнѣ всего болѣе нравилось, и нисколько не тяготился моимъ пребываніемъ въ школѣ. Я пригласилъ упомянутаго выше г-на Арну посѣщать меня въ промежуткахъ между классами и давать мнѣ уроки словесности и литературы, за что, конечно, я платилъ ему особо...

По Субботамъ послѣ обѣда, а также въ праздничные дни, я иногда ходилъ слушать Французскія комедіи, дававшіяся на городскомъ театрѣ, которыя были не совсѣмъ плохи; а когда погода была хороша, я отправлялся гулять въ паркъ съ тѣми изъ моихъ товарищей, съ которыми я всего болѣе былъ друженъ: тамъ мы заказывали у швейцара аранжереи ужинъ. Иногда мы отправлялись въ Тріанонъ и обѣдали тамъ у швейцара и чисто, и дешево.

Изъ „Записокъ А. Т. Болотова. 1758—60 гг."

Не успѣли мы расположиться на квартирахъ и кое-какъ обострожиться, какъ съ нетерпѣливостью хотѣлось намъ удовольствовать давнишнее свое желаніе, и весь сей славный для насъ городъ выходить и осмотрѣть. Я предпріялъ путешествіе сіе на другой же день послѣ нашего прибытія и обѣгалъ всѣ наилучшія площади, улицы и мѣста сего города, и не могъ довольно налюбоваться красотою и пышностью многихъ улицъ, а особливо такъ-называемой Кнейпгофской большой улицы, которую наши тотчасъ окрестили по своему и назвали Мильйонною, потому что вся она была не только прямая, но состояла изъ наилучшихъ и богатѣйшихъ домовъ въ городѣ. Не съ меньшимъ любопытствомъ смотрѣлъ я также и на ста́ринный замокъ, или дворецъ прежнихъ владѣтелей прусскихъ. Сіе огром-

ное четвероугольное, воздвигнутое на горѣ и несовсѣмъ начисто отдѣланное зданіе, придавало всему городу важный и пышный видъ, а особливо построенною, на одномъ углѣ онаго, превысокою четвероугольною и никакого шпица и верха неимѣющею башнею, на верху которой развѣвался только одинъ большой флагъ и видимы были всегда люди, живущіе тамъ для содержанія караула. Однако я оставлю описаніе сего города до другого случая...

Не успѣлъ я на новой квартирѣ осмотрѣться и получить свободное время, какъ пустился опять въ путешествіе и осматриваніе тѣхъ мѣстъ и улицъ въ городѣ, въ которыхъ мнѣ быть еще не случилось. Нѣсколько дней сряду рыскалъ я по городу и препровождалъ ихъ въ таковыхъ путешествіяхъ, и прихаживалъ домой уставши до полусмерти, а тутъ принимался я тотчасъ за свои картины и за раскрашиваніе оныхъ...

На самой той улицѣ, гдѣ я стоялъ, и неподалеку отъ насъ, случилось жить одному ученому и такому человѣку, который упражнялся въ шлифованіи стеколъ и въ дѣланіи всякаго рода оптическихъ машинъ и другихъ физическихъ инструментовъ. Къ сему человѣку завелъ меня одинъ изъ моихъ знакомцевъ, и я не знаю, на землѣ ли я или индѣ былъ въ тѣ минуты, въ которыя показывалъ онъ мнѣ разныя свои и мною еще никогда невиданныя вещи и инструменты. Прекрасные его и разные микроскопы, о которыхъ я до того времени и понятія не имѣлъ, приводили меня въ восхищеніе. Я не могъ устать цѣлый часъ смотрѣть въ нихъ на всѣ маленькія показываемыя имъ мнѣ вещицы, а особливо на чрезвычайно-малыхъ животныхъ, которыхъ я видѣлъ тутъ въ одной капелькѣ воды, бѣгающихъ и ворочающихся въ безчисленномъ множествѣ и гоняющихся другъ за другомъ. А не успѣлъ я симъ насытить свое любопытное зрѣніе, какъ хрустальныя призмы и другіе оптическіе инструменты и дѣлаемые ими эксперименты приводили меня въ новые восторги и въ удивленіе; но восхищеніе, въ какое приведенъ я былъ его каморою-обскурою, не въ состояніи я уже никакъ описать. Я истинно внѣ себя былъ отъ радости и удовольствія, когда увидѣлъ, какъ хорошо и какимъ неподражаемымъ искусствомъ умѣетъ сама натура рисовать на бумагѣ наиприкраснѣйшія картины, и что всего удивительнѣе для меня было, наиживѣйшими красками. Я долго не понималъ, откуда брались сіи разные колера, покуда не растолковалъ мнѣ отчасти помянутый художникъ, который примѣтивъ особливое мое и съ великимъ примѣчаніемъ сопряженное любопытство, не оставилъ показать мнѣ все, что у него ни было, и многое изъяснить примѣрами для удобнѣйшаго мнѣ понятія. Словомъ, я вовѣкъ не позабуду тѣхъ пріятныхъ и восхитительныхъ часовъ, которые препроводилъ я тогда у него въ домѣ, и былъ человѣку сему весьма много обязанъ, ибо онъ, власно, какъ отворилъ мнѣ черезъ то дверь въ храмъ наукъ и заохотилъ иттить въ оный и находить въ наукахъ тысячу удовольствій и увеселеній, и которыя помогли мнѣ потомъ имѣть толь многія блаженныя минуты въ теченіе моей жизни...

...Счастливымъ для меня обстоятельствомъ было то, что какъ по прошествіи нѣсколькихъ первыхъ недѣль письменныя дѣла мои начинали не только уменьшаться; но нерѣдко и совсѣмъ перемежаться, такъ что иногда по нѣскольку ча-

совъ сиживалъ я совсѣмъ безъ дѣла, то по привычкѣ моей съ малолѣтства къ всегдашнимъ упражненіямъ и стали праздные часы сіи мнѣ уже и скучны становиться, такъ что я, не занимаясь ничѣмъ, иногда даже тосковалъ оттого. Сіе обстоятельство причиною тому было, что я вздумалъ въ запасъ на такіе случаи приносить съ собою съ квартиры кой-какія книжки и въ праздное время занимался чтеніемъ оныхъ, ибо иного ничего дѣлать было тутъ не можно; а отъ сего и произошли для меня многія пользы; ибо, во-первыхъ, занимался въ праздные часы полезнымъ для себя упражненіемъ и снискивалъ часъ-отъ-часу болѣе себѣ знаніевъ; во-вторыхъ избавлялся скуки; втретьихъ, препятствовалъ мыслямъ своимъ заниматься отъ праздности другими предметами, могущими обратиться мнѣ во вредъ и въ предосужденіе, а вчетвертыхъ, наконецъ, самымъ тѣмъ подалъ поводъ пріятелю моему, адъютанту, расхвалить мнѣ одну знакомую ему книжку, а именно: «Нравоучительныя размышленія» графа Оксенштирна. Онъ расхвалилъ мнѣ её до небесъ и тѣмъ такъ меня поджогъ, что я непремѣнно положилъ её себѣ купить, и сыскавъ свободный часъ, побѣжалъ искать книжной лавки и ее спрашивать.

День, въ который я сіе учинилъ, былъ для меня поистинѣ блаженнымъ и крайне достопамятнымъ; ибо въ самый оный судьбѣ угодно было отворить мнѣ, такъ сказать, впервые дверь въ храмъ наукъ и показать мнѣ прелести онаго. Не могу довольно изобразить, какимъ восхищеніемъ поразился я, вошедъ въ тамошнюю книжную лавку, въ которой до того не случалось еще бывать мнѣ ни однажды. Одинъ изъ товарищей моихъ нѣмцевъ взялся проводить меня въ нее и указать тотъ глухой и неизвѣстный мнѣ переулокъ, въ которомъ она находилась. Не бывавъ никогда въ порядочныхъ и большихъ книжныхъ лавкахъ поразился я воззрѣніемъ на преужасное множество непереплетенныхъ книгъ, лежащихъ не только въ стопахъ по полкамъ, но и разложенныхъ по всѣмъ столамъ и прилавкамъ такъ, что ихъ титлы и заглавія можно было единымъ взоромъ обозрѣвать и видѣть. Я не зналъ, куда мнѣ и на какую изъ нихъ обращать мои взоры и какую разсматривать прежде и какую послѣ. Нѣсколько минутъ препроводилъ я, власно, какъ въ изступленіи и не пересматривалъ, а пожиралъ глазами всѣ оныя. Еслибъ можно было, то всѣ бы я ихъ себѣ заграбилъ— такъ прельщался я симъ необыкновеннымъ для меня зрѣлищемъ. Но удовольствіе мое было еще больше, когда, спросивъ объ Оксенштирнѣ, услышалъ, что она не только есть, но, несмотря на всю величину свою, такъ была дешева, что изъ бывшихъ со мною денегъ еще большая половина осталась, и я могъ купить на нихъ и еще нѣсколько книгъ, которыхъ мнѣ титулы полюбились.

Съ превеликимъ удовольствіемъ побѣжалъ я оттуда къ переплетчику, чтобъ отдать ихъ переплесть, а между тѣмъ съ особливымъ вниманіемъ замѣчалъ всѣ улицы и переулки, по которымъ бы ходить мнѣ впредь въ сію лавку. Она и подлинно нерѣдко удостоивалась моего посѣщенія и принесла мнѣ въ послѣдующее время неоцѣненныя пользы...

Но сего довольно о тогдашнемъ моемъ чтеніи; а надобно разсказать мнѣ вамъ теперь и о другомъ упражненіи, въ которомъ я временно упражнялся и ко-

торое имѣло хотя предметомъ у себя единое увеселеніе, однако также невинное и позволенное. Оное состояло ни въ чемъ иномъ, какъ въ танцованіи, или паче въ ученіи сему искусству. Вы удивитесь сему безсомнѣнно и почтете сіе дѣломъ, нимало съ прошлымъ тогдашнимъ расположеніемъ несообразнымъ; однако сіе дѣйствительно такъ было, и я побужденъ былъ къ тому отчасти склонностью моею съ малолѣтства къ сему упражненію, отчасти бывающими у генерала нашего койкогда балами и на нихъ танцами. Всякой разъ, когда ни случалось мнѣ ихъ видѣть, сматривалъ я на нихъ съ восхищеніемъ и всякой разъ внутренно досадовалъ, для чего не могъ я самъ брать въ томъ соучастія...

... По наступленіи весны и лѣта, время было уже не столь способно къ чтенію, какъ скучное зимнее, поелику множайшее количество наружныхъ прельщающихъ предметовъ отвлекали къ себѣ вниманіе и мѣшали чтенію; однако я хотя съ не такимъ усиліемъ, но все продолжалъ упражняться въ ономъ, но читалъ уже не столько романы, сколько другого сорта книги. Причиною тому было то, что наилучшіе романы были уже мною всѣ прочтены и остались одни оборуши и такіе, которыхъ на чтеніе не хотѣлось почти терять время; а сверхъ того, попались мнѣ нечаянно обѣ тѣ книжки господина Зульцера, которыя писалъ сей славный нѣмецкій авторъ о красотѣ натуры. Матерія, содержащаяся въ нихъ, была для меня совсѣмъ новая, но такъ мнѣ полюбилась, что я совершенно плѣнился оною. Словомъ, обѣ сіи маленькія книжки произвели во мнѣ такое дѣйствіе, которое простерлось на всѣ почти дни живота моего, и были основаніемъ превеликой перемѣнѣ, сдѣлавшейся потомъ во всѣхъ моихъ чувствованіяхъ. Онѣ-то первыя начали меня спознакомливать съ чуднымъ устроеніемъ всего свѣта и со всѣми красотами природы, доставлявшими мнѣ потомъ толико пріятныхъ минутъ въ жизни и служившими поводами къ тѣмъ безчисленнымъ непорочнымъ увеселеніямъ, которыя потомъ знатную часть моего благополучія составляли.

Не успѣлъ я ихъ прочесть, какъ не только глаза мои, власно, какъ растворились и я началъ на всю натуру смотрѣть совсѣмъ иными глазами и находить тамъ тысячи пріятностей, гдѣ до того ни малѣйшихъ не примѣчалъ; но возгорѣлось во мнѣ пламенное и ненасытное желаніе читать множайшія книги такогоже сорта и узнавать отчасу далѣе все устроеніе свѣта. Словомъ, книжки сіи были, власно, какъ фитилемъ, воспалившимъ гнѣздившуюся въ сердцѣ моемъ и до того самому мнѣ неизвѣстную охоту ко всѣмъ физическимъ и другимъ такъ-называемымъ естественнымъ наукамъ. Съ того момента почти оставлены были мною всѣ романы съ покоемъ, и я сталъ уже выискивать все такія, которыя къ симъ сколько-нибудь имѣли соотношеніе; и поелику у нѣмца, снабжающаго меня книгами, было такихъ мало, то не жалѣлъ я нимало денегъ на покупку совсѣмъ новыхъ изъ лавки и доставалъ вездѣ такія, гдѣ только можно было отыскать. А неуспѣлъ я къ нимъ нѣсколько попривязаться, какъ нечувствительно получилъ вкусъ и къ піитическимъ сочиненіямъ, имѣющимъ толь близкое и тѣсное сродство съ ними; и какъ сего рода книгъ у нѣмца моего было довольно, то пустился я въ чтеніе оныхъ и сіе такъ меня заохотило, что я нечувствительно получилъ и самъ нѣкоторую склонность къ стихотворству, и въ праздные иногда часы нетолько упра-

жнялся въ сочиненіи кой-какихъ стишковъ, но взялъ на себя трудъ, для удобнѣйшаго пріискиванія риѳмъ, составить нѣкоторый родъ піитическаго словаря, которая книжка и по нынѣ у меня цѣла и служитъ памятникомъ тогдашней моей охоты къ поэзіи. Со всѣмъ тѣмъ судьбѣ, какъ видно, было неугодно сдѣлать меня стихотворцемъ...

... Впрочемъ, побуждало меня много къ множайшему заниманію себя книгами и науками и знакомство, сведенное съ присланными къ намъ изъ Москвы студентами; всѣ они были не вертопрахи и не шалуны, а прилежные и къ наукамъ склонные молодые люди; и какъ они штудировали и учились у разныхъ профессоровъ и къ намъ нерѣдко хаживали въ канцелярію, то и былъ мнѣ случай всегда съ ними объ ученыхъ дѣлахъ говорить и какъ имъ сообщать свои знанія, такъ и отъ нихъ пользоваться взаимными, и я могу сказать, что я въ образованіи своемъ весьма много и имъ обязанъ...

... Всего того я еще не зналъ и не узналъ бы, можетъ быть, никогда, еслибъ не случилось присланнымъ быть къ намъ изъ Москвы вышеупомянутымъ десяти студентамъ и мнѣ съ двумя изъ нихъ покороче познакомиться. Оба они были наилучшенькіе изъ всѣхъ и самые тѣ, которые назначались для занятія моего мѣста и для исправленія моей должности. Одинъ изъ нихъ прозывался Садовскимъ, а другой Малиновскимъ. Оба они были московскіе уроженцы, оба тамошнихъ поповъ дѣти, но оба весьма хорошихъ характеровъ, хорошаго и смирнаго поведенія; оба охотники до наукъ и хорошо въ университетѣ учившіеся и довольныя уже свѣдѣнія обо всемъ имѣвшіе, а притомъ съ хорошими чувствіями люди. Какъ обоимъ имъ велѣно до того времени, покуда понавыкнутъ они болѣе нѣмецкому языку и къ переводамъ сдѣлаются способнѣйшими, пріискать себѣ учителей изъ тамошнихъ профессоровъ и продолжать у нихъ прежнія свои науки, то, учась еще въ университетѣ философіи, избрали они и тутъ сей самый факультетъ и, приговоривъ одного изъ тамошнихъ профессоровъ, стали продолжать слушать у нихъ лекціи, такъ какъ дѣлывали то, будучи еще въ московскомъ университетѣ.

Такъ случилось, что профессоръ тотъ былъ хотя, какъ и всѣ прочіе, вольфіанецъ, но изъ учениковъ его, тамошнихъ студентовъ, были нѣкоторые, учившіеся тайно и у помянутаго магистра Веймана той новой крузіанской философіи, о которой упоминалъ я выше, и что сіи, спознакомившись и сдружившись съ обоими нашими студентами, насказали имъ столь много добраго, какъ о сей новой философіи, такъ и о Вейманѣ, что возбудили и у нихъ охоту поучиться сей новой и толико лучшей и преимущественной философіи. Они, при помощи оныхъ, и познакомились тотчасъ съ симъ магистромъ, и какъ сей таковымъ новымъ охотникамъ учиться его философіи очень былъ радъ, то и пригласилъ онъ ихъ ходить къ себѣ по вечерамъ, и взялся охотно преподавать имъ приватно лекціи, а хотѣлъ только, чтобъ дѣло сіе производимо было тайно и такъ, чтобъ не узналъ того до времени тотъ профессоръ, у котораго они до того учились, и чтобъ онъ не могъ за то претерпѣть отъ него какого-нибудь себѣ злодѣйства, на что они и сами охотно согласились.

... Но не успѣли они у него нѣсколько разъ побывать и лекціевъ его послушать, какъ и плѣнились они столь сильно сею новою философіею, что восхотѣ-

лось имъ и мнѣ сообщить свое удовольствіе. Со мною имѣли они уже время не только познакомиться, но даже и сдружиться, ибо какъ имъ приказано было отъ времени до времени приходить къ намъ и въ канцелярію, то узнавъ обо мнѣ и объ отмѣнной моей охотѣ до книгъ и до наукъ, тотчасъ со мною познакомились короче и полюбили меня чрезвычайно, а не менѣе полюбилъ тотчасъ и я обоихъ ихъ, и у насъ всегда, какъ ни прихаживали они къ намъ, бывали съ ними обо всемъ и обо всемъ, касающемся до книгъ и до наукъ, безпрерывные и для меня отмѣнно пріятные разговоры, а сіе и подружило насъ между собою очень скоро неразрывною почти дружбою...

Они услышали желаніе мое и не преминули поговорить о томъ съ своимъ магистромъ Вейманомъ и спросить его, не дозволитъ ли онъ имъ привесть меня когда-нибудь съ собою, дабы могъ я хоть одинъ разъ присутствовать при преподаваніи имъ его лекцій: и какъ неописанно обрадовали они меня, принеся извѣстіе ко мнѣ, что онъ не только имъ то дозволилъ, но поставляетъ себѣ за особенную честь и будетъ очень радъ, если удостою я его своимъ посѣщеніемъ...

Изъ „Житія Ѳедора Васильевича Ушакова“ А. Н. Радищева.

Императрица Екатерина, между многими учрежденіями на пользу Государства, восхотѣла, чтобы между людьми, въ дѣлахъ судебныхъ или судопроизводныхъ обращающимися, было нѣкоторое число судей, имѣющихъ понятіе, какимъ образомъ отличившіеся законоположеніемъ своимъ народы оное сообразовали съ дѣяніями гражданъ на судѣ. На сей конецъ опредѣлила послать въ Лейпцигскій Университетъ двѣнадцать юношей для обученія Юриспруденціи и другимъ къ оной относящимся Наукамъ. Будучи извѣщенъ о семъ благомъ намѣреніи *Императрицы, Ѳедоръ Васильевичъ* прибѣгнулъ просьбою къ начальнику своему, да участвуетъ въ пріобрѣтеніи знаній, сотовариществуя юношамъ, избраннымъ для отправленія въ Лейпцигскій Университетъ...

Впродолженіе нашего пути *Ѳедоръ Васильевичъ* навлекъ на себя ненависть Путеводителя нашего, и самое то качество, которое ему пріобрѣло нашу приверженность, самое то было причиною, что *Бокумъ* [1]) его возненавидѣлъ. Твердость мыслей и вольное оныхъ изреченіе были въ немъ противны, и съ перваго раза, когда они въ немъ явны стали, началъ путеводитель нашъ помышлять, какъ бы погубить его...

Первый случай къ несогласію нашему съ нашимъ путеводителемъ, и первая причина его злобствованія противъ *Ѳедора Васильевича* было само по себѣ малозначащее происшествіе, но великое имѣло дѣйствіе на расположеніе наше къ начальнику нашему. Мы всѣ воспитаны были по русскому обряду и въ привычкѣ хотя не сладко ѣсть, но до насыщенія. Обыкли мы обѣдать и ужинать. Послѣ великолѣпнаго обѣда въ день нашего выѣзда ужинъ нашъ былъ

---

[1]) „Гофмейстеръ“, надзиратель, сопровождавшій русскихъ студентовъ, посланныхъ въ Лейпцигъ. *Прим. К. С.*

гораздо тощъ и состоялъ въ хлѣбѣ съ масломъ и старомъ мясѣ, ломтями рѣзанномъ. Таковое кушанье, для Нѣмецкихъ желудковъ весьма обыкновенное, востревожило Русскіе, привыкшіе болѣе ко штямъ и пирогамъ... Покажется иному смѣшно, иному низко, иному нелѣпо, что благовоспитанные юноши могли начальника своего возненавидѣть за таковую малость: но самаго умѣреннѣйшаго человѣка заставь поговѣть недѣлю, то нетерпѣніе въ немъ скоро будетъ примѣтно. Если сладость наскучить можетъ, кольми паче голодъ. Худая по большей части пища и великая неопрятность въ пріуготовленіи оной произвели въ насъ справедливое негодованіе. *Θедоръ Васильевичъ* взялся изъявить оное передъ нашимъ начальникомъ. Умѣренное его представленіе принято было съ презрѣніемъ, а особливо женою *Бокума,* которую можно было почитать истиннымъ нашимъ гофмейстеромъ. Сіе произвело словопреніе, и кончилось тѣмъ, что *Θедоръ Васильевичъ* возненавиженъ сталъ обоими супругами...

Мы стали отважнѣе въ нашихъ поступкахъ, дерзновеннѣе въ требованіяхъ и отъ повторяемыхъ оскорбленій стали, наконецъ, презирать его власть. Если бы желаніе ученія не остановляло насъ въ поступкахъ нашихъ и не умѣряло нашего негодованія, то *Бокумъ* на дорогѣ бы испыталъ, колико безразсудно, даже дѣтей, доводить до крайности...

...Для сохраненія насъ въ православіи отправленъ съ нами былъ монахъ, которому въ должность предписано было наставлять насъ въ Христіанскомъ законѣ, отправлять для насъ службу церковную и быть нашимъ духовникомъ.

Отецъ *Павелъ* былъ въ своемъ родѣ человѣкъ полуученый, зналъ по-латыни, по-гречески и нѣсколько по-еврейски. Въ семинаріи прошелъ всѣ нижніе и вышніе философскіе и богословскіе классы и былъ учителемъ риторики. Но если ему извѣстны были правила краснорѣчія, древними авторами преподаннаго, если зналъ онъ, что есть метафора, антитезизъ и прочія риторическія фигуры, то никто столь мало не былъ краснорѣчивъ, какъ нашъ отецъ *Павелъ*. Добродушіе было первое въ немъ качество, другими же онъ не отличался и болѣе способствовалъ къ возродившемуся въ насъ въ то время непочтенію къ священнымъ вещамъ, нежели удобенъ былъ дать наставленіе въ священномъ законѣ. Судить можно изъ слѣдующаго.

Исправленіе наше (ибо при первомъ нашемъ свиданіи онъ почелъ насъ богоотступниками, хотя ручаться можно, что ни одинъ изъ насъ въ то время ниже повѣсти не читывалъ о аѳеистахъ), исправленіе наше началъ онъ тѣмъ, что заставилъ насъ при утреннихъ и вечернихъ на молитвѣ собраніяхъ пѣть. Если вспомнишь, мой другъ [1]), сколь нестройный, несогласный и шумный у насъ былъ всегда концертъ, иной высоко, иной тонко, иной звонко, иной чрезчуръ кудряво, и наконецъ, устроенное на пріученіе ко благоговѣнію превратилося постепенно въ шутку и посмѣлище...

Отецъ *Павелъ,* не привыкнувъ еще къ нашимъ проказамъ, обрѣталъ въ

---

[1]) „Житіе“ посвящено Радищевымъ своему товарищу, масону А. М. Кутузову. *Прим. К. С.*

нихъ болѣе, нежели простыя и юношескія шутки [1]). Оборотясь, наименовалъ онъ насъ богоотступниками, непотребными и другими въ приложеніи юношества смѣшными названіями; сдѣлавшаго же вину смѣха называлъ неграмотикально, можетъ быть, мошенникомъ, да и того хуже. При первыхъ уже словахъ М. У. (Михаилъ Ушаковъ), будучи очень вспыльчивъ, восколебался, и столь же смѣшнымъ дѣяніемъ, какъ сей неприличными словами, представили намъ позорище, какого ни на какомъ театрѣ за рубль купить не можно. М. У., схвативъ висящую на стѣнѣ шпагу и привѣсивъ ее къ бедрѣ своей, бодро приступилъ къ чернецу; показывая ему эфесъ съ темлякомъ, говорилъ ему, немного заикаясь отъ природы: *забылъ развѣ, батюшка, что я кирасирскій офицеръ*. Въ такомъ вкусѣ было продолженіе сего дѣйствія, которое для насъ кончилось смѣхомъ, для М. У. мнимою побѣдою, а для отца *Павла* отытіемъ съ негодованіемъ въ свою комнату...

Пріѣхавъ въ Лейпцигъ, забылъ *Ѳедоръ Васильевичъ* всѣ обиды и притѣсненія своего начальника и вдался ученію съ наивеличайшимъ рвеніемъ, но какъ не окоренѣлъ еще въ трудолюбіи сего рода, то на время отъ онаго отвлеченъ былъ случившимся съ нами непріятнымъ происшествіемъ, которое для всѣхъ насъ было дѣятельною наукою нравственности во многихъ отношеніяхъ...

Имѣя власть въ рукѣ своей и деньги, забылъ гофмейстеръ нашъ умѣренность и, подобно правителямъ народовъ, возмнилъ, что онъ не для насъ съ нами; что власть, ему данная надъ нами, и опредѣленныя деньги не на нашу были пользу, но на его...

Первое, чѣмъ *Бокумъ* по пріѣздѣ въ Лейпцигъ началъ правленіе свое, было сокращеніе издержекъ относительно насъ, елико то возможно было. Но не воображай, чтобы домостроительство было тому причиною; что онъ отчислялъ отъ нашего содержанія, то удвоялъ во своемъ и принужденъ былъ лишать насъ даже нужнѣйшихъ вещей на содержаніе наше...

Причина нашего неудовольствія была недостатокъ иногда въ нужныхъ для нашего содержанія вещахъ, то-есть въ пищѣ, одеждѣ и прочемъ. Вторая зима по пріѣздѣ нашемъ въ Лейпцигъ была жесточе обыкновенныхъ, и съ худыми предосторожностями холодъ чувствительнѣе для насъ былъ нежели въ самой Россіи при тридцати градусахъ стужи.

Домостроительство *Бокума* простиралось и на дрова, и мы болѣе въ семъ случаѣ терпѣли недостатка, нежели въ чемъ другомъ. (На этой почвѣ возникло серьезное столкновеніе, приведшее къ аресту всѣхъ русскихъ студентовъ; но все кончилось благополучно и «съ того времени, говоритъ Радищевъ, жили мы съ нимъ, почти какъ ему неподвластные; онъ рачилъ о своемъ карманѣ, а мы жили на волѣ и не видали его мѣсяца по два»).

Отправленіе россійскихъ морскихъ силъ въ Архипелагъ, въ послѣднюю войну между Россіею и Турціею, [2]) доставило намъ въ Лейпцигѣ случай видѣть

---

[1]) Одинъ изъ студентовъ, Ушаковъ, во время молитвы незамѣтно положилъ на столъ передъ иконой перчатку, сложенную кукишемъ. *Прим. К. С.*

[2]) Радищевъ имѣетъ въ виду войну 1768—74 гг., такъ какъ самъ онъ былъ за-границей въ 1768—71 гг. *Прим. К. С.*

многихъ нашихъ соотчичей, проѣзжавшихъ изъ Россіи въ Италію и оттуда въ Россію... Признаться надлежитъ, что *Ѳ...* присутствіемъ своимъ въ Лейпцигѣ и обхожденіемъ съ нами возбудилъ какъ въ *Ѳедорѣ Васильевичѣ,* такъ и во всѣхъ насъ великое желаніе къ чтенію, давъ намъ случай узнать книгу *Гельвеціеву* о *Разумѣ. Ѳ...* толикое пристрастіе имѣлъ къ сему сочиненію, что почиталъ его выше всѣхъ другихъ, да другихъ, можетъ быть, и не зналъ. По его совѣту, *Ѳедоръ Васильевичъ* и мы за нимъ читали сію книгу, читали со вниманіемъ, и въ оной мыслить научалися...

Намъ предписано было учиться всѣмъ частямъ философіи и правамъ, присовокупя къ онымъ ученіе нужныхъ языковъ, но *Ѳедоръ Васильевичъ* думалъ, что не излишнее для него будетъ имѣть понятіе и о другихъ частяхъ учености, и для того имѣлъ онъ въ разныхъ частяхъ учителей, платя имъ за преподаваніе ихъ собственныя свои деньги. При сихъ способахъ для пріобрѣтенія разныхъ знаній, онъ надежнѣйшимъ всегда почиталъ прилежное чтеніе книгъ.

Сіе располагалъ онъ всегда соотвѣтственно тому, что преподаваемо намъ было въ коллегіяхъ (группахъ). И такъ, когда по общему школьному обыкновенію, начали насъ учить прежде всего логикѣ, то *Ѳедоръ Васильевичъ* читалъ *Арново* искусство мыслить и основанія философіи С'Гравезанда и, соображая ихъ мнѣнія со мнѣніями своего учителя, старался отыскать истину въ средѣ различія оныхъ...

За счастіе почесть можно, если удостоишься въ теченіе житія своего бесѣдовати съ мужемъ, въ мірѣ прославившимся; удовольствіемъ почитаемъ, если видимъ и отличившагося злодѣя, но отличнымъ счастіемъ почесть должно, если сопричастенъ будешь бесѣдѣ добродѣтелію славимаго. Таковымъ счастіемъ пользовалися мы хотя не долгое время въ Лейпцигѣ, наслаждаяся преподаваніями въ словесныхъ наукахъ извѣстнаго Геллерта [1])...

Ежегодно бывалъ намъ экзаменъ, или испытаніе о пріобрѣтеніяхъ нашихъ въ ученіи. Сколь много всѣ таковыя испытанія имѣютъ смѣшного и цѣли, для коей они установлены, недосязающаго, всякъ вѣдающій о нихъ до пряма признается...

По прошествіи трехъ лѣтъ обязаны мы были къ наступившему для насъ времени на испытаніе показать наши успѣхи въ ученіи, представя письменно связь мыслей о какой-либо матеріи [2])...

Изъ „Журнала путешествія Н. А. Демидова (1771—73 гг.)".

По прибытіи въ Ліежъ переѣхали на постоялый дворъ, гдѣ мы прежде стояли а l'aigle noir; а какъ еще было рано, ходили по городу посмотрѣть его и прогуляться, взявъ съ собою человѣка, который могъ намъ все показывать.

---

[1]) Философъ, авторъ нравоучительныхъ басенъ.

[2]) По словамъ Радищева, Ѳ. В. Ушаковъ темой своего сочиненія взялъ вопросъ о смертной казни и доказывалъ въ немъ, что „смертная казнь въ обществѣ не токмо не нужна, но и безполезна". *Прим. К. С.*

что ни есть лучшаго. Онъ насъ водилъ на фабрику, которая весьма хорошо выстроена по берегу рѣки, гдѣ горностаевые мѣхи подкрашиваются разными цвѣтами, и дѣлаютъ изъ нихъ для употребленія разныя вещи, какъ-то муфты, выкладки на платья и обои; содержателю надлежитъ отдать справедливость въ приведеніи въ совершенство сей фабрики, почему она и заслуживаетъ смотрѣнія каждаго любопытствующаго...

6-го числа доѣхали въ Сентронъ Брабанской городъ, въ немъ примѣчанія достойна ратуша, построенная вся изъ разнаго камня съ великимъ искусствомъ, готической архитектуры. Переночевавъ въ немъ, пріѣхали обѣдать въ Малинъ, также Брабанской старинной городъ на рѣкѣ Дилѣ, въ коемъ довольное число церквей, въ нѣкоторыхъ есть образа Рубенсовой работы; за самую высокую во всей Брабандіи почесться можетъ, одна здѣсь находящаяся колокольня готической и хорошей архитектуры, только сожалѣтельно, что верхъ или шпицъ не окончанъ, съ коимъ-бы она всѣ высокія башни превысила. Въ семъ городѣ на фабрикахъ дѣлаютъ славныя кружева, называемыя point de malique, мы онымъ всѣмъ ходили, только не могли найтить купить, что было надобно, а заказали сдѣлать. Пообѣдавъ продолжали нашъ путь, и достигли еще засвѣтло до Анверса 7-го числа. Анверсъ или Антверпенъ Брабанской великой и пространной городъ у рѣки Леско на ровномъ и веселомъ мѣстѣ съ обширною гаванью, причемъ весьма укрѣпленъ. Въ немъ лучшее и огромное зданіе соборная пресвятыя Богородицы церковь, въ коей до шестидесяти предѣловъ мраморными столбами и другими вещьми великолѣпно украшенныхъ, а болѣе всего самою лучшею и пресовершенною Рубенсовою работою тутошняго уроженца великаго и славнаго живописца, особливо снятіе со креста столь живо изображено, что каждаго въ удивленіе привесть можетъ. Мы цѣлой день проѣздили по продавцамъ, и были у семнадцати человѣкъ, купили двѣ картины, одна плоды, а другая зайца изображающія, славнаго живописца Снаерса...

Городъ Лейденъ весьма чистъ и хорошо выстроенъ; онъ славенъ суконными фабриками и университетомъ.

30-го были въ нищенскомъ домѣ, гдѣ иногда до одиннадцати тысячъ, неимущихъ пропитанія, отъ города содержатся.

Не упустили также посмотрѣть и сиротскаго дому, гдѣ дѣвочекъ и мальчиковъ также отъ городу содержатъ и учатъ до возрасту разнымъ мастерствамъ и художествамъ. Были въ домѣ сумасшедшихъ, за которыми присмотръ довольно хорошій отъ городу чинится, и не малая идетъ сумма.

31-го ходили вмѣсто прогулки въ старинный замокъ...

Не упустили видѣть столь славной натуральной исторіи кабинетъ Оранскаго принца, въ которомъ всѣ вещи собраны самыя лучшія въ великой бережливости и цѣлости порядочно, и по мѣстамъ поставлены за чистыми стеклами. Разныя и удивительной красоты раковины, какъ хорошее кружево мадраноры, коралы красные, бѣлые и черные, довольно не малые деревцы, которыхъ цѣльнѣе не можно нигдѣ видѣть, всякія животныя насѣкомыя и птицы, которыхъ такъ засушены и соблюдены чучелы, что любоваться надобно: жуки, бабочки, червячки, разные камни, скаты и руды; также и многія окаменѣлыя вещи...

19-го изъ первой фамиліи тутошняго города Г. Ванлейдъ сдѣлалъ честь, узнавши, что Никита Акинфіевичъ охотникъ, пригласивъ его къ себѣ посмотрѣть великое собраніе эстамповъ, которое онъ во весь свой вѣкъ пріобрѣсть старался, будучи въ чужихъ краяхъ; а напослѣдокъ посредствомъ тамъ находящихся знакомыхъ, какъ онъ намъ сказывалъ, которые и до нынѣ по данной имъ коммисіи присылаютъ ему тѣ, коихъ у него не достаетъ въ полное собраніе.

На другой день, т. е. 12 ноября отдохнувъ отъ безпокойства искали картинъ, трудъ нашъ не былъ безполезенъ, мы купили Франциска Мирисову прекрасную картину весьма дешево за 35 луйдоровъ, да еще маленькую Павла Бриля весьма хорошо оконченную за 3 луйдора.

Здѣсь отдали бархатъ купленный въ Голландіи перешить въ платье, чтобы не безпокоиться отъ таможни, везя въ кускѣ, а картины отослали въ Голландію къ Вилькисону для отправленія въ Россію.

13-го въ другой разъ смотрѣли Рубенсову славную работу, и лучшія его картины, и гуляли по городу...

19-го развѣдывали о картинахъ, и нашли у двоихъ на каналѣ живущихъ и имѣющихъ очень хорошія. Купили только одну у нашего корреспондента, раззореніе Трои, писанную съ великою окончательностію Брегелемъ де Велуромъ.

25-го были прежде всего въ нашей церквѣ, потомъ платили визиты посѣтившимъ насъ, и ѣздили по городу. Онъ весьма наполненъ множествомъ жителей, богатствомъ разными сокровищами, рѣдкими древними вещами; знатенъ своею обширностію, огромными и великолѣпными зданіями, изобильемъ, выгодами, торговлею, цвѣтущими науками и художествами, учеными художниками и ремесленниками, людьми проницательными и великій вкусъ имѣющими. Славенъ множествомъ всякихъ картинъ, вещей къ натуральной исторіи надлежащихъ и минцъ кабинетовъ; однимъ словомъ, онъ въ разсужденіи всего наивеликолѣпной и славной городъ въ Европѣ, и гдѣ что ни родится, ни дѣлается, и ни производится, изъ другихъ частей свѣта привезенное въ немъ все найти можно. Онъ стоитъ на рѣкѣ Сенѣ, протекающей сквозь его, и раздѣляющейся въ самомъ жильѣ на двое, которая симъ дѣлаетъ почти островъ.

26-го ноября были у славнаго живописца Г. Вернета, которому заказали написать морскую бурю съ кораблекрушеніемъ, отъ него заѣзжали къ часовщику Грексону, которому велѣли сдѣлать часы весьма плоскіе горизонтальные съ секундами!..

27-го смотрѣли соборную Богородицыну церковь, окруженную сорока пятью предѣлами. Она великолѣпно украшена богатою утварью, бронзовыми и мраморными барелiевами, великими групами, статуями славныхъ скулпторовъ, и картинами первыхъ живописцевъ.

29-го были въ мастерской у Королевскаго живописца Лагренея, который находился и въ Россіи, взявши его, ходили смотрѣть Лувръ Louvre или Лувръ скій дворецъ.

30-го были въ Академіи художествъ живописи и скулптуры, содержащей великое множество картинъ, статуй, барелiевовъ, гридированья искусныхъ мастеровъ; отсюда простирается галлерея до самаго Тюльлери...

8-го. Бывъ у обѣдни, оттуда ѣздили смотрѣть Королевскую библіотеку которая огромнаго сооруженія, наполнена съ верху до низу премножественнымъ числомъ, какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ книгъ знатныхъ и лучшихъ въ свѣтѣ сочинителей, которыя собраны для пользы учащихся, ученыхъ и любителей словесныхъ наукъ. Король позволилъ отворять ея два раза въ недѣлю, куда всякій можетъ войтить, и испрося читать и выписывать, что кому разсудится; а извѣстные ученые люди, какъ напримѣръ, Г. Руссо, Даламбертъ, Мармонтель, Дидро, и другіе прославившіеся своими сочиненіями могутъ росписавшись и къ себѣ брать...

14-го. Въ вечеру въ шесть часовъ ѣздили въ Италіанскую комедію, тогда представлена была сперьва Италіанская Піеса, въ ней игралъ арликинъ, Карлейнъ называемый, нельзя смѣшнѣе.

Другая дана была опера комическая Лосиль, въ ней лучшая Актриса была госпожа Ларуетъ, славный Каіо и прочіе играли чрезвычайно хорошо...

20-го. Ѣздили по книжнымъ лавкамъ, и купили книгу въ Эстампахъ, иллюменованную, всякаго рода произрастенія и пресмыкающихся сюринамскихъ...

30-го. Королевскій портретный живописецъ Рослеинъ началъ писать портретъ съ Александры Евтиховны [1])...

20-го были въ Италіанской комедіи, гдѣ игралъ Дезертеръ называемой. Піеса чрезвычайно хороша печальнымъ содержаніемъ, и соотвѣтствующею словамъ музыкою, которая насъ чрезвычайно тронула; а болѣе всего своею искусною игрою несравненный Каіо приводилъ насъ въ восхищеніе. Не меньше поразила насъ и Г. Тріяль: когда получивъ отъ Короля прощеніе своему любовнику, выбѣжала она на театръ отъ радости внѣ себя съ растрепанными волосами и блѣднымъ лицомъ, и выговоривъ только Алексѣй! имя своего любовника, упала въ обморокѣ ему почти въ руки. Она здѣсь столь натурально сыграла, что лучше желать не возможно.

2-го мая Никита Акинфіевичъ поставляя за необходимость видѣть отправленіе Англійской коммерціи, и совершенно войтить во всѣ ея подробныя обстоятельства, и желая притомъ посмотрѣть столь отмѣнное государство какъ положеніемъ земли, такъ и нравами жителей, принялъ твердое намѣреніе въ ней побывать...

Наконецъ пристали въ Дувръ, и выходя изъ судна окружены были не малымъ числомъ зрителей любопытствующихъ насъ видѣть, и работниками, кои спрашивали, ненадобноли намъ что нибудь нѣсти.

Здѣсь примѣчено было не малое различіе, какъ въ одѣяніи, такъ и во всѣхъ ухваткахъ между Французами и Англичанами столь блискими сосѣдями...

Заключеніе о Парижѣ.

Здѣсь отъ излишняго оказанія дружбы безпрестанно обнимаются; а нѣкоторые другъ друга терпѣть не могутъ. Народъ по большей части занимается операми и другими позорищами.

---

[1]) Жены Демидова. *Прим. К. С.*

Красота женскаго пола въ Парижѣ подобна часовой пружинѣ, которая сходитъ каждые сутки, равнымъ образомъ и прелесть ихъ заводится всякое утро; она подобна цвѣту, которой рождается и умираетъ въ одинъ день. Все сіе дѣлается притираніемъ, окропленіемъ, убѣленіемъ, промываніемъ. Потомъ прогоняютъ блѣдность, и совсѣмъ закрываютъ черный и грубый цвѣтъ; напослѣдокъ доходитъ очередь и до помады, для намазанія губъ; и порошка для чищенія зубовъ. Наконецъ являются губки, щетки, уховертки, и въ заключеніе лодилавандъ, разные духи, эссенціи и благоуханіи; и всякой изъ сихъ чистительныхъ составовъ и сосудовъ, разное имѣетъ свое свойство; надлежитъ сдѣлать бѣлую кожу, придать себѣ хорошую тѣнь, загладить морщины на лбу, въ порядокъ привести брови, дать блескъ глазамъ, розовыми учинить губы; словомъ, надобно до основанія переиначить лице, и изъ стараго произвести новое.

Здѣсь есть столь снисходительные книгопродавцы, что за двѣ копѣйки продаютъ астромію въ маленькой книжкѣ, называемой календарь; сочиненіе сіе весьма полезно, ибо хорошая и дурная погода находятся всегда въ карманѣ. Въ ихъ книгохранительницахъ имѣются сочиненія сходствующія со вкусомъ покупщиковъ. Есть въ нихъ писанныя о законѣ, а несравненно болѣе разрушающія оной; одно сочиненіе поучаетъ высочайшимъ добродѣтелямъ, а другое гнуснѣйшимъ порокамъ: сіе вперяетъ въ сердце благочестіе, а то срамнѣйшую роскошь; первыя читаются весьма мало, понеже народъ развратился; другіяжъ продаются весьма дорогою цѣною и съ великою тайностію; ибо царствуетъ еще во Франціи такое благоустроеніе, которое, сказываютъ, можетъ осудить на галеру книгопродавца приличеннаго въ таковой торговлѣ...

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ начаты дѣлать Никиты Акинфіевича и Александры Евтиховны мраморные бюсты русскимъ пансіонеромъ Г. Шубинымъ, изъ Рима возвратившимся, и чтобы болѣе имѣть время работать, то господинъ Шубинъ переѣхалъ къ намъ жить; а между тѣмъ всегда разсказывалъ Никитѣ Акинфіевичу о древностяхъ Римскихъ и о всѣхъ достопамятныхъ вещахъ, чемъ возбудилъ охоту видѣть и Италію... Съ нами согласились вмѣстѣ ѣхать Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, и Князь Сергей Сергѣевичъ Гагаринъ; уговорили мы съ собою провожатымъ и господина Шубина, по довольному его знанію Италіанскаго языка...

Доѣхали до Флоренціи, разстояніемъ около 65 верстъ, въ 11 часовъ ночію Генваря 1-го числа 1773 года...

Наслышавшись много хорошаго о флорентинской галлерѣе, начали съ нея осматривать...

Осмотрѣвши сію галлерею, были потомъ во Дворцѣ, называемомъ Палатсопити; онъ соединенъ съ галлереею и старымъ дворцомъ переходами.

Между множествомъ прекрасныхъ картинъ, здѣсь находящихся, достойны примѣчанія и важнѣе другихъ, суть слѣдующія:

Картина овальная, изображающая Богородицу съ превѣчнымъ младенцемъ, у коего глаза толико въ пунктъ приведены, что съ которой стороны ни посмо-

тришь, кажется всюду проницательно взирающимъ, извѣстна подъ именемъ Madona della Sedia Пензеля Рафаелова: она написана по поясъ въ натуральную величину. Не можно ни нарисовать, ни придать совершеннѣе израженія, какъ въ сей картинѣ...

Флоренція кажется получила свое названіе по отмѣнному мѣстоположенію цвѣтущихъ своихъ полей.

Лѣса же состоятъ изъ деревьевъ пробочныхъ, померанцовъ, кипарисныхъ, шелковичныхъ, кедровыхъ, оливковыхъ, виноградныхъ, и другихъ по большей части плодовитыхъ.

Строеніе въ семъ городѣ, вообще сказать, самое хорошее, домики не огромны, но къ житію способные, улицы довольно широки и чисты; жители ласковы и обращаются съ чужестранными по пріятельски, съѣстные припасы и прочее все дешево, напротивъ того деньги во всей Италіи весьма дороги...

5-го по утру и послѣ обѣда ѣздили за Позилипу (около Неаполя), и при себѣ выкопать заставили претолстыя горькихъ померанцовъ деревья для отправленія въ Россію.

Изъ воспоминаній и писемъ кн. А. Б. Куракина (1770—72 гг.).

Изъ письма А. Б. Куракина—неизвѣстному. Лейденъ, 1770 г., конецъ Сентября.

Милостивый Государь! Вмѣсто того, чтобы утомлять Ваше вниманіе обычнымъ свѣтскимъ разговоромъ, позвольте мнѣ обратиться къ предмету болѣе серьезному. Мое намѣреніе оправдывается тѣмъ интересомъ, который Вы удостоили проявить въ отношеніи меня. Уже мѣсяцъ, какъ я изучаю Естественное право подъ руководствомъ профессора Pestell; я закончилъ уже первую часть, что доставляетъ мнѣ возможность поговорить съ Вами о новыхъ для меня идеяхъ.

Итакъ, Милостивый Государь, въ легкомъ очеркѣ я хочу Вамъ представить результаты моихъ занятій. Слѣдуя принципамъ своего профессора, я долженъ сказать, что Естественное право я разсматриваю, какъ науку самую полезную и даже необходимую для людей. Это она насъ учитъ нашимъ обязанностямъ, какъ по отношенію къ Верховному Существу, такъ и по отношенію къ намъ самимъ и нашимъ ближнимъ. Это она ведетъ насъ узкой тропой къ истинѣ, и только благодаря ей мы достигаемъ общей для всѣхъ цѣли, — счастья. Сколько правъ у этой науки, обязывающихъ насъ изучить ее, какъ науку, способствующую нашему счастью! Мало по малу мои глаза открываются, съ нихъ спадаетъ повязка заблужденій; я какъ будто перенесенъ въ другой міръ, гдѣ на все окружающее я начинаю смотрѣть совсѣмъ съ другой точки зрѣнія.

Вотъ четыре главныхъ положенія Естественнаго права, достойныхъ замѣчанія:

1. Какимъ образомъ люди скорѣе достигнутъ счастья,—чуждаясь ли другъ друга, по причинамъ, независящимъ отъ ихъ желаній, или живя общей жизнью

со всѣмъ міромъ, созданнымъ для нихъ природой, помогая другъ другу во взаимныхъ нуждахъ.

2. Каковы права и обязанности народовъ по отношенію другъ къ другу.

3. Каковы должны быть отношенія между монархомъ и его подданными, не въ одномъ какомъ-нибудь государствѣ, а во всѣхъ вообще.

4. Каковы должны быть законы, способствующіе счастью народа и опредѣляющіе взаимныя обязанности гражданъ каждаго государства, и также ихъ обязанности по отношенію къ иностраннымъ государствамъ.

Изъ письма А. Б. Куракина—Цесаревичу Павлу Петровичу. 20 Сентября 1771 г. Лейденъ.

Ваше Высочество! Чувствую свою дерзость, — она велика. Дать Вамъ картину нравовъ, торговли и правительственнаго устройства республики, этого образцоваго государства по промышленности и трудоспособности ея гражданъ, республики, возбуждающей и зависть, и удивленіе всей Европы, эта задача много выше моихъ силъ. Я въ этомъ признаюсь; и могу дать Вашему Императорскому Высочеству только легкій очеркъ.

Уже пятнадцать мѣсяцевъ я живу въ странѣ, численность населенія которой совсѣмъ не соотвѣтствуетъ ни ея пространству, ни природнымъ условіямъ. Въ ней считается около 2 милліоновъ жителей. И наибольшая часть населенія пользуется довольствомъ; однако, здѣсь ни у кого нѣтъ такого богатства, какимъ удивляетъ всѣхъ лордъ Clyve [1]). Здѣсь нѣтъ богачей, но людей съ достаткомъ гораздо больше, чѣмъ въ другихъ странахъ, и притомъ во всѣхъ классахъ, что объясняется трудолюбіемъ и промышленнымъ духомъ населенія, созидающимъ общее благосостояніе. Государственный строй способствуетъ поддержанію благосостоянія жителей, а ихъ дѣятельный образъ жизни находится въ полномъ соотвѣтствіи съ характеромъ и принципами управленія. Но нельзя сказать, чтобы такое благополучіе было повсемѣстно. Республика въ цѣломъ представляетъ конфедерацію семи тѣсно связанныхъ республикъ. Семь самостоятельныхъ государствъ въ цѣляхъ самозащиты, для поддержанія своихъ прерогативъ и во избѣжаніе возвышенія одной провинціи путемъ истребленія другой, Утрехтскимъ союзомъ соединились въ одно. Поэтому денежный курсъ,—эта душа торговли, долженъ быть одинаковъ во всѣхъ провинціяхъ, какъ это и есть въ дѣйствительности. Армія, состоящая въ настоящее время изъ тридцати трехъ тысячъ человѣкъ, содержится на общій счетъ. Полки и штабъ размѣщены по всѣмъ провинціямъ. Каждая изъ провинцій вноситъ опредѣленную ей сумму. Голландія, какъ самая богатая, торговая и населенная несетъ и самый большой налогъ. Сумма вносимыхъ ею государственныхъ налоговъ, какъ обыкновенныхъ, такъ и экстраординарныхъ относится къ общей суммѣ налоговъ, какъ 57 : 100.

[1]) Англійскій генералъ (1725—1774); онъ утвердилъ Британское могущество въ Индіи. *Примѣч. К. С.*

Общее командованіе войсками и флотомъ ввѣрено Принцу Оранскому: онъ Генералъ-Капитанъ арміи и Генералъ-Адмиралъ флота; обѣ должности сдѣланы наслѣдственными...

До сихъ поръ республика находится въ прекрасномъ состояніи, благодаря своему правительству, хотя временами и ей приходилось страдать отъ различныхъ перемѣнъ. Духъ равенства, нѣкоторая флегматичность, спокойствіе даже въ забавахъ — общія черты всѣхъ здѣшнихъ жителей, также какъ предразсудокъ, что нигдѣ нельзя жить съ большимъ удобствомъ и удовольствіемъ, какъ только въ странѣ, гдѣ съ помощью денегъ можно найти все, что заключается въ четырехъ частяхъ свѣта; стремленіе всѣхъ, отправляющихся въ Индію, доставить своему отечеству еще новыя богатства, терпимость ко всѣмъ вѣрованіямъ, все это вмѣстѣ взятое воспитало глубокій патріотизмъ, почти совѣмъ устранило эмиграцію, и открыло источники народнаго богатства. Голландецъ родится съ рѣшительнымъ отвращеніемъ ко всякому насилію, его можно привлечь только мягкостью и убѣжденіемъ. Онъ отъ природы добръ и человѣченъ. И только, когда онъ замѣчаетъ, что имъ хотятъ повелѣвать, онъ возмутится и останется твердъ въ своемъ сопротивленіи...

Свобода торговли, какъ внутренней, такъ и внѣшней, предметъ зависти и похвалъ другихъ державъ, заключается, какъ мнѣ кажется, только въ отсутствіи вмѣшательства и стѣсненій со стороны правительства. Проѣзжая съ годъ тому назадъ черезъ государство извѣстнаго монарха, героя вѣка, я много слышалъ разговоровъ о нѣкоторыхъ финансистахъ, которыхъ тамъ въ насмѣшку называли дѣлателями «излишка», и которые только тѣмъ и заняты, что создаютъ все новые проэкты для процвѣтанія торговли. Тогда какъ опытъ показываетъ, какъ говорятъ, что менѣе всего достигается процвѣтаніе торговли, когда прибѣгаютъ къ искусственнымъ мѣрамъ; и при этомъ еще этотъ губительный принципъ—разсматривать торговлю, какъ предметъ, предназначенный къ наполненію сундуковъ монарха. Здѣсь никто объ этомъ не думаетъ. Торговцы не стѣснены, и торговля процвѣтаетъ. Но тѣмъ не менѣе, правда, что она потеряла нѣсколько своихъ доходныхъ отраслей и она уже не такъ обширна, какъ была 30—40 лѣтъ тому назадъ.

Причины этого очень просты. Европейскія державы, обратившія вниманіе на блестящее положеніе, котораго достигла Голландія, изслѣдовали и причины. Оказалось, что начало этому процвѣтанію положили торговля и мудрая экономія. Отсюда пылкое желаніе подражать во всемъ этой республикѣ, взявшись за такія же задачи. Теперь они взапуски состязаются, у кого лучше пойдетъ торговля, промышленность, и т. д., а это могло имѣть только пагубное вліяніе на торговлю такого маленькаго государства, на которой уже очень ощущается успѣхъ его сосѣдей. Благоденствіе республики постепенно падаетъ, отъ пожирающей роскоши, несовмѣстной со строемъ ея жизни. Здѣсь только и слышится ропотъ противъ этого страшнаго зла; кричатъ, жалуются, но уже, такъ называемый, хорошій тонъ, по несчастію, такъ прочно утвердился, что почти невозможно его искоренить, если только люди съ вѣсомъ первые не подадутъ примѣра возвращенія къ прежней простотѣ нравовъ, хранившей Республику съ колыбели и давшей начало ея возвышенію...

Заботы объ общественной безопасности и благоденствіи, насколько я могъ это замѣтить, такъ раззорительны для правительства, какъ нигдѣ въ другихъ государствахъ. Страна подвержена опустошительнымъ набѣгамъ океана, когда рѣки выходятъ изъ береговъ, и русло ихъ все болѣе и болѣе повышается,—вотъ бѣдствія, которыя почти ежегодно удручаютъ земледѣльца.

Въ результатѣ другія бѣды; нищета нѣкоторой части гражданъ, дороговизна съѣстныхъ припасовъ, скорбь и ужасъ остаются въ душахъ, избѣгшихъ бѣдствія на этотъ годъ, но со страхомъ смотрящихъ въ будущее, когда, быть можетъ, и имъ придется стать жертвами. Чтобы предупредить подобныя бѣдствія, правительство ничего не щадитъ: съ большими издержками оно строитъ плотины, чтобы защититься отъ этихъ стремительныхъ потоковъ.

Изъ замѣтки кн. А. Б. Куракина о пребываніи въ Лейденѣ съ похвальнымъ намѣреніемъ получить тамъ образованіе (1772 г.).

Лѣтомъ я всегда вставалъ въ шесть часовъ утра, а зимой — въ половинѣ седьмого. Черезъ полчаса мой туалетъ былъ готовъ. До восьми я писалъ или читалъ, готовясь къ урокамъ. Въ 8 часовъ приходилъ мой учитель математики Fass; въ 9 я шелъ къ профессору Pestell на лекцію естественнаго права: въ 10 час., три раза въ недѣлю,—въ фехтовальный залъ, а въ тѣ дни, когда я тамъ не бывалъ, я употреблялъ этотъ часъ на записываніе только что прослушанной лекціи по естественному праву. Отъ 11 до 12 ч. я ежедневно занимался латинскимъ языкомъ. Въ полдень я шелъ къ профессору Allamand, съ которымъ проходилъ курсъ философіи, домой я возвращался въ часъ, тотчасъ же накрывали столъ и два часа посвящалось на обѣдъ и пищевареніе; въ три часа я опять шелъ къ профессору Pestell для занятій по политической исторіи; отъ четырехъ до пяти я писалъ свои замѣтки; въ 5 часовъ ко мнѣ приходилъ мой учитель французскаго языка; часъ отъ 6 до 7 я ежедневно посвящалъ на усвоеніе прослушанныхъ лекцій; отъ 7 до 8, если была хорошая погода, мы отправлялись за городъ, если же погода намъ не благопріятствовала, мы прогуливались у себя въ комнатахъ; въ 8 ч. ужинъ уже бывалъ на столѣ, а въ половинѣ девятаго я опять принимался работать за своимъ бюро; въ 10 часовъ, когда билъ городской колоколъ, бывшій сигналомъ для насъ, мы ложились спать.

Изъ этого перечня моихъ занятій графы Румянцевы могутъ убѣдиться, что у меня почти совсѣмъ нѣтъ свободнаго времени. Надо замѣтить, что по средамъ и субботамъ я не хожу на лекціи ни къ Pestell, ни къ Allamand; въ эти дни мы бываемъ въ манежѣ, обучаемся танцамъ, итальянскому и нѣмецкому языкамъ, а. кромѣ того, въ эти дни мы повторяемъ пройденное за недѣлю. Вообще необходимо освѣжать все въ памяти, въ особенности, если дѣло касается ученья, такъ какъ очень трудно возмѣстить потерянное.

По воскресеньямъ мнѣ было позволено поспать на полчаса дольше. Въ субботу вечеромъ я мылъ голову, завивалъ волосы въ папильотки, а на другой день

парикмахеръ причесывалъ меня на всю недѣлю, такъ какъ я могъ пользоваться его услугами только въ этотъ день; въ остальные я завивался уже самъ. Въ 9 часовъ мы съ графомъ Шереметевымъ являлись въ залу, гдѣ по очереди вслухъ читали молитвы въ продолженіе получаса. Для насъ это было единственнымъ средствомъ отдавать дань нашимъ религіознымъ обязанностямъ.

Во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ профессора, кромѣ публичныхъ лекцій, преподаютъ еще частнымъ образомъ. Публичныя лекціи—ихъ служебная обязанность; читаются онѣ на латинскомъ языкѣ, и всѣ желающіе могутъ слушать ихъ за очень умѣренную плату. Въ Лейденѣ, напримѣръ, плата за полный курсъ—шесть дукатовъ. Частныя лекціи доставляютъ г.г. профессорамъ и экстраординарные доходы. За то тутъ они проявляютъ больше и усердія, и эрудиціи, а потому студенту, которому по силамъ такія издержки, самое лучшее, не колеблясь, рѣшиться на нихъ. Преимущества такихъ лекцій должны привлечь его; онъ ставитъ профессору условія, какія онъ находитъ лучшими для себя, лекціи будутъ читаться на томъ языкѣ, съ которымъ лучше знакомъ ученикъ; онъ можетъ спрашивать, дѣлать возраженія и уже съ общаго согласія они выбираютъ и изслѣдуютъ предметы своихъ занятій. Въ общественныхъ коллегіяхъ дѣло обстоитъ иначе. Студентъ не смѣетъ прерывать рѣчь профессора; ни разговоры, ни вопросы, ни возраженія не допускаются, онъ можетъ только слушать. Въ Лейденѣ за частныя лекціи обыкновенно платятъ 100 дукатовъ; принято также, по окончаніи курса дѣлать подарокъ профессору въ знакъ благодарности за проявленное имъ усердіе.

Изъ письма кн. А. Б. Куракина гр. Н. И. Панину. — 1772 г. Марта 12-го (1). Лондонъ.

Мнѣ кажется, изъ всѣхъ народовъ, населяющихъ нашу землю, Англичане самый счастливый и достойный зависти народъ. Свободные отъ произвола, не подчиненные капризамъ одного человѣка, они повинуются только законамъ, продиктованнымъ самой мудростью, чѣмъ достигается полное единодушіе. Ихъ жизнь не можетъ стать жертвой порочныхъ страстей третьяго, ихъ имущество защищено отъ всякаго насилія. Ихъ дѣятельность свободна и совершенно лишена всякаго принужденія. Имъ нечего бояться ни немилости монарха, ни ненависти министровъ и куртизановъ. Ихъ превосходная конституція—это грозная охрана, гарантирующая отъ всякой несправедливости. Словомъ, они могутъ наслаждаться жизнью, каждый по своей охотѣ и фантазіи; но тѣмъ не менѣе они пользуются свободой, какъ люди разсудительные, которые сознаютъ и цѣль, ради которой они созданы, и всѣ обязанности въ отношеніи себя и другихъ. Всѣмъ этимъ я проникся такъ глубоко, что если бы я не былъ связанъ неразрывными узами съ своимъ отечествомъ и въ то же самое время могъ выбирать страну, которой я долженъ былъ посвятить свою жизнь и трудъ, несомнѣнно я избралъ бы Англію, какъ по своимъ убѣжденіямъ, такъ изъ чувства привязанности.

Изъ воспоминанія кн. А. Б. Куракина о его путешествіи въ Голландію и Англію въ 1770—72 гг.

Управленіе городомъ (Лондономъ) раздѣлено на 26 округовъ; лицо, стоящее во главѣ каждаго изъ этихъ округовъ, избирается жителями и называется альдерменомъ или старшиной. Изъ этихъ старшинъ по большинству голосовъ избираютъ лордъ-мэра, власть котораго простирается не только на весь городъ, но и на большую часть предмѣстій, а также по всему протяженію Темзы отъ устья до моста Stains, что составляетъ болѣе 60 миль; вотъ поэтому-то ему и данъ титулъ хранителя рѣки. Онъ первый судья Лондона и имѣетъ власть судить и заключать въ тюрьму всякаго, кто живетъ на подвѣдомственной ему территоріи. Во время коронаціи онъ можетъ претендовать на титулъ главнаго виночерпія...

Можно сказать, что Англійскій дворъ производитъ странное впечатлѣніе. Тамъ нѣтъ обычной пышности и великолѣпія. Все необычайно просто. Англичане не обольщаются внѣшностью и только, какъ видно, добродѣтели монарха трогаютъ ихъ сердца. Счастливъ народъ, независящій отъ прихотей своего государя, и еще счастливѣе государь, счастье и слава котораго въ добрыхъ дѣлахъ. Нынѣшній король, по вступленіи на престолъ, для привлеченія симпатій своихъ подданныхъ, завелъ очень стѣснительный для себя обычай, — разговаривать со всѣми лицами, бывающими на собраніяхъ въ С. Джемсѣ; конечно, обычной темой для такихъ разговоровъ служитъ погода и т. п. Королева держится той же тактики. Эта государыня, хотя не обладаетъ особенной красотой, но тѣмъ не менѣе очень привлекательна. Она взяла себѣ за правило отнюдь не вмѣшиваться въ дѣла и ограничивается стараніемъ завоевать всеобщую любовь. Она обладаетъ живымъ и привлекательнымъ умомъ. Каждому она найдетъ сказать что-нибудь новое и пріятное. Такая привѣтливость короля и королевы должна была бы привлечь всѣ сердца, если бы на нее не смотрѣли, какъ на своего рода обязанность съ ихъ стороны, такъ что, если по оплошности король или королева обойдутъ кого-нибудь своимъ разговоромъ, то этого довольно, чтобы лицо, лишившееся этой чести, сочло себя тяжко оскорбленнымъ, разразилось жалобами и, наконецъ, кинулось въ партію оппозиціи...

Король и двѣ палаты парламента составляютъ правительство. Я скажу нѣсколько словъ о преимуществахъ каждой изъ нихъ.

У короля только одна привилегія—это дѣлать добро. Онъ безсиленъ сдѣлать даже малѣйшее зло. Законы рѣшаютъ все, и у короля нѣтъ власти нарушить законъ. Онъ объявляетъ войну и заключаетъ миръ, условливается о союзахъ, договорахъ, распредѣляетъ налоги, назначаетъ должностныхъ лицъ и т. д. Онъ же состоитъ Верховной главой Англиканской церкви, арміи и флота. Его исключительная привилегія, это удержать поднятый мечъ правосудія, такъ какъ ему предоставлено право помилованія всякаго преступника, осужденнаго на смерть.

Со времени несчастной катастрофы съ Карломъ I [1]) отношеніе народа къ королю нѣсколько измѣнилось. Онъ уже больше не винитъ короля въ могущихъ произойти ошибкахъ и всю отвѣтственность за нихъ онъ возложилъ на министровъ. Они головой отвѣчаютъ за все совершенное ими, хотя бы и по именнымъ указамъ ихъ повелителя.

Ни одинъ законъ не можетъ существовать безъ одобренія короля. Король долженъ быть справедливъ, чтобы сохранить свою власть, такъ какъ парламентъ можетъ не считаться съ намѣреніями короля, идущими въ разрѣзъ съ желаніями народа.

Парламентъ состоитъ изъ двухъ палатъ: палаты сеньоровъ (лордовъ) и палаты общинъ...

Изъ письма кн. А. Б. Куракина цесаревичу Павлу Петровичу.—1772 г. Апрѣля 6. Парижъ.

Мы отправились посмотрѣть оперу. Въ смятеніи чувствъ отъ такого чуднаго зрѣлища, я долженъ былъ сознаться, насколько былъ неправъ, допустивъ первымъ впечатлѣніямъ оказать вліяніе на мою душу. Изящныя декораціи, прекрасныя машины, утонченность въ танцахъ, благопристойность и порядокъ въ зрительной залѣ, все меня восхитило. Я не рѣшаюсь высказывать своего мнѣнія относительно національнаго пѣнія: хвалить его, это значило бы идти противъ мнѣнія знатоковъ, порицать—это впасть въ самодовольный тонъ, которымъ я гнушаюсь.

Мы посѣтили также представленіе новой трагедіи, подъ названіемъ «Друиды». Она обладаетъ тремя крупными достоинствами. Авторъ Le Blanc сошелъ съ обычнаго пути: не въ порывахъ любви, не въ воинственномъ изступленіи почерпнулъ онъ сюжетъ свой трагедіи, а чистѣйшая вѣра, разумная добродѣтель послужили основаніемъ его піесы; похвалы мудрому терпѣнію и философскія разсужденія объ опасности заблужденія, о назначеніи человѣка составляютъ сюжетъ піесы. Авторъ не удовольствовался представить намъ прекрасно риѳмованные стихи, онъ далъ намъ наставленіе и наставленіе такой высокой мудрости, что надо желать для блага человѣчества, чтобы они были добросовѣстно пущены въ дѣло. Тогда одно бы счастье господствовало на землѣ, тогда бы насталъ, быть можетъ, тотъ золотой вѣкъ, столь воспѣваемый поэтами.

Изъ письма кн. А. Б. Куракина гр. Н. И. Панину.—1772 г. Апрѣля 6. Парижъ.

Долженъ признаться, что Парижъ, по истинѣ, столица искусствъ, изысканности, модъ и развлеченій. Здѣсь всякій можетъ найти въ изобиліи все, что ему нужно и можетъ вполнѣ удовлетворить всѣ свои прихоти. Дѣло только въ день-

[1]) Въ 1649 г. *Примѣч. К. С.*

гахъ, а въ способахъ ихъ израсходовать недостатка не будетъ. Но трудность и даже почти отсутствіе всякой возможности завести знакомство въ обществѣ весьма непріятны для путешественника, у котораго, при знакомствѣ со страной, главная цѣль узнать ея обитателей. Французы приводятъ слѣдующій доводъ, кажущійся имъ достаточно основательнымъ. Они говорятъ, что если иностранецъ окажется человѣкомъ симпатичнымъ, то будетъ очень досадно, что знакомство было такъ кратковременно, если же это будетъ какой-нибудь авантюристъ или человѣкъ дурно воспитанный, то такое знакомство можетъ доставить только однѣ непріятности. Только спустя нѣсколько мѣсяцевъ, завоевавъ извѣстную репутацію, можно надѣяться проникнуть въ эти кружки и, добившись этого, надо считать себя счастливымъ.

Изъ письма кн. А. Б. Куракина къ цесаревичу Павлу Петровичу. Парижъ. Мая 29 1772 г.

Послѣ праздника Пасхи мы присутствовали на открытіи двухъ академій,— академіи наукъ и изящной словесности, основанныхъ Людовикомъ XIV, принцемъ-покровителемъ девяти сестеръ [1]) и всей ихъ блестящей свиты. Обѣ академіи устраиваютъ свои собранія въ Луврѣ; академія изящной словесности помѣщается въ салонѣ нижняго этажа, а академія наукъ въ одной изъ громадныхъ переднихъ перваго этажа. Аллегорическія картины кисти знаменитаго Lebrun украшаютъ стѣны этого священнаго пріюта наукъ и служатъ увѣковѣченію памяти ихъ августѣйшаго основателя. Больше полутора часовъ засѣданіе не можетъ длиться. Засѣданіе проходитъ въ чтеніи различныхъ сочиненій членовъ академіи; расходятся обыкновенно по истеченіи положеннаго срока, не дожидаясь конца диссертаціи. Такой образъ дѣйствій, признаюсь, мнѣ показался очень страннымъ и очень неудобнымъ. Господа академисты, дорожащіе апплодисментами публики за произведенія своего таланта, стараются поскорѣе ихъ прочесть. А слѣдствіемъ такой поспѣшности является невнятность, и предсѣдателю того собранія, на которомъ мы были, пришлось просить нѣсколькихъ лекторовъ умѣрить свое нетерпѣніе...

...На другой день послѣ этого собранія состоялось открытіе академіи наукъ— въ то же время, а именно въ четыре часа пополудни. Порядокъ засѣданія былъ точной такой же.

Изъ письма кн. А. Б. Куракина къ цесаревичу Павлу Петровичу, 13 Іюля 1772 г. Парижъ.

Проживъ въ Парижѣ только четыре мѣсяца, мы принуждены были довольствоваться одними общественными развлеченіями. Гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ это было бы несносно; день былъ бы пустъ, но здѣсь время идетъ незамѣтно. Нѣсколько часовъ въ день мы изъ любознательности употребляли на осмотръ всего

[1]) Т. е. музъ. *Примѣч. К. С.*

замѣчательнаго въ этомъ городѣ, какого бы рода оно ни было; днемъ—прогулки, вечеромъ—спектакль. Когда мы возвращаемся къ 9 часамъ домой, каждый изъ насъ располагается, какъ ему вздумается. Ничто мнѣ не мѣшаетъ, и я стараюсь обдумать, что я за день видѣлъ, сдѣлалъ и слышалъ. Я пишу письма, что-нибудь читаю, то научное, то только занимательное; записываю свои незначительныя мысли и то, что на меня произвело впечатлѣніе. Время проходитъ незамѣтно и, смѣю думать, съ пользой и пріятно.

Хотя мы тутъ ведемъ разсѣянный образъ жизни, но мы тѣмъ не менѣе не потеряли изъ вида главной цѣли нашего путешествія. Быть добрымъ патріотомъ и вѣрнымъ подданнымъ—это наша первая обязанность, и наше честолюбіе въ томъ и заключается, чтобы пріобрѣсти требуемыя качества. Въ Лейденѣ мы старались изощрить и украсить свой умъ, здѣсь мы предаемся заботамъ о нашей внѣшности, стараемся отдѣлаться отъ неуклюжаго вида, обычнаго послѣдствія сидячей жизни школьниковъ. Мы поставили себѣ задачей познакомиться нѣсколько съ литературой, освоиться съ итальянскимъ языкомъ и выучиться танцовать.

Изъ письма кн. А. Б. Куракина къ цесаревичу Павлу Петровичу. 7 Сент. 1772 г. Парижъ.

Чувству чести французъ пожертвуетъ всѣмъ, будетъ ли оно задѣто только въ воображеніи или въ дѣйствительности, но это его идолъ, занимающій первое мѣсто. Французъ обладаетъ живостью, веселымъ нравомъ и учтивостью, манеры его свободны и непринужденны; его умѣнью держаться въ обществѣ многіе стараются подражать; но рѣдко это подражаніе бываетъ достойно своего образца, въ большинствѣ случаевъ оно бываетъ плохой копіей. Самолюбіе, надъ которымъ смѣются мудрецы, желаніе нравиться, внушать любовь къ себѣ, заставляютъ француза быть любезнымъ. Одно изъ отличительныхъ его свойствъ—это легкомысліе, мѣшающее ему совершенствовать свои таланты и добродѣтели, но въ то же время предохраняющее его отъ гнусныхъ и обдуманныхъ злодѣяній; бѣдность,—вотъ главный подводный камень для его честности. Любовь же къ королевскому роду одно изъ его первыхъ достоинствъ. Обожая своего короля, онъ съ терпѣніемъ несетъ самые тяжелые налоги, но только до тѣхъ поръ, пока онъ льститъ себя надеждой, что они будутъ употреблены съ пользой, но какъ только онъ убѣдился въ противномъ, онъ сейчасъ мститъ насмѣшкой въ водевилѣ или эпиграммой. Вѣжливость—его природное качество. Постоянство же совсѣмъ ему несвойственно; въ постоянныхъ перемѣнахъ онъ напрасно ищетъ своего счастья, а постоянной смѣной развлеченій онъ стремится сдѣлать ихъ непрерывными. Въ общемъ о французахъ можно сказать, не боясь ошибиться, что добродѣтели ихъ неустойчивы, но за это и пороки не пустили глубоко корней.

Изъ „Записокъ“ княгини Е. Р. Дашковой.

(Первое заграничное путешествіе 1770—71 гг.).

Я предприняла свое путешествіе, главнымъ образомъ, съ цѣлью осмотрѣть разные города и остановиться на томъ изъ нихъ, гдѣ я могла бы воспитать дѣтей, зная, что лесть челяди, баловство родныхъ и отсутствіе въ Россіи образованныхъ людей не позволятъ мнѣ дать моимъ дѣтямъ хорошее воспитаніе и образованіе...

Въ Данцигѣ я жила въ лучшей гостинницѣ «Россія», гдѣ останавливались всѣ русскіе и вообще знатные путешественники. Тѣмъ болѣе меня удивило, что въ залѣ висѣли двѣ картины, изображавшія битвы, проигранныя русскими войсками; раненые и умирающіе на колѣняхъ просили пощады у побѣдоносныхъ пруссаковъ. Я спросила у нашего повѣреннаго въ дѣлахъ, Ребиндера, какъ онъ это терпитъ, но онъ отвѣтилъ, что не можетъ вмѣшиваться въ это дѣло и что графъ Алексѣй Орловъ, проѣзжая черезъ Данцигъ, останавливался въ той же гостинницѣ и сердился при видѣ этихъ картинъ.

— И онъ ихъ не купилъ,—спросила я,—и не бросилъ въ огонь? Въ сравненіи съ нимъ я очень бѣдна и не могу дѣлать такихъ ненужныхъ покупокъ: такъ какъ мои доходы и доходы моихъ дѣтей недостаточны для моего путешествія, то я оставила полномочіе на продажу моего дома въ Петербургѣ; но все-таки я это устрою!

Когда Ребиндеръ уѣхалъ, я поручила... купить синей, зеленой, красной и бѣлой масляной краски и послѣ ужина они оба (два чиновника-дипломата) и я, хорошенько заперевъ дверь, перекрасили мундиры на картинахъ, такъ что пруссаки, мнимые побѣдители, превратились въ русскихъ, а побѣжденныя войска— въ пруссаковъ. Мы проработали почти всю ночь; не знаю, что подумали хозяинъ и мои люди, видя, что я заперлась съ этими господами; но я была счастлива и боялась, чтобы мнѣ не помѣшали, какъ ребенокъ, дѣлающій что-нибудь запрещенное. На слѣдующій день я велѣла разложить въ этой комнатѣ мои сундуки и подъ этимъ предлогомъ не впускала ни хозяина, ни людей: Черезъ день я уѣхала изъ Данцига, но передъ отъѣздомъ показала нашему резиденту совершенную мною метаморфозу. Не знаю, что подумалъ хозяинъ, увидѣвъ, что пруссаки вдругъ проиграли обѣ битвы, но я была собой очень довольна...

Мы проѣхали черезъ Вестфалію и я не нашла ее столь грязной, какъ то рисуетъ авторъ путевыхъ очерковъ въ письмахъ, баронъ Баръ...

Наша остановка въ Ганноверѣ была столь непродолжительна, что я не успѣла ничего осмотрѣть. Однако, я замѣтила, что мѣстныя, даже крестьянскія лошади были красивой породы, и земля была хорошо воздѣлана. Этимъ и ограничивались мои наблюденія надъ этимъ курфюршествомъ...

Въ Парижѣ я пробыла всего 17 дней, и не хотѣла видѣть никого, за исключеніемъ Дидро. Я посѣщала церкви и монастыри, гдѣ можно было видѣть статуи, картины и памятники. Я была и въ мастерскихъ знаменитыхъ художниковъ, и

въ театрѣ, гдѣ занимала мѣсто въ райкѣ. Скромное черное платье, такая же шаль и самая простая прическа скрывали меня отъ любопытныхъ глазъ.

Однажды Дидро сидѣлъ со мною вдвоемъ; мнѣ доложили о пріѣздѣ госпожъ Неккеръ и Жоффренъ. Дидро поспѣшно приказалъ слугѣ ихъ не принимать.

— Но я познакомилась съ m-me Неккеръ еще въ Спа,—отвѣтила я,—а m-me Жоффренъ находится въ перепискѣ съ императрицей; слѣдовательно, знакомство съ ней не можетъ мнѣ повредить.

— Вамъ остается пробыть въ Парижѣ девять или десять дней,—отвѣтилъ Дидро,—слѣдовательно, вы успѣете ихъ видѣть всего два, три раза; онѣ васъ не поймутъ, а я терпѣть не могу богохульства надъ моими идолами. Если бы вы оставались здѣсь два мѣсяца, я съ радостью привѣтствовалъ бы ваше знакомство съ m-me Жоффренъ,—она добрая женщина, но такъ какъ она одна изъ первыхъ кумушекъ Парижа, то мнѣ не хочется, чтобы она съ вами знакомилась кое-какъ.

Я велѣла сказать двумъ дамамъ, что больна и не могу ихъ принять...

Наконецъ, намъ удалось уговорить леди Райдеръ поѣхать въ Швейцарію. Не стану ее описывать, такъ какъ объ этомъ позаботились уже болѣе талантливые авторы, и ограничусь тѣмъ, что назову лицъ, съ которыми я имѣла удовольствіе познакомиться.

На другой день по прибытіи своемъ въ Женеву я послала къ Вольтеру спросить разрѣшенія посѣтить его на слѣдующій день вмѣстѣ съ моими спутницами. Онъ былъ очень боленъ, однако велѣлъ мнѣ передать, что будетъ радъ меня видѣть и проситъ меня привести съ собой, кого мнѣ будетъ угодно...

Въ назначенный день я отправилась къ Вольтеру... Въ предыдущую ночь Вольтеръ потерялъ болѣе фунта крови, но запретилъ объ этомъ говорить, опасаясь, что я не приду. Больной и слабый, онъ лежалъ на кушеткѣ. Войдя въ комнату и увидѣвъ, въ какомъ онъ состояніи, я выразила свое сожалѣніе, что его потревожила, тѣмъ болѣе, что, попросивъ меня отложить свое посѣщеніе на день или на два, онъ тѣмъ самымъ засвидѣтельствовалъ бы свое уваженіе ко мнѣ, доказавъ, что считаетъ меня способной понять, насколько драгоцѣнно его здоровье и жизнь. Онъ поднялъ обѣ руки театральнымъ жестомъ, какъ бы подчеркивая тѣмъ свое удивленіе, и воскликнулъ: «Какъ! у нея и голосъ ангельскій!» Онъ меня привелъ въ смущеніе, такъ какъ я пришла послушать и поклониться ему и мнѣ и въ голову не приходило, что онъ будетъ восхвалять даже мой голосъ. Я ему это высказала и онъ, сказавъ мнѣ какой-то комплиментъ, заговорилъ объ императрицѣ. Часа черезъ полтора, два я собралась уходить; онъ не отпустилъ меня и попросилъ перейти на половину его племянницы, m-me Дени, и отужинать въ его замкѣ, отнынѣ вполнѣ заслуживающемъ это наименованіе; онъ обѣщалъ прійти также, но предупредилъ, что, не имѣя возможности сидѣть, онъ будетъ стоять на колѣняхъ на креслѣ возлѣ меня. Дѣйствительно, недолго пробыла я съ m-me Дени.., какъ Вольтеръ пришелъ, поддерживаемый лакеемъ, и сталъ напротивъ меня на колѣни на креслѣ, повернутомъ спинкой въ мою сторону; за ужиномъ онъ стоялъ въ томъ же положеніи возлѣ меня. Все это въ связи съ присутствіемъ за ужиномъ двухъ крупныхъ парижскихъ откупщиковъ, за

которыми ухаживали племянница и даже дядя, помѣшало мнѣ такъ испытывать удовольствіе и такъ удивляться, какъ я того ожидала. Когда я собиралась уѣзжать, Вольтеръ спросилъ меня, увидитъ-ли онъ меня еще. Воспользовавшись этимъ, я попросила у него разрѣшенія навѣщать его по утрамъ, чтобы говорить съ нимъ вдвоемъ. Онъ согласился, и я пользовалась его разрѣшеніемъ во все время моего пребыванія въ Женевѣ. Въ эти часы онъ былъ совершенно другимъ, и въ его кабинетѣ или въ саду я находила того Вольтера, котораго рисовало мнѣ мое воображеніе при чтеніи его книгъ...

Изъ Спа я поѣхала въ Дрезденъ на нѣсколько дней, которые провела почти цѣликомъ въ картинной галлереѣ, на которую я не могла довольно насмотрѣться и надивиться...

(Второе заграничное путешествіе 1777—82 гг.).

Изъ Спа я написала историку Робертсону, ректору Эдинбургскаго университета, что осенью пріѣду въ Эдинбургъ и поселюсь въ немъ на долгое время, пока мой сынъ не закончитъ своего образованія; ему было всего 13 лѣтъ и я просила Робертсона руководить его образованіемъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и дать мнѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія. Въ отвѣтъ на его письмо, въ которомъ онъ совѣтовалъ мнѣ отложить поступленіе моего сына въ университетъ, а сперва подготовить его, я съ радостной для матери гордостью написала, что мой сынъ вполнѣ способенъ слушать университетскій курсъ, такъ какъ отлично знаетъ латинскій языкъ, математическія науки, исторію, географію, французскій и нѣмецкій языки, и англійскій настолько, что все понимаетъ, хотя и недостаточно бѣгло на немъ говоритъ.

По окончаніи сезона въ Спа я поѣхала въ Англію... Робертсонъ нашелъ, къ моему большому удовольствію, что сынъ былъ вполнѣ подготовленъ для поступленія въ университетъ. Я познакомилась съ профессорами университета, людьми, достойными уваженія, благодаря ихъ уму, знаніямъ и нравственнымъ качествамъ. Имъ были чужды мелкія претензіи и зависть, и они жили дружно, какъ братья, уважая и любя другъ друга, чѣмъ доставляли возможность пользоваться обществомъ глубокихъ просвѣщенныхъ людей, согласныхъ между собой; бесѣды съ ними представляли изъ себя неисчерпаемые источники знанія. Лѣтомъ, когда лекціи въ университетѣ прекратились, мы поѣхали путешествовать въ горы....

Я принялась съ энергіей за свои обязанности матери и наставницы. Мой спокойный, ровный и веселый характеръ приводятъ въ изумленіе моихъ друзей и знакомыхъ. Профессора приходили ко мнѣ два раза въ недѣлю; съ цѣлью доставить моему сыну развлеченіе я каждую недѣлю давала балы. Кромѣ того мой сынъ ѣздилъ верхомъ въ манежѣ и черезъ день бралъ уроки фехтованія у отличнаго учителя, случайно находившагося въ Эдинбургѣ. Этими упражненіями я не только сохранила его здоровье, но и укрѣпила его настолько, что онъ тогда

уже обладалъ значительной силой. Я сама принуждена была подвергать себя всевозможнымъ лишеніямъ, но ничуть этимъ не тяготилась, такъ какъ всей душой была предана материнской любви и обязанностямъ. Я была всецѣло поглощена стремленіемъ дать моему сыну самое лучшее образованіе и воспитаніе; незначительность средствъ моихъ дѣтей и собственная бѣдность меня не огорчали: въ Шотландіи жизнь не дорога и, соблюдая порядокъ и экономію, я могла вполнѣ свободно содержать нашъ домъ, но для совершенія путешествія въ Ирландію, по окончаніи моимъ сыномъ университета, мнѣ пришлось прибѣгнуть къ мелкому кредиту, которымъ я пользовалась, будучи коротко знакома со своими банкирами, Форбсомъ и Гунтеромъ...

Въ маѣ 1779 года мой сынъ выдержалъ публичный экзаменъ въ университетѣ. Собраніе было очень многолюдно и его блестящіе отвѣты по всѣмъ отраслямъ науки вызвали шумные аплодисменты аудиторіи (что было воспрещено). Онъ получилъ первую ученую степень; мое счастье можетъ быть понято и оцѣнено только матерью. Такимъ образомъ закончились мои обязанности и функціи наставницы, и въ началѣ іюня мы уѣхали въ Ирландію... Я нашла въ Дублинѣ отличнаго учителя танцевъ, недавно вернувшагося изъ Парижа, и онъ два раза въ недѣлю обучалъ моего сына; кромѣ того онъ учился по итальянски и каждое утро повторялъ съ мистеромъ Гринфельдомъ курсы наукъ, прослушанныхъ имъ въ Эдинбургѣ, и читалъ съ нимъ греческихъ и латинскихъ классиковъ. Дни его были наполнены полезными занятіями; по вечерамъ мы часто ѣздили къ знакомымъ и въ театръ; каждую недѣлю у насъ устраивался балъ, благодаря чему дѣти были здоровы и веселы...

Я часто ѣздила въ парламентъ слушать ораторовъ, среди которыхъ блисталъ тогда Грэттанъ. Концерты и чтеніе съ моими подругами наполняли мое время, и цѣлый годъ пролетѣлъ съ волшебной быстротой.

Я съ тяжелымъ сердцемъ покинула Дублинъ, но мой долгъ обязывалъ меня совершить еще путешествіе съ моимъ сыномъ, прежде чѣмъ представить его государынѣ...

Въ началѣ 1780 г. мы разстались съ Ирландіей и, переплывъ каналъ, высадились въ Голигедѣ. Дорога до Лондона крайне интересна и Валлисъ представляетъ множество великолѣпныхъ видовъ...

(Изъ Англіи) мы пріѣхали въ Брюссель, гдѣ, пробывъ нѣсколько дней, оставили экипажи и часть людей, а сами отправились черезъ Антверпенъ въ Голландію, которую объѣхали всю...

Мы пробыли по два дня въ Пармѣ и Моденѣ и остановились во Флоренціи, гдѣ посвятили цѣлую недѣлю осмотру знаменитой картинной галлереи, церкви, библіотеки и велико-герцогскаго кабинета естественной исторіи. Его королевское высочество приказалъ дать мнѣ всѣ дублеты, которые я пожелаю имѣть, вслѣдствіе чего я получила много окаменѣлостей, не только мѣстныхъ, но со всего земного шара, собранныя великимъ Комо, благодаря которому возродилась и расцвѣла наука въ Италіи. Затѣмъ мы отправились въ Пизу. Это красивый городъ съ 15-титысячнымъ населеніемъ и считается вторымъ въ Тосканѣ...

28-го іюня, въ день восшествія на престолъ императрицы, я дала большой балъ въ общественномъ залѣ, на который пригласила всю знать Пизы, Лукки и Ливорно. Всего было 460 человѣкъ; несмотря на это расходъ былъ невеликъ, такъ какъ его потребовалось только на угощеніе, на иллюминацію во дворѣ и на свѣчи...

Въ соборѣ св. Петра я видѣла папу; онъ обошелся со мной очень милостиво, и, повидимому, былъ доволенъ похвалой, съ которой я отозвалась о предпріятіи его святѣйшества очистить всю Via Appia, пролегающую по Понтинскимъ болотамъ. Я сказала папѣ, что желаю непремѣнно ее видѣть и сочту для себя счастьемъ и честью первой проѣхать по ней въ Неаполь.

— Предупредите меня за нѣсколько дней до вашего отъѣзда,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—чтобы васъ вездѣ ожидали лошади, такъ какъ нѣтъ еще ни почты, ни приспособленій, необходимыхъ для путешественниковъ.

Онъ долго, какъ знатокъ и цѣнитель, говорилъ со мной о драгоцѣнныхъ памятникахъ искусства въ Римѣ; онъ положилъ основаніе музею въ Ватиканѣ, гдѣ онъ уже собралъ много отличныхъ статуй, вазъ, картинъ и проч.

Время въ Римѣ прошло для меня весьма пріятно. Я не выѣзжала въ свѣтъ и, слѣдовательно, не теряла времени на визиты. Въ 8 час. утра, а иногда и раньше, мы въ экипажахъ ѣздили осматривать памятники искусства либо въ городѣ, либо въ окрестностяхъ. Эти поѣздки продолжались до $3^1/_2$ ч.; затѣмъ я спѣшила обѣдать, такъ какъ послѣ обѣда ко мнѣ пріѣзжали художники пить чай, который я получала изъ Россіи съ каждымъ курьеромъ. Два Гакерта, одинъ съ рѣзцомъ, другой съ карандашомъ, Гамильтонъ съ пастелью работали въ моей гостиной и превращали ее въ очень привлекательную мастерскую. Я спрашивала ихъ мнѣнія насчетъ произведеній искусства, видѣнныхъ утромъ, а мой сынъ учился у Гакерта дѣлать офорты...

Изъ „Писемъ Д. И. Фонвизина къ гр. Н. И. Панину".

Монпелье, 3/XII 1777 г. Послѣднее письмо имѣлъ я честь писать къ вашему сіятельству изъ Дрездена. Въ немъ пробылъ я близъ трехъ недѣль. Осмотрѣвъ тутъ все достойное примѣчанія, поѣхалъ я въ Лейпцигъ, но уже не засталъ ярмарки. Я нашелъ сей городъ, наполненнымъ учеными людьми. Иные изъ нихъ почитаютъ главнымъ своимъ и человѣческимъ достоинствомъ то, что умѣютъ говорить по латыни, чему однакожъ во времена Цицероновы умѣли и пятилѣтніе ребята: другіе, вознесясь мысленно на небеса, не смыслятъ ничего, что дѣлается на землѣ; иные весьма твердо знаютъ артифиціальную логику, имѣя крайній недостатокъ въ натуральной; словомъ—Лейпцигъ доказываетъ неоспоримо, что ученость не родитъ разума. Оставя сихъ педантовъ поѣхалъ я во Франкфуртъ-на-Майнѣ. Сей городъ знаменитъ древностями и отличается тѣмъ, что римскій императоръ бываетъ въ немъ избранъ. Я былъ въ палатѣ избранія, изъ коей онъ является народу. Но все сіе имѣетъ древность однимъ своимъ достоинствомъ, то-есть: видѣлъ я по четыре пустыхъ стѣнъ у старинныхъ палатъ; а больше ничего. Показывали мнѣ

также извѣстную, такъ называемую la Bulle d'or (золотую буллу) императора Карла IV, писанную въ 1356 году; я былъ въ имперской архивѣ. Все сіе по истинѣ не стоитъ труда лазить на чердаки и слѣзать въ погребы, гдѣ хранятся знаки невѣжества. Изъ Франкфурта ѣхалъ я по нѣмецкимъ княжествамъ:—что ни шагъ, то государство. Я видѣлъ Ганау, Майнцъ, Фульду, Саксенъ-Готу, Эйзенахъ и нѣсколько княжествъ мелкихъ принцевъ. Дороги часто находилъ немощеными, но вездѣ платилъ дорого за мостовую, и когда, по вытащеніи меня изъ грязи, требовали съ меня денегъ за мостовую, то я осмѣливался спрашивать, гдѣ она? На сіе отвѣчали мнѣ, что его свѣтлость владѣющій государь намѣренъ приказать мостить впредь, а теперь собирать деньги. Таковое правосудіе съ чужестранными заставило меня сдѣлать заключеніе и о правосудіи къ подданнымъ. Не удивился я, что изъ всякаго ихъ жилья куча нищихъ провожала всегда мою карету. Наконецъ пріѣхалъ я въ Мангеймъ, резиденцію курфирста пфальцскаго. Извѣстное мнѣ положеніе сего двора въ разсужденіи нашего привлекло меня представиться курфирсту; для чего я и взялъ изъ Дрездена туда рекомендальныя письма. Какъ отъ него, такъ и отъ курфирстины принятъ я былъ весьма милостиво. Оставя меня обѣдать, его свѣтлость посадилъ меня возлѣ себя. Разговоры, коими онъ и супруга его меня удостоили, доказываютъ просвѣщенное ихъ благоразуміе, усердіе къ нашему двору и большое уваженіе къ особѣ братца вашего. Чтожъ касается до города, то лучше его я не видѣлъ въ Германіи: строеніе новое и регулярное. Впрочемъ, ближнее сосѣдство съ французами сдѣлало, то, что въ мангеймскихъ нѣмцахъ гораздо менѣе національности, нежели въ другихъ. Отсюда выѣхалъ я во Францію и чрезъ Страсбургъ, Безансонъ, Bourg-en-Bresse, достигъ славнаго города Ліона. Дорога въ семъ государствѣ очень хороша; но вездѣ по городамъ улицы такъ узки и такъ скверно содержатся, что дивиться надобно, какъ люди съ пятью человѣческими чувствами въ такой нечистотѣ жить могутъ. Видно, что полиція въ сіе дѣло не вступается; чему въ доказательство осмѣлюсь Вашему сіятельству разсказать одинъ примѣръ. Шедши въ Ліонѣ по самой знатной и большой улицѣ (которая однакожъ не годится въ наши переулки), увидѣлъ я среди бѣла дня зажженные факелы и много людей среди улицы. Будучи близорукъ, счелъ я, что это конечно какое-нибудь знатное погребеніе; но подошедъ изъ любопытства ближе, увидѣлъ, что я сильно обманулся: господа французы изволили убить себѣ свинью—и нашли мѣсто опалить ее на самой срединѣ улицы! Смрадъ, нечистота и толпа праздныхъ людей, смотрящихъ на сію операцію, принудили меня взять другую дорогу. Не видавъ еще Парижа, не знаю, меньше ли въ немъ страждетъ обоняніе; но видѣнные мною во Франціи города находятся въ разсужденіи чистоты въ прежалкомъ состояніи...

Монпелье, 24/XII 1777 г.... Здѣсь живу уже другой мѣсяцъ и стараюсь, по возможности, пріобрѣтать нужныя по состоянію моему знанія. Способовъ къ просвѣщенію здѣсь очень довольно. Я могу оными пользоваться, не разстраивая моего малаго достатка; и хотя тѣлесная пища здѣсь весьма дешева, но ду-

шевная еще дешевле. Учитель философіи, обязываясь читать всякій день лекціи, запросилъ съ меня въ первомъ словѣ на наши деньги по 2 р. 40 к. въ мѣсяцъ. Юриспруденція, какъ наука, при настоящемъ развращеніи совѣстей человѣческихъ ни къ чему почти не служащая, стоитъ гораздо дешевле. Римское право изъ одной пищи здѣсь преподается. Такой бѣдной учености, я думаю, нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ; ибо какъ гражданскія званія покупаются безъ справки, имѣетъ ли покупающій потребныя къ должности своей знанія, то и нѣтъ охотниковъ терять время свое, учась наукѣ безполезной. Злоупотребленіе продажи чиновъ произвело здѣсь то странное дѣйствіе, что при невѣроятномъ множествѣ способовъ къ просвѣщенію, глубокое невѣжество весьма нерѣдко. Оно сопровождается еще и ужаснымъ суевѣріемъ. Попы, имѣя въ рукахъ своихъ воспитаніе, вселяютъ въ людей съ одной стороны рабскую привязанность къ химерамъ, выгоднымъ для духовенства; а съ другой сильное отвращеніе къ здравому разсудку. Таково почти все дворянство и большая часть другихъ состояній. Я не могу сдѣлать инаго объ нихъ заключенія по вопросамъ, которые мнѣ дѣлаются, и по отвѣтамъ на мои вопросы. Впрочемъ тѣ, кои предуспѣли какъ-нибудь свергнуть съ себя иго суевѣрія, почти всѣ попали въ другую крайность и заразились новою философіею. Рѣдкаго встрѣчаю въ комъ бы не примѣтна была которая-нибудь изъ двухъ крайностей или рабство или наглость разума.

Главное раченіе мое обратилъ я къ познанію здѣшнихъ законовъ. Сколь много несовмѣстны они въ подробностяхъ своихъ съ нашими, столь, напротивъ того, общія правосудія правила просвѣщаютъ меня въ познаніи существа самой истины и въ способахъ находить ее въ той мрачной глубинѣ, куда свергаютъ ее невѣжество и ябеда. Система законовъ сего государства есть зданіе, можно сказать, премудрое, сооруженное многими вѣками и рѣдкими умами; но вкравшіяся мало по малу различныя злоупотребленія и развращеніе нравовъ дошли теперь до самой крайности и уже потрясли основаніе сего пространнаго зданія, такъ что жить въ немъ бѣдственно, а разорить его пагубно. Первое право каждаго француза есть вольность; но истинное настоящее его состояніе есть рабство; ибо бѣдный человѣкъ не можетъ снискивать своего пропитанія иначе, какъ рабскою работою; а если захочетъ пользоваться драгоцѣнною своею вольностію, то долженъ будетъ умереть съ голоду. Словомъ: вольность есть пустое имя, и право сильнаго остается правомъ превыше всѣхъ законовъ...

Парижъ, 20/III 1778 г... Я видѣлъ Лангедокъ, Провансъ, Дофине, Ліонъ, Бургонъ, Шампань. Первыя двѣ провинціи считаются во всемъ здѣшнемъ государствѣ хлѣбороднѣйшими и изобильнѣйшими. Сравнивая нашихъ крестьянъ въ лучшихъ мѣстахъ съ тамошними, нахожу, безпристрастно судя, состояніе нашихъ несравненно счастливѣйшимъ. Я имѣлъ честь вашему сіятельству описывать частію причины оному въ прежнихъ моихъ письмахъ; но главною поставляю ту, что подать въ казну платится неограниченная, и слѣдственно, собственность имѣнія есть только въ одномъ воображеніи. Въ семъ плодоноснѣйшемъ краю на

каждой почтѣ карета моя была всегда окружена нищими, которые весьма часто вмѣсто денегъ, именно спрашивали, нѣтъ ли съ нами куска хлѣба. Сіе доказываетъ неоспоримо, что и посреди изобилія можно умереть съ голоду.

Осмотрѣвъ все то, что заслуживало любопытства въ сихъ провинціяхъ, пріѣхалъ я въ Парижъ, въ сей мнимый центръ человѣческихъ знаній и вкуса. Не имѣлъ я еще довольно времени въ немъ осмотрѣться; но могу увѣрить ваше сіятельство, что стараюсь употребить каждый часъ въ пользу, примѣчая все то, что можетъ мнѣ подать справедливѣйшее понятіе о національномъ характерѣ. Неприлично изъясняться объ ономъ откровенно отсюда; ибо могутъ здѣсь почитать меня или льстецомъ, или осуждателемъ; но не могу же не отдать и той справедливости, что надобно отрещись вовсе отъ общаго смысла и истины, если сказать, что нѣтъ здѣсь весьма много чрезвычайно хорошаго и подражанія достойнаго. Все сіе однакожъ не ослѣпляетъ меня до того, чтобъ не видѣть здѣсь столько-же, или и больше, совершенно дурнаго и такого, отъ чего насъ Боже избави. Словомъ, сравнивая и то, и другое, осмѣлюсь Вашему сіятельству чистосердечно признаться, что если кто изъ молодыхъ моихъ согражданъ, имѣющій здравый разсудокъ, вознегодуетъ, видя въ Россіи злоупотребленія и неустройства, и начнетъ въ сердцѣ своемъ отъ нея отчуждаться, то для обращенія его на должную любовь къ отечеству, нѣтъ вѣрнѣе способа, какъ скорѣе послать его во Францію. Здѣсь конечно узнаетъ онъ самымъ опытомъ очень скоро, что всѣ разсказы о здѣшнемъ совершенствѣ сущая ложь, что люди вездѣ люди, что прямо умный и достойный человѣкъ вездѣ рѣдокъ, и что въ нашемъ отечествѣ, какъ ни плохо иногда въ немъ бываетъ, можно однако быть столько же счастливому, сколько и во всякой другой землѣ, если совѣсть спокойна и разумъ правитъ воображеніемъ, а не воображеніе разумомъ...

Парижъ 14/VI 1778 г... Не могу конечно сказать, чтобъ я и теперь зналъ Парижъ совершенно; ибо надобно жить въ немъ долго, чтобъ хорошенько съ нимъ познакомиться. По крайней мѣрѣ въ то короткое время, которое здѣсь живу, старался я узнать его по всей моей возможности. Беру смѣлость обременить Ваше сіятельство весьма длиннымъ описаніемъ того, на что обращалъ я здѣсь мое вниманіе...

...Парижъ можетъ по справедливости назваться сокращеніемъ цѣлаго міра. Сіе титло заслуживаетъ онъ по своему пространству и по безконечному множеству чужестранныхъ, стекающихся въ него отъ всѣхъ концевъ земли. Жители парижскіе почитаютъ свой городъ столицею свѣта, а свѣтъ—своею провинціею. Бургонію, напримѣръ, считаютъ близкою провинціею, а Россію дальнею. Французъ, пріѣхавшій сюда изъ Бордо и россіянинъ изъ Петербурга называются равномѣрно чужестранными. По ихъ мнѣнію имѣютъ они не только наилучшіе въ свѣтѣ обычаи, но наилучшій видъ лица, осанку и ухватки, такъ что первый и учтивѣйшій комплиментъ чужестранному состоитъ не въ другихъ словахъ, какъ точно въ сихъ: Monsieur, vous n'avez point l'air étranger du tout, je vous fais bien mon

compliment! (вы совсѣмъ не походите на чужестраннаго; поздравляю васъ!) Возмечтаніе ихъ о своемъ разумѣ дошло до такой глупости, что рѣдкій французъ не скажетъ о себѣ, что онъ преразуменъ. Видя что разумъ вездѣ рѣдокъ и что въ одной Франціи имѣетъ его всякій, примѣчалъ я весьма прилежно, нѣтъ ли какой разницы между разумомъ французскимъ и разумомъ человѣческимъ; ибо казалось мнѣ, что весьма унизительно бъ было человѣческаго рода, рожденнаго не во Франціи, еслибъ надобно было необходимо родиться французомъ, чтобъ быть неминуемо умнымъ человѣкомъ. Дабы сдѣлать сіе изысканіе, примѣнялъ я къ здѣшнимъ умницамъ, знаменованіе разума въ цѣломъ свѣтѣ. Я нашелъ, что для нихъ оно слишкомъ длинно: они гораздо его для себя поукоротили. Черезъ слово разумъ, по большей части, понимаютъ они одно качество, а именно остроту его, не требуя отнюдь, чтобъ она управляема была здравымъ смысломъ. Сію остроту имѣетъ здѣсь всякій, безъ выключенія; слѣдственно всякій безъ затрудненія умнымъ здѣсь признается. Всѣ сіи умные люди на двѣ части раздѣляются: тѣ, которые не очень словоохотны и какихъ однакожъ весьма мало, называются philosophes; а тѣмъ, которые врутъ неумолкно и каковы почти всѣ, дается титулъ aimables. Судятъ всѣ обо всемъ рѣшительно. Мнѣніе перваго есть мнѣніе наилучшее; ибо спорить не любятъ и тотчасъ съ великими комплиментами соглашаются, потому что не быть одного мнѣнія съ тѣмъ, кто сказалъ уже свое, хотя бы и преглупое, почитается здѣсь совершеннымъ незнаніемъ жить: итакъ, чтобъ слыть умѣющимъ жить, всякій отказался имѣть о вещахъ свое собственное мнѣніе. Изъ сего заключить можно, что за истиною не весьма здѣсь гоняются. Не о томъ дѣло, что сказать, а о томъ, какъ сказать. Я часто примѣчалъ, что иной говоритъ цѣлый часъ къ удовольствію своихъ слушателей, не будучи ими вовсе понимаемъ, и точно для того, что самъ себя не разумѣетъ. Совсѣмъ тѣмъ по окончаніи вранья называютъ его aimable et plein d'esprit...

...Нѣтъ способнѣе французовъ усматривать смѣшное и нѣтъ націи, въ которой бы самой было столь много смѣшнаго. Разумъ ихъ никогда самъ на себя не обращается, а всегда устремленъ на внѣшніе предметы, такъ что всякій, обращая на смѣхъ другаго, никакъ не чувствуетъ, сколько самъ смѣшонъ. Упражняясь весь свой вѣкъ, можно сказать, не въ себѣ, но внѣ себя, никто слѣдовательно не проницаетъ въ подробность, а довольствуется смотрѣть на одну вещей поверхность; ибо познавать подробности невозможно, не разсматривая дѣйствій своего собственнаго разума, чтобъ видѣть, не ошибаюсь ли самъ въ моихъ разсужденіяхъ. Я думаю, что сія причина мѣшаетъ здѣшней націи успѣвать въ наукахъ, требующихъ постояннаго вниманія, и что отъ того считаютъ здѣсь одного математика на двѣсти стихотворцевъ, разумѣется, дурныхъ и хорошихъ. Европа почитаетъ французовъ хитрыми. Не знаю, не предразсудокъ ли заставляетъ имѣть сіе о нихъ мнѣніе? Кажется, что вся ихъ прославляемая хитрость отнюдь не та, которая располагается и производится разсудкомъ, а та, которая объемлется вдругъ воображеніемъ и очень скоро наружу выходитъ. Слушаться разсудка и во всемъ прибѣгать къ его суду — скучно, а французы скуки терпѣть не могутъ. Чего не дѣлаютъ они, чтобы избѣжать скуки, то-есть, чтобъ

ничего не дѣлать! И дѣйствительно, всякій день праздникъ. Видя съ утра до ночи безчисленное множество людей въ безпрерывной праздности, удивиться надобно, когда что здѣсь дѣлается. Не упоминая о садахъ, всякій день пять театровъ наполнены. Всѣ столько любятъ забавы, сколько труды ненавидятъ; а особливо черной работы народъ терпѣть не можетъ. За то нечистота въ городѣ такая, какую людямъ, не вовсе оскотинившимся, переносить весьма трудно. Почти нигдѣ нельзя отворить окошко лѣтомъ отъ зараженнаго воздуха. Чтобъ имѣть все подъ руками и ни за чѣмъ далеко не ходить, подъ всякимъ домомъ подѣланы лавки. Въ одной блистаетъ золото и наряды, а подлѣ нея, въ другой, вывѣшена битая скотина съ текущею кровью. Есть улицы, гдѣ въ сдѣланныхъ по бокамъ стокахъ течетъ кровь, потому что не отведено для бойни особливаго мѣста. Такую же мерзость нашелъ я и въ прочихъ французскихъ городахъ, которые всѣ такъ однообразны, что кто былъ въ одной улицѣ, тотъ былъ въ цѣломъ городѣ; а кто былъ въ одномъ городѣ, тотъ всѣ города видѣлъ. Парижъ предъ прочими имѣетъ только то преимущество, что наружность его несказанно величественнѣе, а внутренность скверненѣе. Напрасно говорятъ, что причиною нечистоты многолюдство. Во Франціи множество маленькихъ деревень, но ни въ одну нельзя въѣзжать, не зажавъ носа. Совсѣмъ тѣмъ привычка, отъ самаго младенчества жить въ грязи по уши, дѣлаетъ, что обоняніе французовъ нимало отъ того не страждетъ. Вообще сказать можно, что въ разсужденіи чистоты перенимать здѣсь нечего, а въ разсужденіи благонравія еще меньше. Удостовѣрясь въ сей истинѣ, искалъ я причины, что привлекаетъ сюда такое множество чужестранцевъ?

Общества; но смѣло скажу, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ чужестранцу войти въ здѣшнее общество, слѣдовательно, и вошло ихъ очень мало. Внутреннее ощущеніе здѣшнихъ господъ, что они даютъ тонъ всей Европѣ, вселяетъ въ нихъ гордость, отъ которой защититься не могутъ всею добротою душъ своихъ; ибо дѣйствительно въ большей ихъ части душевныя расположенія весьма похваляются. Сколько надобно стараній, исканій, низостей, чтобъ впущену быть въ знатный домъ, гдѣ однакожъ ни словомъ гостя не удостоиваютъ. Имѣя сей примѣръ передъ собою въ моихъ любезныхъ согражданахъ, разсчелъ я, что по краткости времени моего здѣсь пребыванія не для чего покупать такъ дорого знакомство или, справедливѣе сказать, собственное свое униженіе. Я нашелъ множество другихъ интереснѣйшихъ вещей къ моему упражненію; а видѣть здѣшнихъ вельможъ и ихъ обращеніе довольствовался я при случаяхъ, удачею мнѣ представлявшихся...

Ученые люди; но изъ невѣроятнаго множества чужестранцевъ, можетъ быть, тысячный человѣкъ пріѣхалъ сюда съ намѣреніемъ воспользоваться своимъ здѣсь пребываніемъ для приращенія знаній своихъ. А притомъ и о здѣшнихъ ученыхъ можно по справедливости сказать, что весьма мало изъ нихъ соединили свои знанія съ поведеніемъ. Я почти со всѣми познакомился. Томасъ, сочинитель переведеннаго мною похвальнаго слова Марку Аврелію, Мармонтель и еще нѣкоторые ходятъ ко мнѣ въ домъ. Весьма учтивое и пріятельское ихъ со мною обхожденіе не ослѣпило глазъ моихъ на ихъ пороки. Исключая Томаса, котораго кротость и честность мнѣ очень понравилась, нашелъ я почти во всѣхъ другихъ много высоко-

мѣрія, лжи, корыстолюбія и подлѣйшей лести. Конечно ни одинъ изъ нихъ не поколеблется сдѣлать презрительнѣйшую подлость для корысти, или тщеславія. Я не нахожу, что̀ бъ въ свѣтѣ мало другъ на друга походило, какъ философія на философовъ.

По точномъ разсмотрѣніи, вижу я только двѣ вещи, кои привлекаютъ сюда чужестранцевъ въ такомъ множествѣ: спектакли и—съ позволенія сказать—дѣвки. Если двѣ сіи приманки отнять сегодня, то завтра двѣ трети чужестранцевъ разъѣдутся изъ Парижа. Безчинство дошло до такой степени, что знатнѣйшіе люди не стыдятся сидѣть съ дѣвками въ ложахъ публично. Сіи твари осыпаны бриллiантами. Великолѣпные домы, столы, экипажи—словомъ, онѣ однѣ наслаждаются всѣми благами міра сего. Съ какимъ искусствомъ онѣ умѣютъ соединить прелести красоты съ пріятностью разума, чтобъ уловить въ сѣти жертву свою! Сею жертвою по большей части бываютъ чужестранцы, кои привозятъ съ собою обыкновенно денегъ сколько можно больше, и если не всегда здравый умъ, то по крайней мѣрѣ часто здравое тѣло; а изъ Парижа выѣзжаютъ, потерявъ и то и другое, часто невозвратно. Я думаю, что если отецъ не хочетъ погубить своего сына, то не долженъ посылать его сюда ранѣе двадцати пяти лѣтъ, и то подъ присмотромъ человѣка, знающаго всѣ опасности Парижа. Сей городъ есть истинная зараза, которая хотя молодого человѣка не умерщвляетъ физически, но дѣлаетъ его навѣкъ шалуномъ и ни къ чему неспособнымъ, вопреки тому, какъ его сдѣлала природа и какимъ бы онъ могъ быть, не ѣздя во Францію.

Чтожъ принадлежитъ до спектаклей, то комедія возведена здѣсь на возможную степень совершенства. Нельзя, смотря ее, не забываться до того, чтобъ не почесть ее истинною исторіею, въ тотъ моментъ происходящею. Я никогда себѣ не воображалъ видѣть подражаніе натурѣ столь совершеннымъ. Словомъ, комедія въ своемъ родѣ есть лучшее, что я въ Парижѣ видѣлъ. Напротивъ того, трагедію нашелъ я посредственною... Оперу можно назвать великолѣпнѣйшимъ зрѣлищемъ. Декораціи и танцы прекрасны, но пѣвцы прескверны. Дивился, какъ можно безстыдно такъ ревѣть, а еще болѣе, какъ можно такой ревъ слушать съ восхищеніемъ...

Ахенъ, 18/IX 1778 г... Я оставилъ Францію. Пребываніе мое въ семъ государствѣ убавило сильно цѣну его въ моемъ мнѣніи. Я нашелъ доброе гораздо въ меньшей мѣрѣ, нежели воображалъ; а худое въ такой большой степени, которой и вообразить не могъ. Я разсматривалъ съ всевозможнымъ вниманіемъ все то, что могло способствовать мнѣ къ пріобрѣтенію точнѣйшаго понятія о характерѣ французовъ и о настоящемъ ихъ положеніи, относительно разныхъ частей правительства. Позвольте, милостивый государь, примѣчанія мои на оное представить вашему сіятельству и добавьте своимъ проницаніемъ то, въ чемъ мои разсужденія недостаточны будутъ.

Достойные люди, какой бы націи ни были, составляютъ между собой одну націю. Выключа ихъ изъ французской, примѣчалъ я вообще ея свойство. Надле-

житъ отдать справедливость, что при неизъяснимомъ развращеніи нравовъ есть во французахъ доброта сердечная. Весьма рѣдкій изъ нихъ злопамятенъ—добродѣтель конечно непрочная, и полагаться на нее нельзя; по крайней мѣрѣ и пороки въ нихъ не глубоко вкоренены. Непостоянство и вѣтреность не допускаютъ ни пороку, ни добродѣтели въ сердца ихъ поселиться.

Разсудка французъ не имѣетъ и имѣть его почелъ бы несчастіемъ своей жизни; ибо оный заставилъ бы его размышлять, когда онъ можетъ веселиться. Забава есть одинъ предметъ его желаній. А какъ на забавы потребны деньги, то для пріобрѣтенія ихъ употребляетъ всю остроту, которою его природа одарила. Острота, не управляемая разсудкомъ, не можетъ быть способна ни на что, кромѣ мелочей, въ которыхъ и дѣйствительно французы берутъ верхъ предъ цѣлымъ свѣтомъ. Обманъ почитается у нихъ правомъ разума. По всеобщему ихъ образу мыслей обмануть не стыдно; но не обмануть—глупо. Смѣло скажу, что французъ никогда самъ себѣ не проститъ, если пропуститъ случай обмануть, хотя въ самой бездѣлицѣ. Божество его—деньги. Изъ-за денегъ нѣтъ труда, котораго бъ не поднялъ, и нѣтъ подлости, которой бы не сдѣлалъ. Къ большимъ злодѣяніямъ неспособенъ. Самые убійцы становятся таковыми тогда только, когда умираютъ съ голоду; какъ же скоро французъ имѣетъ пропитаніе, то людей не рѣжетъ, а довольствуется обманывать. Корыстолюбіе несказанно заразило всѣ состоянія, не исключая самыхъ философовъ нынѣшняго вѣка. Въ разсужденіи денегъ не гнушаются и они человѣческою слабостію. Д'Аламберты, Дидероты въ своемъ родѣ такіе же шарлатаны, какихъ видалъ я всякій день на бульварѣ; всѣ они народъ обманываютъ за деньги и разница между шарлатаномъ и философомъ только та, что послѣдній къ сребролюбію присовокупляетъ безпримѣрное тщеславіе...

Сколько я понимаю, вся система нынѣшнихъ философовъ состоитъ въ томъ, чтобы люди были добродѣтельны независимо отъ религіи: но они, которые ничему не вѣрятъ, доказываютъ ли собою возможность своей системы? Кто изъ мудрыхъ вѣка сего, побѣдивъ всѣ предразсудки, остался честнымъ человѣкомъ? Кто изъ нихъ, отрицая бытіе Божіе, не сдѣлалъ интереса единымъ божествомъ своимъ и не готовъ жертвовать ему всею своею моралью? Одно тщеславіе ихъ простирается до того, что сами науки сдѣлались источникомъ непримиримой вражды между семьями. Братъ гонитъ брата за то, что одинъ любитъ Расина, а другой Корнеля; ибо острота французскаго разума велитъ одному брату, любя Расина, ругать язвительно Корнеля и клясться предъ свѣтомъ, что Расинъ предъ Корнелемъ, а братъ его передъ нимъ, гроша не стоятъ. Вообще ни одинъ писатель не можетъ терпѣть другаго и почитаетъ праздникомъ всякій случай уязвить своего совмѣстника. При всей ихъ премудрости нѣтъ въ нихъ и столько разсудка, чтобъ осмотрѣться, какъ безчестятъ себя сами, ругая другъ друга, и въ какое посмѣяніе приводятъ себя у тѣхъ, въ коихъ хотятъ вселить къ себѣ почтеніе.

Вотъ каковы тѣ люди, изъ которыхъ Европа многихъ почитаетъ великими, и которые, можно сказать, всей Европѣ повернули голову! Правда и то, что въ самой Франціи число ихъ обожателей несравненно меньше, нежели въ другихъ государствахъ, потому что французы сами очевидные свидѣтели ихъ поведенія, а

чужестранцы смотрятъ на нихъ издали. Истинно, нѣтъ никакой нужды входить съ ними въ изъясненія, почему считаютъ они религію недостойною быть основаніемъ моральныхъ человѣческихъ дѣйствій, и почему признаніе бытія Божія мѣшаетъ человѣку быть добродѣтельнымъ? Но надлежитъ только взглянуть на самихъ господъ нынѣшнихъ философовъ, чтобъ увидѣть, каковъ человѣкъ безъ религіи, и потомъ заключить, какъ прочно было бы безъ оной все человѣческое общество!..

...Воспитаніе во Франціи ограничивается однимъ ученіемъ. Нѣтъ генеральнаго плана воспитанія и все юношество учится, а не воспитывается. Главное стараніе прилагаютъ, чтобъ одинъ сталъ богословомъ, другой живописцемъ, третій столяромъ; но чтобъ каждый изъ нихъ сталъ человѣкомъ, того и на мысль не приходитъ. Итакъ относительно воспитанія Франція ни въ чемъ не имѣетъ преимущества предъ прочими государствами. Въ сей части столько же и у нихъ недостатковъ, сколько и вездѣ; но въ тысячу разъ больше шарлатанства. Рѣдкій отецъ не изобрѣтаетъ новаго плана для воспитанія дѣтей своихъ. Часто новый его планъ хуже стараго; но сей поступокъ доказываетъ, по крайней мѣрѣ, что сами они чувствуютъ недостатки общаго у себя воспитанія, не смысля разобрать, въ чемъ состоятъ они дѣйствительно.

Дворянство французское по большей части въ крайней бѣдности и невѣжество его ни съ чѣмъ несравненно. Ни званіе дворянина, ни орденъ св. Людовика не мѣшаютъ во Франціи ходить по міру. Исключая знатныхъ и богатыхъ, каждый французскій дворянинъ, при всей своей глупой гордости, почтетъ за великое себѣ счастіе быть принятымъ гувернеромъ къ сыну нашего знатнаго господина. Множество изъ нихъ мучило меня неотступными просьбами достать имъ такія мѣста въ Россіи; но какъ исполненіе ихъ просьбъ было бы убійственно для невинныхъ, доставшихся въ ихъ руки, то уклонился я отъ сего злодѣянія и почитаю долгомъ совѣсти не способствовать тому злу, которое въ отечествѣ нашемъ уже довольно вкореняется...

...Разсматривая состояніе французской націи, научился я различать вольность по праву отъ дѣйствительной вольности. Нашъ народъ не имѣетъ первой; но послѣднею во многомъ наслаждается. Напротивъ того французы, имѣя право вольности, живутъ въ сущемъ рабствѣ. Король, будучи ограниченъ законами, имѣетъ въ рукахъ всю силу попирать законы. Les lettres de cachet суть именные указы, которыми король посылаетъ въ ссылки и сажаетъ въ тюрьму, которымъ никто не смѣетъ спросить причины и которые весьма легко достаются у государя обманомъ, что доказываютъ тысячи примѣровъ. Каждый министръ есть деспотъ въ своемъ департаментѣ. Фавориты его дѣлятъ съ нимъ самовластіе и своимъ фаворитамъ удѣляютъ. Что видѣлъ я въ другихъ мѣстахъ, видѣлъ и во Франціи. Кажется, будто всѣ люди на то сотворены, чтобъ каждый былъ или тиранъ или жертва. Неправосудіе во Франціи тѣмъ жесточе, что происходитъ оно непосредственно отъ самаго правительства и на всѣхъ простирается. Налоги, частые и тяжкіе, служатъ къ одному обогащенію ненасытныхъ начальниковъ; никто, не подвергаясь бѣдѣ, не смѣетъ слова молвить противъ сихъ утѣсненій. Надобно тотчасъ выбрать одно изъ двухъ: или платить, или быть брошену въ тюрьму. C'est l'affaire du goût. Всякій дѣлаетъ, что хочетъ.

Народъ въ провинціяхъ еще несчастнѣе, нежели въ столицѣ. Судьба его зависитъ главнѣйше отъ интенданта; но что есть интендантъ. Воръ, имѣющій полномочіе грабить провинцію безотчетно. Чѣмъ дороже стала ему у двора сія привиллегія, тѣмъ для народа тягостнѣе. Каждый изъ нихъ начинаетъ ремесло свое тѣмъ, что захватываетъ откупъ хлѣба, нужнѣйшаго для жизни произрастенія, и принуждаетъ черезъ то жителей покупать у него жизнь за ту цѣну, которую опредѣлить заблагоразсуждаетъ.

Франція вся на откупу. Невозможно выѣхать на нѣсколько шаговъ изъ Парижа, чтобъ, воротясь, не быть остановлену таможнею. Почти за все ввозимое въ городъ платится столько пошлины, сколько сама вещь стоитъ. Изъ уваженія къ особѣ государя узаконено не сбирать пошлины въ томъ одномъ мѣстѣ, гдѣ его присутствіе; слѣдственно, въ тотъ день, въ который король пріѣхалъ бы въ Парижъ, пошлина не должна собираться съ народа. Сіе причиною, что король, будучи нерѣдко у рѣшетки Парижа, въ него не въѣзжаетъ; онъ уже нѣсколько лѣтъ не былъ въ Парижѣ для того, что по контракту отдалъ его грабить государственнымъ ворамъ. Можно по всей справедливости сказать, что Версаль есть мѣсто, куда французскаго короля посылаютъ откупщики въ вѣчную ссылку.

Другой источникъ казенныхъ доходовъ во Франціи есть продажа чиновъ и должностей—зло безмѣрное, вымышленное въ несчастные времена, когда не было откуда взять денегъ на нужнѣйшіе государственные расходы. Сіе изобрѣтеніе, доставивъ на то время большую подмогу, понравилось правительству. Время протекло; чины благополучно продавались: иной не могъ, другой не хотѣлъ, третій не смѣлъ предупредить того зла, которое со временемъ необходимо должествовало родиться отъ торговли сего рода. Мало по малу доходы отъ продажи чиновъ стали присвояться не къ своимъ назначеніямъ. Надлежало вымышлять вседневно на продажу новые чины, новыя должности; но и того не доставало. Надлежало усугубить налоги и нація нашлась въ положеніи бѣдственнѣйшемъ прежняго. Множество подлыхъ людей душею и происхожденіемъ покупали себѣ права и способы быть орудіями народныхъ утѣсненій. Довѣренность къ начальникамъ уступила мѣсто душевному къ нимъ презрѣнію; ибо къ пріобрѣтенію начальства одни деньги потребны стали. Нынѣ всѣ зловредныя слѣдствія продажи чиновъ терзаютъ государство и нѣтъ средства къ избавленію. Король не въ состояніи возвратить денегъ, взятыхъ за продажу, а не возвратя денегъ, нельзя отнять проданнаго. При послѣднемъ засѣданіи парламента сдѣланъ былъ планъ уничтоженію сей торговли: но тотъ планъ, изобрѣтенный впрочемъ коварствомъ и злобою, не могъ быть произведенъ въ дѣйство безъ потрясенія всего государства, и опытъ доказалъ, что продажа чиновъ во Франціи есть зло нужное и ничѣмъ неотвратимое.

Не бывъ военнымъ человѣкомъ, не могу о французскихъ войскахъ подать вашему сіятельству идеи другимъ образомъ, какъ сообщивъ слышанныя мною разсужденія отъ безпристрастныхъ чужестранцевъ... (Дальше идетъ небольшая, но язвительная характеристика французской арміи).

Тяжебныя дѣла во Франціи такъ же несчастны, какъ и у насъ, съ тою только разницею, что въ нашемъ отечествѣ издержки тяжущихся не столь без-

мѣрны. Правда, что у насъ и у нихъ всего чаще обвинена бываетъ сторона безпомощная; но во Франціи, прежде нежели у праваго отнять, надлежитъ еще много сдѣлать церемоній, которыя обѣимъ сторонамъ весьма убыточны. У насъ же по крайней мѣрѣ въ томъ преимущество, что дѣйствуютъ гораздо проворнѣе, и какъ скоро вступился какой-нибудь полубояринъ, сродни фавориту, то въ самый тотъ часъ дѣло беретъ уже совсѣмъ другой оборотъ и приближается къ концу. Скажутъ мнѣ, что французы превосходятъ насъ въ гражданскихъ дѣлахъ краснорѣчіемъ и что ихъ стряпчіе великіе витіи, а наши безграмотны. Правда; но все сіе весьма хорошо для французскаго языка, а не для праваго дѣла. При безсовѣстныхъ судьяхъ Цицеронъ и Вахтинъ равные ораторы.

Полиція парижская славна въ Европѣ. Говорятъ, что полицеймейстеръ ихъ всевѣдущъ; что онъ, какъ невидимый духъ, присутствуетъ вездѣ, слышитъ всѣхъ бесѣды, видитъ всѣхъ дѣянія, и кромѣ однихъ помышленій человѣческихъ ничто отъ него не скрыто. Поздравляю его съ такимъ преестественнымъ проницаніемъ; но при семъ небесномъ дарѣ желалъ бы я ему лучшаго обонянія; ибо на скотномъ дворѣ у нашего добраго помѣщика чистоты гораздо больше, нежели предъ самыми дворцами французскихъ королей. Въ разсужденіи дешевизны я инако сказать не могу, какъ что въ весьма рѣдкихъ европейскихъ городахъ жизнь такъ безмѣрно дорога, какъ въ Парижѣ; за то и бѣдность въ немъ несказанная; и хотя нищимъ шататься запрещено, однако я нигдѣ столько ихъ не видывалъ. Впрочемъ, парижскіе купцы, какъ и вездѣ, стараются свой товаръ продать сколько можно дороже. Разница только та, что французы обманываютъ несравненно съ большимъ искусствомъ и не знаютъ въ обманахъ ни мѣры, ни стыда. Что же касается до безопасности въ Парижѣ, то я внутренно увѣренъ, что всевѣдѣніе полицеймейстера не весьма дѣйствительно и польза отъ полицейскихъ шпіоновъ отнюдь не соотвѣтствуетъ той ужасной суммѣ, которую полиція на нихъ употребляетъ. Грабятъ по улицамъ и рѣжутъ въ домахъ нерѣдко. Строгость законовъ не останавливаетъ злодѣяній, рождающихся во Франціи почти всегда отъ бѣдности: ибо, какъ я выше изъяснился, французы, по собственному побужденію сердецъ своихъ, нимало къ злодѣяніямъ неспособны и одна нищета влагаетъ у нихъ ножъ въ руку убійцы. Число мошенниковъ въ Парижѣ неисчетно. Сколько кавалеровъ Св. Людовика которымъ, если не укравъ ничего выходятъ изъ дому, кажется, будто нѣчто свое въ домѣ томъ забыли! Словомъ, въ разсужденіи всѣхъ полицейскихъ предметовъ, парижская полиція кажется отъ возможнаго совершенства весьма еще далека. Напротивъ того вижу, что развращеніе ихъ нравовъ отнимаетъ почти всю силу у законовъ и самую ихъ строгость дѣлаетъ недѣйствительною.

Если что во Франціи нашелъ я въ цвѣтущемъ состояніи, то конечно ихъ фабрики и мануфактуры. Нѣтъ въ свѣтѣ націи, которая бъ имѣла такой изобрѣтательный умъ, какъ французы въ художествахъ и ремеслахъ, до вкуса касающихся. Я хаживалъ къ marchandes des modes, какъ къ артистамъ, и смотрѣлъ на уборы и наряды, какъ на прекрасныя картины. Сіе дарованіе природы послужило много къ повреждению ихъ нравовъ. Моды вседневно перемѣняются: всякая

женщина хочетъ наряжена быть по послѣдней модѣ; мужья пришли въ несостояніе давать довольно денегъ женамъ на уборы; жены стали промышлять деньги, не безпокоя мужей своихъ, и Франція сдѣлалась въ одно время моделью вкуса и соблазномъ нравовъ для всей Европы...

Римъ, 7/XII, 1784 г.... Первое, что во Флоренціи заслуживаетъ особеннаго вниманія, есть, безъ сомнѣнія, галлерея великаго герцога, соединенная съ Palazzo Pitti, въ которомъ онъ живетъ, когда бываетъ во Флоренціи, что случается весьма рѣдко... Галлерея его есть одна изъ первыхъ въ Европѣ. Если-бъ вы были охотники до живописи и скульптуры, я могъ бы написать къ вамъ о ней одной цѣлую тетрадь. Рафаэлева Богородица, картины дель-Сартовы, Венера Тиціанова и прочихъ великихъ мастеровъ работы и статуя Venus de Medicis составляютъ прямыя государственныя сокровища. Нельзя нигдѣ пріятнѣе провести утро, какъ въ сей галлереѣ. Какъ часто въ нее ни ходи, всегда новое увидишь. Множество молодыхъ живописцевъ упражняются тутъ въ копированіи славныхъ картинъ. Словомъ, тутъ видишь и галлерею, и школу. Мы съ женою бываемъ въ ней очень часто, а особливо я почти всякій день. Прибавить къ тому надобно и кабинетъ натуральной исторіи, который также очень хорошъ и содержится въ превеликомъ порядкѣ. Есть въ немъ вещи очень рѣдкія...

Изъ картинъ велѣлъ я списать для себя une Mère de douleur d'André del Sarto, три картины Рафаэлевы и Богоматерь Carlino Dolci. Могу васъ увѣрить, что если вы увидите и копіи мои, то даромъ, что вы не охотники, вамъ онѣ конечно очень понравятся. Вообще сказать, флорентинская галлерея въ нѣкоторомъ смыслѣ безпримѣрна, потому что во всей Европѣ нѣтъ такого зданія, въ которомъ бы одномъ столько сокровищъ во всѣхъ родахъ художествъ находилось. За великую рѣдкость почитаются въ ней двѣ комнаты, наполненныя портретами великихъ живописцевъ, писанными собственною ихъ кистью. Каждый мастеръ, самъ свой портретъ написавъ, присылалъ въ галлерею. Сіе вошло въ обычай и до днесь продолжается. Забылъ я сказать, что въ галлереѣ есть прекрасная коллекція древнихъ вазъ. Не описываю здѣсь всѣхъ комнатъ, принадлежащихъ къ галлереѣ, но скажу только то, что можно одною ею цѣлый годъ заняться. Palazzo Pitti стоитъ на холмѣ: домъ не весьма большой, но великолѣпно меблированный и двѣ залы расписаны альфреско съ удивительнымъ искусствомъ. Картины въ семъ дворцѣ также великихъ мастеровъ и въ великомъ множествѣ. Прекрасная Рафаэлева Богоматерь, извѣстная подъ именемъ Madonna della Sedia, украшаетъ одну залу. Этотъ образъ имѣетъ въ себѣ нѣчто божественное. Жена моя отъ него безъ ума. Она стаивала передъ нимъ по получасу, не спуская глазъ, и не только купила копію съ него масляными красками, но и заказала миніатюру и рисунокъ. Позади дворца садъ Boboli. Онъ состоитъ по большей части изъ террасъ и украшенъ многими фонтанами. Изъ дворца видъ въ него прекрасный. Между зданіями великолѣпнѣйшее есть соборная церковь. Величина ея огромная и покрыта цвѣтнымъ мраморомъ. Можно сказать, что она монументъ древняго республиканскаго великолѣпія. Близь

лежащая батистерія, или церковь, въ которой крестятъ всѣхъ безъ исключенія во Флоренціи младенцевъ, достойна любопытства. Двери бронзовыя съ прекрасными барельефами. Онѣ такъ отмѣнны, что прозваны райскими дверями. Изъ увеселительныхъ домовъ лучшій Poggio Imperiale. Архитектура простая, но благородная, и много картинъ хорошихъ. Между городскими установленіями госпиталь стоитъ любопытства. Жаль только, что онъ построенъ не у мѣста, ибо по одну сторону театръ серьезной оперы, а по другую театръ комическій. Порядокъ въ госпиталѣ такъ хорошъ, что дѣлаетъ, конечно, великую честь правленію. Больные пользуются присмотромъ и крайнею чистотою. Не только въ Италіи, гдѣ живутъ по свински, но и у насъ многіе зажиточные люди не спятъ на такихъ хорошихъ и чистыхъ постеляхъ, на какихъ въ госпиталѣ лежатъ больные нищіе. Во Флоренціи занимался я осматриваніемъ многихъ церквей, которыя архитектурою и живописью знамениты. Всѣ онѣ удивляютъ того, кто не видалъ здѣшней [1]) церкви Св. Петра; но кто ее видѣлъ, того, въ разсужденіи художествъ, ничто въ свѣтѣ удивить не можетъ. Кажется, что сей храмъ создалъ Богъ для самого себя. Здѣсь можно жить, сколько хочешь лѣтъ и всякій день захочешь быть въ церкви святого Петра. Чѣмъ больше её видишь, тѣмъ больше видѣть её хочешь; словомъ, человѣческое воображеніе постигнуть не можетъ, какова эта церковь. Надобно непремѣнно ее видѣть, чтобъ имѣть объ ней истинное понятіе. Я всякій день хожу въ нее раза по два...

...Въ свѣтлое воскресенье папа служилъ обѣдню въ церкви св. Петра... Служеніе его весьма великолѣпно, но сіе великолѣпіе не происходитъ изъ святыни отправляемаго дѣйствія: оно походитъ болѣе на свѣтское торжество, нежели на торжественное богослуженіе. Я видѣлъ болѣе государя, нежели первосвященника; болѣе придворныхъ, нежели духовныхъ учениковъ. Знатнѣйшія здѣшнія особы, кардиналы, служатъ ему со всѣмъ рабскимъ униженіемъ, и минуту спустя, отъ подчиненныхъ своихъ со всею гордостью требуютъ рабскаго предъ собою униженія. Вообще сказать, папская служба есть не что иное, какъ обожаніе самого папы, ибо даже обрядъ поклоненія отъ твари Создателю довольно гордъ: не папа приходитъ къ престолу причащаться, но, освятя св. дары, носятъ ихъ къ нему на тронъ, а онъ на встрѣчу къ нимъ ни шагу не дѣлаетъ! Послѣ обѣдни посадили его на кресла и понесли на верхъ къ тому среднему окну, изъ котораго онъ въ четвергъ на страстной недѣлѣ давалъ народу благословеніе и нынѣ повторялъ то же. День былъ прекрасный. Сверхъ того, вся церемонія нигдѣ такъ чувства тронуть не можетъ, какъ здѣсь, ибо потребна къ тому площадь св. Петра, которой нигдѣ подобной нѣтъ. Чрезвычайное ея пространство и великолѣпная колоннада, безчисленное множество народа, который, увидѣвъ папу, становится на колѣна, глубокое молчаніе предъ благословеніемъ, за которымъ тотчасъ слѣдуетъ громъ пушекъ и звонъ колоколовъ, и самое дѣйствіе, которое, благодаря богобоязливыхъ людей, имѣетъ въ себѣ нѣчто почтенное и величественное,—словомъ, все въ восхищеніе приводитъ!..

---

[1]) Т. е. въ Римѣ. *Прим. К. С.*

...Сравнивая папскую службу съ нашею архіерейскою, нахожу я нашу несравненно почтеннѣе и величественнѣе. Здѣшняя слишкомъ театральна и, кажется, мало имѣетъ отношенія къ прямой набожности. Папа, носимый въ креслахъ на плечахъ людскихъ, чрезвычайно походитъ на оперу: Китайскій идолъ. Мирное цѣлованіе, которое даетъ онъ первому кардиналу, сей другому, а другой третьему и наконецъ проходитъ чрезъ все духовенство, похоже на электризацію, которая отъ папы до послѣдняго попа доходитъ уже весьма слабо. Папская гвардія во время обѣдни въ шляпахъ и съ алебардами окружающая престолъ, на которомъ приносится жертва Богу, отнимаетъ всякую идею, чтобы тутъ жертва Богу была, духъ сокрушенъ, и показываетъ только духъ папскаго любоначалія.

Отсюда въ скоромъ времени поѣдемъ мы въ Лоретто посмотрѣть тамошнихъ сокровищъ, которыя можно сказать со всего свѣта собираемы были, ибо и донынѣ всѣ добрые католики вѣрятъ, что домикъ, въ которомъ жила Богородица, перенесенъ въ Лоретто ночью Ангелами...

Миланъ 10/V 1785 г... Завтра будетъ ровно три недѣли, какъ мы Римъ оставили и, кромѣ мерзкихъ трактировъ, ничѣмъ обезпокоены не были. Вездѣ смирно; никто не грабитъ, а всѣ милостыню просятъ. Ни плодороднѣе земли, ни голоднѣе народа я не знаю. Италія доказываетъ, что въ дурномъ правленіи, при всемъ изобиліи плодовъ земныхъ, можно быть прежалкими нищими. Теперь въѣзжаемъ въ Венеціянскую область, гдѣ добраго хлѣба найти нельзя. И нищіе, и знатные ѣдятъ такой хлѣбъ, котораго у насъ собаки ѣсть не станутъ. Всему причиною дурное правленіе. Ни въ деревняхъ сельскаго устройства, ни въ городахъ никакой полиціи нѣтъ: «всякъ дѣлаетъ, что хочетъ, не боясь правленія». Удивительно, какъ все еще по сію пору держится и какъ сами люди другъ друга еще не истребили. Еслибъ у насъ было такое попущеніе, какъ здѣсь, я увѣренъ, что безпорядокъ былъ бы еще ужаснѣе. Я думаю, что итальянцы привыкли къ неустройству такъ сильно, что оно жестокихъ слѣдствій уже не производитъ и что самовольство само собою отъ времени угомонилось и силу свою потеряло.

Изъ „Путешествія по Пруссіи гр. Ѳ. В. Ростопчина“ (1786 г.).

Граница.

Городъ Цилинцигъ малъ, дуренъ и ничего не заключаетъ примѣчанія достойнаго: въ немъ, такъ какъ и во всѣхъ Нѣмецкихъ маленькихъ городахъ, лучшія строенія—ратуша, кирка и почтмейстеровъ домъ. Тутъ начинается Прусское владѣніе, Нѣмецкій языкъ и курсъ терпѣнія. Несчастный Русскій путешественникъ, плачь и сокрушайся о ямщикахъ! Забывай, что лошадь можетъ бѣжать рысью и скакать! Мужайся и терпи! Ты знаешь какъ варвары мучатъ христіанъ; но ихъ искупаютъ изъ плѣна, а тебя ничто спасти не можетъ...

Франкфуртъ на Одерѣ.

Старинный городъ, въ коемъ, по описанію Бюшинга, 1200 домовъ, 12000 жителей. Примѣчанія достойна главная церковь готической архитектуры. Наемный лакей сказывалъ, что ей 400 лѣтъ, трактирщикъ 500, а звонарь 600, но совсѣмъ тѣмъ она древна.

Въ семъ городѣ бываютъ три ярмарки въ году, на коихъ производится обмѣнъ товарами съ Польшею, и очень притѣсняютъ жидовъ, отъ чего они еще больше и скорѣй обманываютъ. Въ городѣ есть многія шелковыя фабрики. Въ кофейномъ домѣ я нашелъ Прусскихъ офицеровъ. Они всѣ узнали, что я Русскій, но ни одинъ не говорилъ про Франкфуртскую баталію.

Рѣка Одеръ протекаетъ подъ городомъ, чрезъ нее мостъ и она судоходная, часто разливается, причиняя большой вредъ. Принцъ Брауншвейгскій въ одномъ изъ сихъ наводненій жертвовалъ своею жизнію для спасенія бывшихъ въ опасности жителей. Человѣколюбіе, сократя вѣкъ его, содѣлало имя безсмертнымъ.

Въ Берлинѣ сооруженъ ему памятникъ съ великолѣпною надписью въ стихахъ, коими сочинитель намѣренъ былъ привлечь болѣе вниманія, чѣмъ герой человѣчества.

Нужны памятники для равнодушныхъ, излишніе для чувствительныхъ. Подвигъ не умолкаетъ и станетъ переходить вѣками изъ памяти въ память...

Прусскіе солдаты.

Они меня не удивили. Я игрывалъ ими маленькій; оловянные, коихъ продаютъ Ниринбергцы, деревянные, что дѣлаютъ у Троицы, глиняные, которыхъ обжигаютъ въ Калугѣ, и живые, коихъ я видѣлъ, всѣ одинаковы.

Покрой мундира тотъ самый, что былъ при Великомъ Курфирстѣ; камзолы длины, сукно толсто, у людей ноги тонки, брюхи велики, вмѣстѣ видны, порознь безобразны и кажутся стары; косы безконечны. Не понимаю какъ на поворотахъ не колятъ глазъ; шапки гренадерскія отличны но безпокойны, обременяютъ голову, заставляютъ человѣка искать равновѣсія, въ солнце притягиваютъ лучи, въ дождь скопляютъ воду...

Знатны люди.

Въ обхожденіи довольно учтивы, но внутренно горды породой; по большей части бѣдны; занимаютъ мѣста у двора и въ статской службѣ; имѣютъ въ городѣ старинные дома и увеселительные на пескѣ замки, гдѣ пользуются въ лѣтнее время воздухомъ и скукою. Штатъ самыхъ богатыхъ составленъ изъ двухъ лакеевъ, скорохода, камердинера, кучера, повара, нѣсколькихъ женщинъ и швейцара. Они знаютъ наизусть всѣ доводы о древности ихъ рода, украшаютъ комнаты портретами своихъ предковъ, вывѣшиваютъ въ рамахъ патенты, жалованныя грамоты и письма отъ государей и владѣтельныхъ князей. Великіе охотники до лентъ, крестовъ и звѣздъ; въ случаѣ невозможности достать орденъ покупаютъ каноники, чтобъ носить при-

знаки оныхъ. Часто послѣ смерти графовъ, бароновъ находятся ордена, подобныя взаимному благоденствію принца острова Хіо. Изрѣдка даютъ пиры великолѣпные; а вседневно довольствуются умѣреннымъ кушаньемъ единственно для подкрѣпленія жизни и гордости.

Кунсткамера.

Она помѣщена во дворцѣ, въ самомъ верхнемъ этажѣ. Первая комната походитъ на переднюю Русскаго дворянина, охотника до собакъ; въ ней стоятъ набитые кабаны, олени, медвѣди и волки, истребленные въ высочайшемъ присутствіи Фридриха Вильгельма 1-го.

Впрочемъ сіе собраніе рѣдкостей ничего рѣдкаго не заключаетъ; оно составлено, такъ какъ и большая часть ему подобныхъ, изъ моделей, медалей, ветхихъ платьевъ и машинъ одного рода съ катеринъ-шармантъ. Тутъ, между прочимъ, показываетъ съ удовольствіемъ приставъ желѣзную шлифную пряжку, которую Фридрихъ Великій проглотилъ, бывъ пяти лѣтъ. Во всѣхъ церквахъ произведено было молебствіе о спасеніе наслѣднаго принца. Но, къ счастію и въ утѣшеніе августѣйшихъ родителей, причина ихъ отчаянія обыкновеннымъ ходомъ и въ обыкновенный часъ вышла наружу, сдѣлалась рѣдкостью, и хранится въ кунсткамерѣ.

Еще тутъ же хранятся картины работы Фридриха Вильгельма 1-го, и на нихъ подписано, что онъ ихъ писалъ, будучи одержимъ мучительной подагрой. Надпись доказываетъ, что король желалъ извинить свою работу, а живопись— сколь жестока была болѣзнь его...

Кучера.

Сѣкутъ лошадей безпрестанно и временно давятъ людей. Они не кричатъ, чтобъ береглись и смѣются страху находящихся въ опасности. Иногда ихъ и наказываютъ за переломленіе руки или ноги; но никогда не взыскиваютъ, для чего они не кричали, чтобъ посторонились; слѣдственно молчаніе сіе аппробовано полиціей.

Одинъ разъ мой кучеръ раздавилъ было беременную женщину. Я его сталъ бранить. Онъ сталъ смѣяться. Я его ударилъ; онъ пошелъ жаловаться, и полицеймейстеръ прислалъ мнѣ сказать, чтобъ я въ удовлетвореніе кучера далъ ему три талера. Заплатя шесть, велѣлъ своему человѣку дать ему оплеуху, и согнавъ, нанялъ другаго съ договоромъ, чтобъ онъ не колесовалъ встрѣчающихся...

Академія.

Установлена Великимъ Фридрихомъ, истиннымъ покровителемъ наукъ. Академія Берлинская славилась всегда членами своими и произведеніями ихъ...

Въ томъ домѣ, гдѣ Академія имѣетъ въ верху свои засѣданія, въ нижнемъ этажѣ конюшня жандармскаго полка. На фронтонѣ строенія написано: Apollini et Musis, то есть Аполону и музамъ. Нѣкто прибавилъ et mulis, и вышло: Аполону, музамъ и ослам. Изъ тридцати тогдашнихъ членовъ Академіи болѣе половины обидѣлись симъ дополненіемъ и предлагали перемѣнить домъ, не хотя себя утѣшить тѣмъ, что оселъ хотя и есть скотина глупая, но весьма полезная.

За всякое засѣданіе каждому члену выдаетъ секретарь Академіи по жетону, а въ концѣ года дается за оные столько же талеровъ. Изъ сего можно заключить, что умъ не дорогъ въ Пруссіи, но все-таки не даромъ...

Хотя войска въ Берлинѣ около 17,000, но офицеровъ на балы къ знатнымъ приглашалось не болѣе 7 человѣкъ. Тутъ отличаются наружностію гусары, которые въ короткихъ сапожкахъ, гремящихъ шпорахъ, привязавъ чистый на этотъ разъ платокъ къ пуговицамъ на подобіе гирлянды, вертятъ дамъ, колютъ ихъ шпорами и усами, и до окончанія вальса содержатъ ихъ въ самомъ тѣсномъ и опасномъ положеніи. Подъ именемъ собранія, assemblée, разумѣются тѣ, кои, во время весеннихъ маневровъ, бываютъ одинъ разъ въ недѣлю у нѣсколькихъ самыхъ богатыхъ господъ, которые между собою разбираютъ дни. На сихъ собраніяхъ бываютъ королевская фамилія, и безъ зову, всѣ знатные представленные ко двору иностранцы, и всѣ штабъ-офицеры съ ихъ женами и дѣтьми... Собранія сіи начинаются въ 6 часовъ и продолжаются до 9. Ужину нѣтъ, а носятъ хлѣбъ съ масломъ, холодные ломти мяса, конфекты, и поятъ лимонадомъ и аршатомъ. Послѣдствіемъ собраній всегда бываютъ болѣзни, и жены объѣдаются и опиваются, а мужья требуютъ управы на людей, которые отбиваютъ полковницъ, подполковницъ и маіоршъ отъ подносовъ, на которые онѣ кидаются для наполненія желудковъ, кармановъ и рукъ...

Не смотря на стеченіе и движеніе народа, гулянья Берлинскія мало внушаютъ веселья. Вездѣ проскакиваетъ наклонность къ чинамъ, все подобно процессіи. Идетъ-ли компанія или семья, походитъ на возвращеніе съ похоронъ милаго человѣка; увидишь-ли одного мужчину, кажется, что онъ гуляетъ по приказанію докторскому. Тѣла въ движеніи, но тѣла бездушныя. Кажется, что всѣ между собою въ ссорѣ, что все переговорено; или были въ Вавилонскомъ столпотвореніи. А если гдѣ-нибудь и услышишь что захохочутъ, то навѣрно сбила человѣка лошадь, переѣхала коляска черезъ женщину, кого ударилъ офицеръ палкою, или выученая лягавая собака сорвала, по приказанію хозяина съ кого нибудь шляпу.—Нѣмцы смѣются въ то время, какъ мы кричимъ караулъ...

Совершенно національныхъ піэсъ весьма на Нѣмецкомъ театрѣ мало. Не хотя, можетъ быть изъ самолюбія, предавать посмѣянію свои пороки и своихъ земляковъ, авторы предпочитаютъ занимать ихъ у другихъ земель. Въ трагедіи подражаютъ много Шекспиру, и употребляютъ самые сильные способы для произведенія жалости, ужаса и смѣха въ зрителяхъ: въ трагедіяхъ—погребенія, повторяемыя на сценѣ убійства, конвульсіи при послѣднемъ издыханіи, мертвецы, привидѣнія; а въ комедіи—пьяницы, уроды, побои, брань, кривлянья...

Партеръ всегда наполненъ офицерами, которые изъ праздности мѣшаютъ иногда своими громкими разговорами слышать актеровъ. Вообще публика Берлинская не отличается вкусомъ къ театру: она сохранила еще остатки происхожденія своего отъ древнихъ Германцевъ, которые столь много озабочивали Римлянъ, и, занимаясь единственно оружіемъ, воевали противъ людей, наукъ и художествъ...

Привлекающая всю публику піэса есть «Графъ Валтрангъ или Субординація», что доказываетъ, сколь сильно дѣйствуетъ военный уставъ въ Берлинѣ...

Изъ „Воспоминаній“ В. И. Зиновьева.

Окончу Берлинъ и Потсдамъ тѣмъ, что былъ принятъ съ произвожденіемъ въ мастеры въ ложу New-Iork, чрезъ посольство секретаря нашего Мальцева, но который обѣщанія своего не сдержалъ, ибо обѣщалъ мнѣ катехизисъ приличный,—котораго, за отъѣздомъ моимъ, не успѣлъ получить,—въ Дрезденъ прислать, но сего не исполнилъ...

...Поутру въѣхалъ въ Венецію; привезли меня въ таможню. Я думаю, что на свѣтѣ такой странной нѣтъ, ибо не только, что публично деньги берутъ, чтобы не смотрѣть, но еще публично и торгуются. Такъ, давая $^3/_4$ рубля, я принужденъ былъ цѣлый дать,—но за то и не открывали сундуковъ. Пріѣхалъ на квартиру, послалъ за своимъ корбелиномъ, который сперва и заспѣсивился, а потомъ уже моимъ рабомъ сдѣлался. Но можно сказать, что онъ человѣкъ умный и хотя онъ мнѣ около червонца сталъ, но я онаго не жалѣю.

Третьяго дня видѣлъ здѣсь оперу-буффу, а вечеромъ—италіанскую комедію. Первая чрезвычайно представлена, а вторая изрядно, но на италіанскій вкусъ. Актеры въ самыхъ чувствительныхъ и нѣжныхъ разговорахъ, говоря между собою, оборачиваются на партеръ, безъ нужды кричатъ, шутки себѣ большія дозволяютъ и одного бѣднаго актера публично разругали, ибо ему на театрѣ, въ самомъ серьезномъ разговорѣ, директорша этой труппы, которая въ этой комедіи его жену представляла, сказала, что онъ изъ кабака не выходитъ, что великій смѣхъ въ партерѣ произвело и на счетъ бѣднаго этого минуты съ двѣ смѣялись.

Городъ престранный! Я былъ въ разныхъ церквахъ, но такъ какъ я намѣренъ ноньче къ нимъ возвратиться, то, можетъ быть, тебѣ объ ономъ въ другой разъ что-нибудь скажу. Ноньче также видѣлъ я одинъ конецъ города, противъ хрустальныхъ заводовъ, гдѣ, сказывалъ мнѣ корбелинъ, ночью нѣсколько опасно ходить, прибавляя, что въ томъ переулкѣ, гдѣ и я живу, также не очень надежно...

Римъ. Утро провелъ за чтеніемъ Винкельмана [1]). Послѣ обѣда былъ въ капеллѣ Сикстинской, гдѣ слышалъ ламантаціоны и славный «miserere»; первое посредственно, послѣднее мнѣ показалось безпримѣрно, однимъ словомъ—небесной музыкой. Нельзя сравнить какъ поютъ miserere здѣсь и у насъ, не взирая на то, что говорятъ, что наша капелла лучшей папской. Вечеромъ ѣздилъ въ «Trinito del Pelegrini», гдѣ кардиналы и прелаты пилигримамъ ноги моютъ, что не только не пріятно, но напротивъ очень гадко видѣть; ужинъ же ихъ, при которомъ тоже верховное духовенство служитъ, весьма великолѣпенъ, и удивительно, что при такомъ великомъ множествѣ, порядокъ есть, да сверхъ того блюда хороши и изобильно приготовлены! Я думаю, что эти тунеядцы, нажрась въ три дня, цѣлую недѣлю потомъ не ѣдятъ! Сказывали мнѣ, что въ иной годъ ихъ до

[1]) Винкельманъ (род. въ 1717 г. въ Бранденбургѣ, убитъ въ 1763 г. въ Тріестѣ) знаменитый антикварій и писатель по части живописи и ваянія. Онъ считается основателемъ новой эстетики.

24.000 человѣкъ бываетъ и всѣ почти угощены три дня, такъ что въ эти годы общество, которое сіе учрежденіе завело, въ большой долгъ входитъ. Странно, что папы со всѣхъ католиковъ деньги собираютъ, а въ такомъ дѣлѣ никакого участія не имѣютъ. Они съ расчетомъ на своемъ стулѣ сидятъ!

24-го. Поутру былъ въ капеллѣ Sixtina, гдѣ послѣ обѣдни, пошелъ папа къ гробницѣ Спасителя; послѣ чего благословилъ городъ и свѣтъ. Надобно тебѣ объ этомъ благословеніи сказать, что считаютъ, что оно не только до конца города, но даже до сорокамильной окружности достигаетъ, не такъ какъ то, которое въ Свѣтлое Воскресеніе будетъ, ибо оно только до мѣста «St. Angelo» достигаетъ; нынѣшнее я не могъ видѣть, ибо тяжело все вмѣстѣ соединить. По окончаніи обѣдни, пошелъ я—гдѣ папа двѣнадцати пилигримамъ ноги моетъ, церемонія, которую онъ довольно проворно оканчиваетъ. Послѣ сего этимъ же пилигримамъ обѣдъ былъ, за которымъ папа служилъ и съ великою ловкостію кушанья подавалъ, которыя часто перемѣнять принужденъ былъ, ибо и здѣсь всякій за пятерыхъ ѣлъ. Невѣроятна тѣснота, которая здѣсь была! Я до сихъ поръ не понимаю: какъ несчастій не было? Представь же себѣ, что, чрезъ эту тѣсноту, гдѣ бы булавка до земли не дошла,—подносы, на которые для прожоръ блюда поставлены были, проносили! При этомъ случаѣ не малая давка была и я отъ ней локтями и отъ подносовъ поднятыми руками защищался и такъ оные отъ себя перегнулъ, что на другую сторону жареная рыба, бывшая на тарелкахъ, повалилась аббатамъ на головы...

Вечеромъ опять былъ у Miserere, сочиненія Pepoli; онъ мнѣ не такъ понравился какъ вчерашній—Allegri. По окончаніи сего былъ въ нѣкоторыхъ церквахъ, чтобы посмотрѣть, по нашему сказать,—плащаницу, но, кромѣ большаго свѣта отъ свѣчей, въ сихъ позорищахъ ничего не видалъ.

25-го. И нынѣче, также въ 9 часовъ, въ Capelle Sixtina былъ; папа со скинутыми башмаками и съ тремя книксами цѣловалъ крестъ, а послѣ него, по порядку, верховное духовенство оное же дѣлало; потомъ пошелъ онъ въ процессіи въ «Capelle Paulina» причастіе опять въ капеллу Сикстина принесть, что исправно и сдѣлалъ...

...Послѣ обѣда смотрѣлъ какъ величайшей церкви малѣйшій реликвій казали, да сверхъ того съ балкона, который такъ высокъ, что папу, который онымъ жителей крестилъ, почти не видать было. Святѣйшій тутъ молитву творилъ,—не знаю о чемъ, но знаю, что очень долго и такъ, что, не взирая на мою страсть къ церемоніямъ, я смотрѣть терпѣніе потерялъ! Длина молитвъ папскихъ заставляетъ меня думать, что много въ нихъ пустаго находится!...

Я предпринимаю одно дѣло, которое, безъ твоего совѣта никакъ исполнить не хочу. Не думай, что жениться собираюсь! Правда, что хочу пріобрѣсть одну особу, но не живую, а изъ мрамора. Канова, отъ котораго мнѣ хотѣлось маленькую статую имѣть, уговариваетъ и проситъ меня, чтобы я лучше заказалъ того же сидячаго Марса въ натуральный ростъ сдѣлать, говоря, что въ большомъ видѣ онъ самыя малыя части можетъ видными сдѣлать. За маленькую проситъ 400 скудовъ, а за большую 800. Такъ какъ сіе не прежде какъ черезъ

два года кончится, то я думаю оставить ему при отъѣздѣ, половину, а вторую половину въ два текущіе года заплатить. Я увѣренъ, что буду имѣть вещь, которой подобной у насъ не будетъ; но вопросъ, любезный мой: будетъ ли сіе тобой апробовано? И такъ дай мнѣ на то твой совѣтъ; я его ожидаю...

Не видалъ я нынѣче музея; наложеніе шляпы кардиналу Доріи тому причиной было. Церемонія сія не такъ важная, чтобы памяти была достойна; но однако я долженъ примѣтить, что въ промежутокъ сей церемоніи читали въ консисторіи процессъ святыхъ и между прочими хвалами, которыя одному дѣлали, находилась и та, что онъ никогда на женщинъ не глядѣлъ. По моему, этакій грѣхъ я бы никому не простилъ и счелъ бы нерадѣніемъ не видать самое пріятнѣйшее для насъ твореніе Всевышняго.

Видѣлъ въ Капитоліѣ статую Марка-Аврелія и что Рейфенштейнъ мнѣ ни разсказывалъ не могло меня переувѣрить, какъ сія статуя всѣми и ни славится, что лошадь отлита дурно, потому, 1-е, что она очень тяжела, 2-е, что у ней хвостъ мерзкій и дурно выработанъ, 3-е, что у ней голова къ шеѣ такъ приставлена, какъ ни у какой лошади быть не можетъ, 4-е, что она такъ толста, что никакой человѣкъ не могъ бы на нее сѣсть, безъ опасности получить килу. Что объ ней Фальконетъ [1]) писалъ—того я не знаю, но его лошадь, которую онъ сдѣлалъ, несравненно предпочитаю; съ правой стороны она еще сносна, но съ лѣвой глядѣть нельзя! Сверхъ того, у ней морщины на шеѣ, которыя въ натурѣ быть не могутъ...

2-го. Нынѣче цѣлый день пробылъ дома, читая съ великою жадностію «Domina della Revoluzioni d'Italia», — совершенное сочиненіе, и я жалѣю, что мой скорый отсюда отъѣздъ мнѣ мѣшаетъ докончить его здѣсь. Многія мысли и прожекты приходили, которые могли бы быть употреблены съ удобствомъ въ нашемъ отечествѣ, и я новую причину имѣлъ сожалѣть, что я не съ тобой и не могу тебѣ своихъ мыслей сообщить...

...Пріѣхалъ сюда (въ Парму) вечеромъ. Нынѣче былъ въ библіотекѣ, заведенной маркизомъ Dutilio; она очень хороша на видъ. Что лучше всего, такъ это каталогъ, который чрезвычайно способствуетъ отыскивать книги. Въ академіи художествъ видѣлъ славный «День» Корреджіева «il St. Bartolomeo». Скажу тебѣ мое мнѣніе о семъ, какъ и о сочинителѣ онаго, только съ договоромъ, чтобы ты не разсердился на меня; мнѣ помнится, что ты великій обожатель Корреджіо. Колоритъ его во всѣхъ картинахъ весьма пріятенъ; справедливъ ли онъ или нѣтъ—объ ономъ не хочу судить; тѣни въ картинахъ его отмѣнно хороши, лицо Богородицы изрядно; но Магдалина, въ этой картинѣ, такъ изображена, что ей такъ стоять не можно; она цѣлуетъ ногу Христа, а оборотилась лицомъ къ зрителямъ и, слѣдовательно, ея поцѣлуй—щекой придется. Въ картинѣ его «St. Sepolcro» тѣ же недостатки нахожу, съ прибавкой, что въ оной картинѣ его ошибки—еще болѣе, что ангелы на верху такъ исковерканы, что не

---

[1]) Знаменитый художникъ, получившій извѣстность въ Россіи работой памятника Петра Великаго въ Петербургѣ.

можно разобрать ноги оныхъ и не знаешь, которая кому принадлежитъ; у Богородицы лицо не благочинное. Ты мнѣ на сіе можешь сказать, что тяжело соединить пріятство и красу лица съ почтительнымъ видомъ,—на это я согласенъ, но со всѣмъ тѣмъ многія картины находятся, въ которыхъ краса, пріятство, и величіе сохранены...

...Еще слова два о здѣшнемъ мѣстѣ: 16.000 жителей въ ономъ, а въ приходѣ 40.000. Сей городъ, несмотря на число своихъ жителей, не имѣетъ члена въ парламентѣ; но что еще страннѣе, что онаго и имѣть не желаетъ, приводя къ тому очень хорошую причину, а именно: что во время выборовъ въ народѣ обыкновенно бываетъ большое пьянство, а сіе здѣсь отвадило бы работниковъ отъ нужныхъ упражненій и нанесло бы вредъ здѣшней торговлѣ...

...Около здѣшняго мѣста много угольныхъ выемокъ, которыя вчерась, ѣхавъ за городъ обѣдать, я видѣлъ. Изнутри земли уголья вынимаютъ, и на поверхности оной хлѣбъ сѣютъ. Я и тутъ имѣлъ случай повторить и утвердить свое мнѣніе, что сіи уголья—одна изъ главныхъ причинъ богатства здѣшней земли и это средство, которое доставляетъ здѣшнему народу золото гишпанцевъ и португальцевъ, доставляемое оными въ крайній убытокъ своимъ государствамъ..

Для выемокъ угольныхъ обыкновенно покупаютъ дозволеніе на оное у владѣльцевъ поверхности земли и не могутъ далѣе идти, какъ до границъ тѣхъ владѣльцевъ, съ которыми договорились. Я, для шутки, спросилъ: «назначена ли глубина?»—на что мнѣ отвѣчали, что до центра земли. Ты можешь представить какіе споры тамъ возстанутъ, когда антиподы Англіи до того же мѣста выйдутъ?..

...Обѣдалъ у Диксона со всей его фамиліей. Здѣсь имѣлъ случай слышать предлинный разговоръ о романахъ и свои разсужденія сдѣлать; но боюсь тебѣ онымъ наскучить, а такъ какъ я частію сіи письма и для себя пишу, то ты слѣдующее, безъ потери, можешь, когда хочешь, пропустить.

Англичанки, какъ мнѣ кажется, и многихъ другихъ народовъ дѣвушки и женщины съ охотой романы читаютъ, что, по моему, весьма дурныя слѣдствія производитъ, о которыхъ здѣсь длинно говорить. Мнѣ, можетъ быть, сдѣлаютъ вопросъ: чѣмъ же я хочу, чтобы женщины занимались и не лучше ли, чтобы онѣ читали романы, нежели сами случай давали бы оные сочинять?—На сіе я скажу, что въ хорошемъ смотрѣніи дѣвица, и не читавъ романовъ, не подастъ случая свою жизнь онымъ сдѣлать: а желаю я, чтобы ихъ упражненіе было, когда онѣ выучатся читать, во 1-хъ, понятіемъ приличнымъ о вѣрѣ, въ которой онѣ воспитаны, во 2-хъ, чтобы имъ преподали всѣ тѣ знанія, которыя хорошую хозяйку дѣлаютъ, дабы чрезъ то, когда онѣ выйдутъ замужъ, чтобы не были въ тягость своимъ мужьямъ, но въ облегченіе, и для того всѣ должны быть выучены всякимъ женскимъ работамъ, арифметикѣ, и могли бы домомъ править. Когда такая дѣвушка выйдетъ замужъ,—она не будетъ въ тягость своему мужу...

...Судъ отправляетъ здѣсь одинъ изъ 12-ти судей, которыхъ сюда два пріѣзжаютъ: одинъ для уголовныхъ, другой для гражданскихъ дѣлъ, два раза въ годъ, и судятъ дѣла всего графства. Сверхъ сего, въ уѣздахъ 12 «альдерменовъ»

которые младшаго изъ себя въ мэры выбираютъ. Объ образѣ исправленія суда сими судьями ничего не говорю, ибо ты оное знаешь; но оно мнѣ такъ нравится что желалъ бы, чтобы оно вездѣ учреждено было, и не понимаю, для чего оное не дѣлается?—Вопреки мнѣ скажутъ, что государи потеряютъ большую власть, имѣя, такъ сказать, въ своей волѣ жизнь всякаго человѣка; но на сіе я скажу, что они могли бы себѣ всегда оставить власть, бравъ въ свой особливый судъ такихъ преступниковъ, какихъ пожелаютъ, сказавъ, что дѣлаютъ сіе для скорѣйшаго порядка, а подъ симъ предлогомъ брать всѣхъ тѣхъ, которыхъ только пожелаютъ, и оставлять тѣхъ преступниковъ, которые ихъ мщенія не стоятъ, и дать, чрезъ то, способъ и средство невиннымъ оправдаться. Я не говорю, напримѣръ, сіе о нашемъ отечествѣ, ибо оно, въ разсужденіи сего, можетъ быть, не въ такомъ положеніи находится по причинѣ, 1-е, малаго населенія земли и большихъ разстояній одного мѣста отъ другого; 2-е, положенія нашихъ крестьянъ; 3-е, не довольнаго просвѣщенія нашего народа. А сколь здѣшній народъ просвѣщенъ—я имѣлъ случай видѣть; но для чего сіе во Франціи и въ большей части Германіи не дѣлается—того не понимаю.

Единбургъ—13-го августа 1786 г. Вотъ гдѣ, любезный другъ, я очутился, но ты, не взирая на сіе, не отдѣлаешься и я съ тобой еще объ Іоркѣ поговорю; и такъ, къ дѣлу; коль мнѣ понравилось производство уголовнаго суда, толь, напротивъ, не хвалю сіе учрежденіе въ гражданскихъ тяжбахъ. 5-го я былъ въ судѣ и слышалъ довольно странное дѣло, а именно: споръ о дорогѣ,—публичная ли она или приватная? и тутъ видѣлъ болѣе 30-ти человѣкъ, отвѣчающихъ подъ присягой, и думаю, что большая часть изъ нихъ противъ принятой присяги и противъ своей совѣсти отвѣчали. Долго бы было о неудобствахъ такого докроса здѣсь объяснять,—я только о двухъ вещахъ упомяну: 1-е, что я бы присягу, при семъ случаѣ совсѣмъ уничтожилъ, бывъ увѣренъ, что человѣкъ съ совѣстію на вопросъ, ему сдѣланный въ толь уважительномъ мѣстѣ и въ глазахъ почти всего народа, конечно справедливый отвѣтъ дастъ. Человѣкъ, который толь несчастливъ и потерялъ чувство совѣсти, очень склоненъ нарушить присягу, себѣ черезъ то вредитъ, и смѣю сказать, и слушателямъ, которые привыкаютъ видѣть нарушеніе толь важнаго дѣла. 3-е, что почти неотмѣнно надобно, чтобы въ гражданскихъ дѣлахъ—одинъ правъ, другой виноватъ былъ; слѣдствіе непремѣнное изъ сего, что часть одна неотмѣнно должна фальшивую присягу сдѣлать. Многія другія причины имѣю не хвалить сей образъ судебнаго порядка; но сіе до свиданія, когда тебѣ угодно будетъ, оставлю. Здѣсь также видѣлъ, что съ проигрышной стороны одинъ квакеръ присягнулъ и противники его дали тотчасъ сіе пяти жюри примѣтить. Сіе собраніе 12-ти человѣкъ весьма уважается и все, что въ судахъ ни дѣлается—все для объясненія имъ, ибо они осуждаютъ преступника или тяжебника. 5-го я выѣхалъ изъ Іорка...

...Теперь дозволь мнѣ главное мое мнѣніе сказать объ этой землѣ: извѣстно, что она всѣмъ изобилуетъ: хлѣбомъ, деньгами, жителями, мануфактурами; но что

должно удивить путешественника—это строенія, которыя въ разныхъ городахъ производятся, и, что, такъ сказать, изъ одного города два дѣлается и сіе безъ убытка хлѣбопашества, и я увѣренъ, что эти города получше будутъ тѣхъ, которые по приказу построены [1]); но сіе государство не думало, прежде хлѣбопашества, о построеніи городовъ. Почти вездѣ, гдѣ я ни спрашивалъ — это стало только 50 лѣтъ тому назадъ заводиться, а сія земля въ это время жителей своихъ не умножила. Хорошій примѣръ нашимъ политикамъ! Дѣйствительно, я часъ отъ часу увѣряюсь, что намъ фабрики не нужны и болѣе вредны, и я никакъ не принимаю возраженія, что деньги въ государствѣ остаются: да,—но отнимаются руки отъ пашни. Что дѣлать съ жителями, которые не въ хлѣбородныхъ провинціяхъ живутъ?—переселять половину оныхъ или сколько нужно въ пустыя, казенныя земли... Долженъ еще одно примѣчаніе сказать о семъ народѣ, что удивительно видѣть во всякомъ городѣ преогромныя строенія для сборщиковъ подъ именемъ: «асамбле румъ»; но что похвальнѣе всего, что при этихъ строеніяхъ, всегда находятся огромныя же строенія для больныхъ, для бѣдныхъ, для училищъ и сиротъ. Человѣкъ съ чувствами долженъ народъ тотъ почитать, въ которомъ оное видитъ. Что касается до жителей, то скажу, что вездѣ видно изобиліе, пріятная и неподдѣльная чистота, учтивость отмѣнная и пристойная. Средній классъ людей я нашелъ также весьма ласковымъ къ иностранцамъ...

...Сюда пріѣхалъ вчера вечеромъ и нынче ходилъ смотрѣть здѣшнія мануфактуры. Сказывали мнѣ, что какой-то здѣшній господинъ выдумалъ машину ткать и хочетъ на нее получить патентъ. Вотъ, я думаю, одна изъ причинъ, что сія земля толь цвѣтетъ, что вмѣсто людей умѣетъ колесы употреблять и дѣлается черезъ то мануфактурщикомъ всего свѣта...

...Ты знаешь, что я неохотно сей путь предпринялъ, а теперь не могу довольно оному радоваться. Я думаю, что человѣкъ, стараясь узнать свои недостатки, не можетъ оные лучше исправить, какъ путешествіемъ; подобно камню, который треніемъ своимъ со множествомъ другихъ, глаже дѣлается и, полируя, такъ сказать,—себя, иногда неровности другихъ, которые съ нимъ сталкиваются, ровняетъ...

...Надо вамъ сказать, что, покидая Россію, я узналъ, что покойный герцогъ Брауншвейгскій Фердинандъ состоялъ во главѣ добраго масонскаго общества, и, испрося у него аудіенцію, я открылся ему въ моемъ намѣреніи подвизаться въ правилахъ этого общества, а съ тѣмъ вмѣстѣ просилъ его покровительства, вполнѣ полагая, по моимъ соображеніямъ, что въ этомъ обществѣ совмѣщаются весьма полезныя знанія, которыя, быть можетъ, мнѣ разъяснятъ много неизвѣстныхъ вещей и чрезъ нихъ, быть можетъ, я буду даже въ состояніи получить то, чего давно желалъ и чѣмъ, въ то же время достигну предположенной мной цѣли.

Вы увидите, добрый другъ, что, въ послѣдствіи, по неисповѣдимой благости милосердаго Творца, я имѣлъ счастіе достигнуть того, о чемъ мечталъ. Герцогъ Брауншвейгскій снабдилъ меня очень вѣрнымъ понятіемъ объ этомъ орденѣ, на-

---

[1]) Намекъ на усиленное въ то время построеніе городовъ въ Россіи.

дѣливъ многими рекомендательными письмами къ разнымъ его членамъ, разсѣяннымъ частію по Франціи, частію по Италіи, объяснивъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что наиуспѣшнѣе въ дѣлѣ этого общества я могу преуспѣть въ Ліонѣ,—мѣстѣ, которое было главнымъ его центромъ и куда я былъ также отрекомендованъ.

Возвратимся теперь назадъ. Изъ Милана я поѣхалъ въ Туринъ; въ этотъ городъ я имѣлъ письмо герцога къ г-ну Жирò,—доктору медицины и ревностному магнетизеру. У него въ первый разъ я увидѣлъ чудное дѣйствіе этой силы, въ наше время еще столь мало изслѣдованной. Г-нъ Жирò состоялъ также дѣятельнымъ членомъ и въ масонскомъ обществѣ. Не вообразите однако же, милый другъ, что магнетизмъ имѣетъ что-нибудь общее съ истиннымъ масонствомъ!

Вамъ приблизительно извѣстенъ мой откровенный характеръ. Я самъ не могу достаточно объяснить причинъ этому, но всегда имѣлъ большое довѣріе къ масонамъ, вѣроятно, потому, какъ я думаю, что считалъ ихъ за честныхъ людей, а съ таковыми я не могу достаточно наговориться и не открыть имъ вполнѣ своей души, что я всегда дѣлалъ съ недостаточною осторожностію. Насколько я помню, я совершенно открылся доктору Жирò и передалъ ему письмо герцога, сказавъ, что, желая отправиться въ Ліонъ, чтобы подвизаться въ правилахъ общества, въ которомъ и онъ состоялъ членомъ, я нахожусь въ затрудненіи...

Этотъ достойный и нынѣ уже скончавшійся человѣкъ обошелся со мной такъ, какъ я, по моей полной къ нему довѣрчивости, того заслуживалъ.

И такъ, сдѣлавъ нужныя распоряженія въ Туринѣ, я отправился въ Ліонъ. Здѣсь я немедленно передалъ два или три письма отъ герцога главнымъ членамъ почтеннаго общества, въ которое былъ принятъ... Я познакомился съ милымъ (charmant) Сенъ-Мартеномъ и даже сдѣлалъ съ нимъ поѣздку въ Парижъ; но, вслѣдствіе предвзятаго о немъ мнѣнія, я отъ него не воспользовался его бесѣдой, на сколько бы могъ; съ нимъ я былъ остороженъ, не смотря на мою къ нему любовь и привязанность. Я не жалѣю объ этомъ; напротивъ, даже благодарю милосердое Существо, потому что съ моими пылкими наклонностями, особливо въ то время, когда онѣ были въ полномъ развитіи силъ, могло легко случиться, что его истинныя и возвышенныя познанія мнѣ причинили бы вредъ...

Во время моего пребыванія въ Ліонѣ, я получилъ двѣ степени въ орденѣ, но, при послѣдней, отъ меня потребовали положительнаго отвѣта, какъ о моей религіи, такъ и о томъ, былъ ли я истиннымъ христіаниномъ — въ душѣ, а не по одному лишь имени? На сколько я могу припомнить, мой добрый другъ, я всегда ненавидѣлъ ложь, но могло случиться, что, можетъ быть, я неоднократно и лгалъ. Къ стыду моему, нарушилъ данное слово одной особѣ, передъ отъѣздомъ моей покойной сестры въ чужіе края! Повторяю, я ненавижу ложь и, кажется, всегда ее ненавидѣлъ,—по крайней мѣрѣ, въ то время, когда меня спросили о внутреннихъ чувствахъ моего сердца. Я твердо рѣшился высказать ихъ такими, какими они были въ дѣйствительности, а получить новую степень, которую мнѣ предлагали, безъ признанія себя истиннымъ христіаниномъ,—невозможно, потому что я имъ еще въ дѣйствительности не былъ. Я принялся за чтеніе священнаго писанія, чтобы утвердиться въ нашей блаженной религіи; до сего же времени я ограни-

чивался тѣмъ, что возилъ за собой священныя книги, не раскрывая ихъ. Но, мой другъ, вы, можетъ быть, не мало удивитесь, узнавъ, что чѣмъ болѣе я читалъ, тѣмъ болѣе возрастали мои сомнѣнія и это возбужденное сомнѣніе и безпокойство до того наконецъ усилились, что я долженъ былъ прервать чтеніе... Тогда, не находя спокойствія въ постелѣ, мнѣ послышалось, что меня зовутъ по имени, и когда, отъ страха, я открылъ глаза, мнѣ показалось, что комната моя была наполнена дымомъ! Мои ліонскіе друзья, которымъ я это разсказывалъ, говорили, что, можетъ быть, это было дѣйствіе божественной благодати, въ чемъ однакоже они положительно увѣрять не могли, потому что это могло быть и дѣйствіе воображенія. Я не очень любопытствую постигнуть причины этого явленія, зная великую ко мнѣ милость Высшаго Существа и тогда, какъ мое поведеніе заслуживаетъ лишь небесной кары, Оно не устаетъ осыпать меня своими щедротами. Да будетъ же имя его прославлено во вѣки!

Проснувшись, рано утромъ, 25-го декабря, по новому стилю, я сѣлъ въ карету и отправился къ Виллермозу, чтобы просить его меня успокоить отъ моего волненія, но, повстрѣчавшись съ нимъ на дорогѣ, мы помѣстились въ одномъ экипажѣ, гдѣ я и разсказалъ ему о всѣхъ моихъ безпокойствахъ и о всемъ, что со мной происходило; онъ замѣтилъ мнѣ, что онъ теперь ѣдетъ къ обѣдни и что оттуда заѣдетъ ко мнѣ; я сопровождалъ его въ церковь и тутъ мое ночное безпокойство возвратилось съ большей силой, сопровождаемое слезами и замираніемъ сердца. Я молился, прося милосердое Существо оказать мнѣ милость—просвѣщеніемъ меня въ истинѣ. Быть можетъ, мой дорогой другъ, я лишь въ первый разъ въ жизни молился какъ слѣдуетъ!

Послѣ обѣдни, мы сѣли передъ огнемъ камина и начали вновь тотъ же разговоръ. Добрый Виллермозъ съ большимъ терпѣніемъ выслушалъ все, что я ему говорилъ, вынулъ изъ кармана маленькую книжку и указалъ въ этотъ день евангеліе отъ Св. Іоанна. Кончилъ ли онъ чтеніе или нѣтъ?—этого не помню, потому что былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы дать вѣрный отчетъ о всемъ случившемся, но къ удивленію моему, съ этой минуты я былъ въ божественной религіи нашего Спасителя...

...Во время моего пребыванія въ Ліонѣ, мнѣ пришло на мысль исповѣдываться и причаститься по католическому обряду, такъ какъ я не могъ этого исполнить по обряду своего вѣроисповѣданія. Добрый Виллермозъ одобрилъ мою мысль. Почтенное духовное лицо,—членъ нашего общества, деканъ Ренанъ, согласился доставить мнѣ это благо, и я дважды исповѣдывался и причастился въ Ліонѣ. При моей первой исповѣди, я старался припомнить всѣ преступленія, совершенныя мной въ дѣтствѣ, и вы можете себѣ представить, что не смотря на мою память, которая въ этомъ случаѣ мнѣ не очень послужила, какъ я это часто послѣ замѣчалъ, списокъ ихъ былъ весьма длиненъ.

Изъ „Писемъ русскаго путешественника“ Н. М. Карамзина.

Курляндская корчма, 1-го Іюня 1789 г. Мы выѣхали въ Курляндію—и мысль, что я уже внѣ отечества, производила въ душѣ моей удивительное дѣй-

ствіе. На все, что попадалось мнѣ въ глаза, смотрѣлъ я съ отмѣннымъ вниманіемъ, хотя предметы сами по себѣ были весьма обыкновенны. Я чувствовалъ такую радость, какой со времени нашей разлуки, милые, еще не чувствовалъ. Скоро открылась Митава. Видъ сего города некрасивъ, но для меня былъ привлекателенъ! Вотъ первый иностранный городъ, думалъ я—и глаза мои искали чего нибудь отмѣннаго, новаго.

Кенигсбергъ, Іюня 19-го, 1789 г. Вчерась же послѣ обѣда былъ я у славнаго Канта, глубокомысленнаго, тонкаго Метафизика, который опровергаетъ и Малебранта и Лейбница, и Юма и Боннета—Канта, котораго Іудейскій Сократъ, покойный Мендельзонъ, иначе не называлъ, какъ der alles zermalmende Kant, т. е. все сокрушающій Кантъ. Я не имѣлъ къ нему писемъ; но смѣлость города беретъ и мнѣ отворились двери въ кабинетъ его. Меня встрѣтилъ маленькой, худенькой старичекъ, отмѣнно бѣлый и нѣжный. Первыя слова мои были: «Я Русской Дворянинъ, люблю великихъ мужей, и желаю изъявить мое почтеніе Канту». Онъ тотчасъ попросилъ меня сѣсть, говоря: «Я писалъ такое, что не можетъ нравиться всѣмъ; не многіе любятъ метафизическія тонкости». Съ полчаса говорили мы о разныхъ вещахъ: о путешествіяхъ, о Китаѣ, объ открытіи новыхъ земель. Надобно было удивляться его историческимъ и географическимъ знаніямъ, которыя, казалось, могли бы одни загромоздить магазинъ человѣческой памяти; но это у него, какъ Нѣмцы говорятъ, дѣло постороннее. Потомъ я, безъ скачка, обратилъ разговоръ на природу и нравственность человѣка...

Онъ записалъ мнѣ титулы двухъ своихъ сочиненій, которыхъ я не читалъ: «Kritik der practischen Vernunft» и «Metaphisik der Sitten»—и сію записку буду хранить какъ священный памятникъ.

Вписавъ въ свою карманную книжку мое имя, пожелалъ онъ, чтобы рѣшились всѣ мои сомнѣнія; потомъ мы съ нимъ разстались.

Вотъ вамъ, друзья мои, краткое описаніе весьма любопытной для меня бесѣды, которая продолжалась около трехъ часовъ.—Кантъ говоритъ скоро, весьма тихо и не вразумительно; и потому надлежало мнѣ слушать его съ напряженіемъ всѣхъ нервъ слуха. Домикъ у него маленькой, и внутри приборовъ не много. Все просто, кромѣ... его Метафизики.

Берлинъ, Іюля 2-го. Въ 10 час. ночи. Давно уже не былъ я такъ пріятно растроганъ, какъ нынѣ въ Театрѣ. Представляли драму Ненависть къ людямъ и раскаяніе, сочиненную господиномъ Коцебу, Ревельскимъ жителемъ. Авторъ осмѣлился вывести на сцену жену невѣрную, которая, забывъ мужа и дѣтей, ушла съ любовникомъ; но она мила, нещастлива — и я плакалъ, какъ ребенокъ, не думая осуждать сочинителя. Сколько бываетъ въ свѣтѣ подобныхъ исторій!!. Коцебу знаетъ сердце. Жаль только, что онъ въ одно время заставляетъ зрителей и плакать и смѣяться. Жаль, что не имѣетъ вкуса или не хочетъ его слушаться! Послѣдняя сцена въ піесѣ несравненна...

Я думаю, что у Нѣмцевъ не было бы такихъ Актеровъ, естьли бы не было у нихъ Лессинга, Гете, Шиллера и другихъ Драматическихъ Авторовъ, которые съ такою же живостію представляютъ въ Драмахъ своихъ человѣка, каковъ онъ есть, отвергая всѣ излишнія украшенія, или Французскія румяны, которыя человѣку съ естественнымъ вкусомъ не могутъ быть пріятны. Читая Шекспира, читая лучшія Нѣмецкія Драмы, я живо воображаю себѣ, какъ надобно играть Актеру, и какъ что произнести; но при чтеніи французскихъ Трагедій рѣдко могу представить себѣ, какъ можно въ нихъ играть Актеру хорошо или такъ, чтобы меня тронуть.—Вышедши изъ Театра, обтеръ я на крыльцѣ послѣднюю сладкую слезу. Повѣрите ли, друзья мои, что нынѣшній вечеръ причисляю я къ щастливѣйшимъ вечерамъ моей жизни? И пусть теперь доказываютъ мнѣ, что изящныя искусства не имѣютъ вліянія на щастіе наше! Нѣтъ, я буду всегда благословлять ихъ дѣйствіе, пока сердце будетъ биться въ груди моей — пока будетъ оно чувствительно!

Дрезденъ, 12-го Іюля. Пошелъ я въ славную картинную галлерею, которая почитается одною изъ первыхъ въ Европѣ. Я былъ тамъ три часа, но на многія картины не успѣлъ и глазъ оборотить; не три часа, а нѣсколько мѣсяцевъ надобно, чтобы хорошенько осмотрѣть сію галлерею. Я разсматривалъ со вниманіемъ Рафаэлеву Марію (которая держитъ на рукахъ младенца, и передъ которою стоятъ на колѣняхъ Св. Сикстусъ и Варвара); Корреджіеву ночь, о которой столько писано и говорено было, и въ которой наиболѣе удивляются смѣси свѣта съ тьмою; Микель-Анджелову картину, представляющую осужденнаго на смерть человѣка, и вдали городъ; картины Юлія Романа: Пана, который учитъ на флейтѣ молодаго пастуха; играющую Цецилію окруженную Святыми, и проч.—Веронезовы: Воскресеніе, похищеніе Европы, и проч.—Караччіевы: Генія славы, летящаго по воздуху; Марію со Младенцемъ, Матѳеемъ и Іоанномъ, и проч.—Тинторетовы: Аполлона съ Музами, паденіе Ангеловъ, и проч.—Бассановы: Израильской народъ въ пустынѣ, Ноево семейство и проч.—Джіордановы: похищеніе Сабинокъ, умирающаго Сократа, Сусанну въ купальнѣ, и проч.—Розовы: собственный его портретъ и ландшафтъ съ деревьями, гдѣ сидящій старикъ говоритъ съ двумя стоящими.—Пуссеневы: Ноево жертвоприношеніе, ландшафтъ съ двумя сидящими Нимфами и съ Нарциссомъ, который смотрится въ воду, и еще другой, гдѣ спитъ нагая Нимфа, которую разсматриваютъ изъ-за дерева двое мужчинъ.—Рубенсовы: сидящую Марію съ Младенцемъ, которому Ангелы подаютъ плоды; Страшный Судъ, Христа спящаго на кораблѣ во время бури, похищеніе Прозерпины, пьянаго Силена съ Нимфами, Венеру съ Адонисомъ, наказываемаго Купидона, котораго одна женщина держитъ на рукахъ, а другая сѣчетъ лозою; Нептуна, укрощающаго море, и проч.—Фанъ Диковы: изображеніе Королей Карла II и Якова II; Іеронима, у ногъ котораго лежитъ левъ, и проч.—и наконецъ, Менгсовы, которыхъ очень много. Между прочими картинами есть прекрасныя перспективы и такія живыя изображенія винограда и другихъ плодовъ, что хочется ихъ взять...

Іюля 12. Нынѣ поутру пошелъ я въ придворную Католическую церковь во время обѣдни. Великолѣпіе храма, громкое и пріятное пѣніе, сопровождаемое согласными звуками органа; благоговѣніе молящихся, къ небу воздѣтыя руки Священниковъ—все сіе вмѣстѣ произвело во мнѣ нѣкоторый восхитительный трепетъ. Мнѣ казалось, что я вступилъ въ міръ Ангельской, и слышу гласы блаженныхъ Духовъ, славословящихъ Неизреченнаго. Ноги мои подогнулись; я сталъ на колѣни и молился отъ всего сердца.

Іюля 12-го, въ 10 часовъ вечера. Послѣ обѣда былъ я въ гостяхъ у нашего молодаго Священника, гдѣ познакомился еще съ Секретаремъ нашего Министра; а оттуда пошелъ одинъ гулять за городъ, въ такъ называемый большой садъ. Длинная алея вывела меня на обширный зеленый лугъ. Тутъ на лѣвой сторонѣ представилась мнѣ Эльба и цѣпь высокихъ холмовъ, покрытыхъ лѣскомъ, изъ-за котораго выставляются кровли разсѣянныхъ домиковъ и шпицы башенъ. На правой сторонѣ поля, обогащенныя плодами, вездѣ вокругъ меня разстилались зеленые ковры, усѣянные цвѣтами. Вечернее солнце кроткими лучами своими освѣщало сію прекрасную картину. Я смотрѣлъ и наслаждался; смотрѣлъ, радовался и—даже плакалъ; что обыкновенно бываетъ, когда сердцу моему очень, очень весело! — Вынулъ бумагу, карандашъ; написалъ: любезная Природа! и болѣе ни слова!! Но едва ли когда нибудь чувствовалъ такъ живо, что мы созданы наслаждаться и быть щастливыми; и едва ли когда нибудь въ сердцѣ своемъ былъ такъ добръ и благодаренъ противъ моего Творца, какъ въ сіи минуты. Мнѣ казалось, что слезы мои льются отъ живой любви къ Самой Любви, и что мнѣ должны смыть нѣкоторыя черныя пятна въ книгѣ жизни моей.

А вы, цвѣтущіе берега Эльбы, зеленые лѣса и холмы! вы будете благословляемы мною и тогда, когда, возвратясь въ сѣверное, отдаленное отечество мое, въ часы уединенія буду воспоминать прошедшее!

Лейпцигъ, Іюля 16-го. Нынѣ поутру слышалъ я Эстетическую лекцію Доктора Платнера...

Превеликая зала была наполнена слушателями, такъ что негдѣ было упасть яблоку. Я долженъ былъ остановиться въ дверяхъ. Платнеръ говорилъ уже на каѳедрѣ. Все молчало и слушало. Никакой шорохъ не мѣшалъ голосу Г. Доктора распространяться по залѣ. Я былъ далеко отъ него, однако же не проронилъ ни одного слова. Онъ говорилъ о великомъ духѣ или о Геніи...

Платнеръ говоритъ такъ свободно, какъ бы въ своемъ кабинетѣ, и очень пріятно. Всѣ, сколько я могъ видѣть, слушали съ великимъ вниманіемъ. Сказываютъ, что Лейпцигскіе Студенты никого изъ Профессоровъ такъ не любятъ и не почитаютъ, какъ его.—Когда онъ сошелъ съ каѳедры, то ему, какъ Царю, дали просторную дорогу до самыхъ дверей. «Я никакъ не думалъ васъ здѣсь увидѣть—сказалъ онъ мнѣ—а естьли бы зналъ, что вы сюда придете, то велѣлъ бы приготовить для васъ мѣсто». Онъ пригласилъ меня къ себѣ послѣ обѣда, и ска-

залъ, что хочетъ ужинать со мною въ такомъ мѣстѣ, гдѣ я увижу нѣкоторыхъ интересныхъ людей.

Въ 11 часовъ вечера. Въ назначенный часъ я пришелъ къ Платнеру. Вы конечно поживете съ нами, сказалъ онъ, посадивъ меня.—Нѣсколько дней, отвѣчалъ я.—Только? А я думалъ, что вы пріѣхали пользоваться Лейпцигомъ. Здѣшніе Ученые сочли бы за удовольствіе способствовать вашимъ успѣхамъ въ наукахъ. Вы еще молоды, и знаете Нѣмецкой языкъ. Вмѣсто того, чтобы переѣзжать изъ города въ городъ, лучше вамъ пожить въ такомъ мѣстѣ, какъ Лейпцигъ, гдѣ многіе изъ вашихъ единоземцовъ искали просвѣщенія, и, надѣюсь, не тщетно».— Я почемъ бы за особливое щастіе быть вашимъ ученикомъ, Г. Докторъ; но обстоятельства, обстоятельства— —«И такъ мнѣ остается жалѣть, есть ли они не позволяютъ вамъ на сей разъ остаться съ нами».

Онъ помнитъ К*, Р* и другихъ Русскихъ, которые здѣсь учились. «Всѣ они были моими учениками, сказалъ онъ: только я былъ тогда еще не то, что теперь».—По крайней мѣрѣ ваши Афоризмы еще не были изданы...

И въ самую ту минуту, какъ я, упомянувъ объ Афоризмахъ, хотѣлъ просить у него объясненія на нѣкоторыя мѣста изъ нихъ, пришли къ нему съ Университетскими дѣлами. Онъ отправляетъ должность Ректора. — У меня не много свободнаго времени, сказалъ онъ: однакожь вы должны нынѣ со мною ужинать. Въ восемь часовъ велите себя проводить въ трактиръ Голубаго Ангела.—

Я въ семь часовъ пришелъ въ трактиръ Голубаго Ангела. Меня провели въ большую колнату, гдѣ накрытъ былъ столъ на двадцать кувертовъ, но гдѣ еще никого не было. Черезъ полчаса явился Платнеръ съ ученою братіею. Онъ каждому представилъ меня, и сказывалъ мнѣ имена ихъ: но всѣ они были мнѣ неизвѣстны, кромѣ стараго Профессора Эзера и Биргермейстера Миллера, издавшаго Сульцерову Теорію Изящныхъ Наукъ съ своими примѣчаніями. Сѣли за ужинъ,— самый Аѳинскій; только что вино пили мы не изъ чашъ, цвѣтами оплетенныхъ, а изъ простыхъ Саксонскихъ рюмокъ. Всѣ были веселы и говорливы; хотѣли, чтобы и я говорилъ, и спрашивали меня о нашей Литературѣ. Они очень удивились, слыша отъ меня, что десять пѣсней Мессіады переведены на Русской языкъ. «Я не думалъ бы — сказалъ молодой Профессоръ Поэзіи — чтобы въ вашемъ языкѣ можно было найти выраженія для Клопштоковыхъ идей». Еще то скажу вамъ, промолвилъ я, что переводъ вѣренъ и ясенъ. — Въ доказательство, что нашъ языкъ не противенъ ушамъ, читалъ я имъ Русскіе стихи разныхъ мѣръ, и они чувствовали ихъ опредѣленную гармонію. Говоря о нашихъ оригинальныхъ произведеніяхъ, прежде всѣхъ наименовалъ я двѣ Эпическія Поэмы, Россіяду и Владиміра, которыя должны имя творца своего сдѣлать незабвеннымъ въ Исторіи Россійской Поэзіи.—Платнеръ игралъ за ужиномъ первую ролю, т. е. онъ управлялъ разговоромъ. Въ десять часовъ встали, пожелали другъ другу добраго вечера, и разошлись. Платнеръ не позволилъ мнѣ заплатить за ужинъ: что для меня не совсѣмъ пріятно было.—Такимъ образомъ избранные Лейпцигскіе Ученые ужинаютъ вмѣстѣ одинъ разъ въ недѣлю, и проводятъ вечеръ въ пріятныхъ разговорахъ...

Веймаръ, Іюля 20-го. Узнавъ, что Гердеръ наконецъ дома, пошелъ я къ нему. У него одна мысль, сказалъ объ немъ какой-то Нѣмецкой Авторъ, и сія мысль есть цѣлый міръ. Я читалъ его Urkunde des menschlichen Geschlechts, читалъ, многаго не понималъ; но что понималъ, то находилъ прекраснымъ. Въ какихъ картинахъ изображаетъ онъ твореніе! Какое восточное великолѣпіе!—Я читалъ его Бога, одно изъ новѣйшихъ сочиненій, въ которомъ онъ доказываетъ, что Спиноза былъ глубокомысленный Философъ и ревностный чтитель Божества, отъ пантеизма и атеизма равно удаленный. Гердеръ сообщаетъ тутъ и свои мысли о Божествѣ и твореніи, прекрасныя, утѣшительныя для человѣка мысли. Чтеніе сей маленькой книжки усладило нѣсколько часовъ въ моей жизни. Я выписалъ изъ нее многія мѣста, которыя мнѣ отмѣнно полюбились...

Онъ встрѣтилъ меня еще въ сѣняхъ, и обошелся со мною такъ ласково, что я забылъ въ немъ великаго Автора, я видѣлъ передъ собою только любезнаго, привѣтливаго человѣка.—Онъ разспрашивалъ меня о политическомъ состояніи Россіи, но съ отмѣнною скромностію. Потомъ разговоръ обратился на Литературу, и слыша отъ меня, что я люблю Нѣмецкихъ поэтовъ, спросилъ онъ, кого изъ нихъ предпочитаю всѣмъ другимъ? Сей вопросъ привелъ меня въ затрудненіе. Клопштока, отвѣчалъ я запинаясь, почитаю самымъ выспреннимъ изъ Пѣвцовъ Германскихъ. «И справедливо, сказалъ Гердеръ: только его читаютъ менѣе, нежели другихъ, и я знаю многихъ, которые въ Мессіадѣ на десятой пѣсни остановились съ тѣмъ, чтобъ ужъ никогда не приниматься за эту славную поэму».—Онъ хвалилъ Виланда, а особливо Гете—и велѣвъ маленькому своему сыну принести новое изданіе его сочиненій, читалъ мнѣ съ живостію нѣкоторыя изъ его прекрасныхъ мелкихъ стихотвореній. Особливо нравится ему маленькая піеса, подъ именемъ Meine Göttin...

«Это совершенно по-Гречески, сказалъ онъ—и какой языкъ! какая чистота! какая легкость!» — Гердеръ, Гете и подобные имъ, присвоившіе себѣ духъ древнихъ Грековъ, умѣли и языкъ свой сблизить съ Греческимъ и сдѣлать его самымъ богатымъ и для Поэзіи удобнѣйшимъ языкомъ; и потому ни Французы, ни Англичане не имѣютъ такихъ хорошихъ переводовъ съ Греческаго, какими обогатили нынѣ Нѣмцы свою Литературу. Гомеръ у нихъ Гомеръ: та же неискусственная, благодарная простота въ языкѣ, которая была душею древнихъ временъ...

Въ каретѣ дорогою. Уже я наслаждаюсь Швейцаріею, милые друзья мои! Всякое дуновеніе вѣтерка проницаетъ, кажется, въ сердце мое и развѣваетъ въ немъ чувство радости. Какія мѣста! какія мѣста! Отъѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я выскочилъ изъ кареты, упалъ на цвѣтущій берегъ зеленаго Реина, и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю. Щастливые Швейцарцы! всякой ли день, всякой ли часъ благодарите вы Небо за свое щастіе, живучи въ объятіяхъ прелестной Натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ, и служа одному Богу? Вся жизнь ваша есть конечно пріятное сновидѣніе, и самая роковая стрѣла должна кротко влетать въ грудь вашу, не возмущаемую свирѣпыми стра-

стями!—Такъ, друзья мои! я думаю, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей Природы. Думаю, и на сей разъ увѣренъ, что онъ не есть врожденное чувство нашего сердца. Ахъ! естьли бы теперь, въ самую сію минуту, надлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно Природы, съ полнымъ увѣреніемъ, что она зоветъ меня къ новому щастію; что измѣненіе существа моего есть возвышеніе красоты, перемѣна изящнаго на лучшее. И всегда, милые друзья мои, всегда, когда я духомъ своимъ возвращаюсь въ первоначальную простоту натуры человѣческой—когда сердце мое отверзается впечатлѣніямъ красотъ Природы—чувствую я то же, и не нахожу въ смерти ничего страшнаго. Высочайшая Благость не была бы высочайшею Благостію, естьли бы Она съ которой нибудь стороны не усладила для насъ всѣхъ необходимостей—и съ сей-то услажденной стороны должны мы прикасаться къ нимъ устами нашими!—Прости мнѣ, мудрое Провидѣніе, естьли я когда нибудь какъ буйный младенецъ, проливая слезы досады, ропталъ на жребій человѣка! Теперь, погружаясь въ чувство Твоей благости, лобызаю невидимую руку Твою, меня ведущую!—

Мы ѣдемъ подлѣ Рейна, съ ужаснымъ шумомъ и волненіемъ стремящагося между тихихъ луговъ и садовъ виноградныхъ. Тутъ мальчики и маленькія дѣвочки играютъ, рвутъ цвѣты и бросаютъ ими другъ въ друга; тамъ покойный селянинъ, насвистывая веселую пѣсню, поправляетъ въ саду своемъ сошки, увигыя гибкимъ виноградным стеблемъ—смотритъ на проѣзжихъ, и ласковымъ мановеніемъ желаетъ имъ добраго дня. — Высокія горы у насъ передъ глазами; но Альпы скрываются еще въ лазури отдаленія. Юра изгибаетъ за нами хребетъ свой, отбрасывающій синюю тѣнь на долины. — Нѣтъ, я не могу писать; красоты, меня окружающія, отвлекаютъ глаза мои отъ бумаги.

Арау, въ 8 часовъ вечера. ...Мѣста и дороги въ Бернскомъ Кантонѣ лучше, нежели въ Цюрихскомъ. Ничего не можетъ быть прекраснѣе здѣшнихъ луговъ, обсаженныхъ плодовитыми деревьями, и пересѣкаемыхъ многими ручейками, которые то соединяются, то опять на разные рукава раздѣляются, и образуютъ водяный, запутанный лабиринтъ. Тамъ видны алеи, самою Природою насажденныя; здѣсь густые лѣсочки, прохладу странникамъ обѣщающіе.—Въ деревняхъ находите вы порядокъ и чистоту. Всѣ крестьянскіе домы покрыты соломою, и раздѣляются обыкновенно на двѣ половины: одна состоитъ изъ двухъ горницъ и кухни, а другая изъ сѣннаго магазина, житницъ и хлѣбовъ. Не увидите вы здѣсь ничего гніющаго, непочиненнаго; во всемъ соблюдена удобность, и все необходимое въ изобиліи и совершенствѣ. Сіе, можно сказать, цвѣтущее состояніе Швейцарскихъ земледѣльцевъ происходитъ наиболѣе отъ того, что они не платятъ почти никакихъ податей, и живутъ въ совершенной свободѣ и независимости, отдавая Правленію только десятую часть изъ собираемыхъ ими полевыхъ плодовъ, хотя между ними есть такіе, которые имѣютъ по пятидесяти тысячъ рублей капиталу, однакожь всѣ они одѣваются очень просто, и лѣтомъ ходятъ обыкновенно въ камзолахъ изъ толстаго полотна; а въ праздники надѣваютъ суконные кафтаны, по большой части синіе

или дикіе. Женщины носятъ желтыя соломенныя шляпы, красные стамедные корсеты съ крючками и юбки темнаго цвѣта; а волосы заплетаютъ въ косы. Шею свою покрываютъ бѣлою косынкою, перевязывая ее черною бархатною лентою...

Пастушьи хижины на Альпійскихъ горахъ, въ 9 часовъ утра. Въ четыре часа разбудилъ меня проводникъ мой. Я вооружился Геркулесовскою палицею — пошелъ — съ благоговѣніемъ ступилъ первый шагъ на Альпійскую гору и съ бодростію началъ взбираться на крутизну. Утро было холодно; но скоро почувствовалъ я жаръ, и скинулъ съ себя теплый сюртукъ. Черезъ четверть часа усталость подкосила ноги мои — и потомъ каждую минуту надлежало мнѣ отдыхать. Кровь моя волновалась такъ сильно, что мнѣ можно было слышать біеніе своего пульса. Я прошелъ мимо громады большихъ камней, которые за десять лѣтъ передъ симъ свалились съ вершины горы, и могли бы превратить въ пыль цѣлый городъ. Почти безпрестанно слышалъ я глухой шумъ, происходящій отъ катящагося съ горъ снѣга. Горе тому несчастному страннику, который встрѣтится симъ падающимъ снѣжнымъ кучамъ! Смерть его неизбѣжна. — Болѣе четырехъ часовъ шелъ я все въ гору, по узкой каменной дорожкѣ, которая иногда совсѣмъ пропадала; наконецъ достигъ до цѣли своихъ пламенныхъ желаній, и ступилъ на вершину горы, гдѣ вдругъ произошла во мнѣ удивительная перемѣна. Чувство усталости исчезло; силы мои возобновились; дыханіе мое стало легко и свободно; необыкновенное спокойствіе и радость разлились въ моемъ сердцѣ. Я преклонилъ колѣна, устремивъ взоръ свой на небо, и принесъ жертву сердечнаго моленія—Тому, Кто въ сихъ гранитахъ и снѣгахъ напечатлѣлъ столь явственно Свое всемогущество, Свое величіе, Свою вѣчность!.. Друзья мои! я стоялъ на высочайшей ступени, на которую смертные восходить могутъ для поклоненія Всевышнему... Языкъ мой не могъ произнести ни слова; но я никогда такъ усердно не молился, какъ въ сію минуту...

Женева. Не давно былъ я на островѣ Св. Петра, гдѣ величайшій изъ писателей осьмаго-надесять вѣка укрывался отъ злобы и предразсужденій человѣческихъ. которыя, какъ Фуріи, гнали его изъ мѣста въ мѣсто. День былъ очень хорошъ. Въ нѣсколько часовъ исходилъ я весь островъ, и вездѣ искалъ слѣдовъ Женевскаго гражданина и Философа: подъ вѣтвями древнихъ буковъ и каштановыхъ деревъ, въ прекрасныхъ аллеяхъ мрачнаго лѣса, на лугахъ поблекшихъ и на кремнистыхъ свѣсахъ берега. «Здѣсь, думалъ я, здѣсь, забывъ жестокихъ и неблагодарныхъ людей... неблагодарныхъ и жестокихъ! Боже мой! какъ горестно это чувствовать и писать!.. здѣсь, забывъ всѣ бури мірскія, наслаждался онъ уединеніемъ и тихимъ вечеромъ жизни; здѣсь отдыхала душа его послѣ великихъ трудовъ своихъ; здѣсь въ тихой, сладостной дремотѣ покоились его чувства! Гдѣ онъ? Все осталось, какъ при немъ было; но его нѣтъ — нѣтъ! Тутъ послышалось мнѣ, что и лѣсъ и луга вздохнули, или повторили глубокой вздохъ моего сердца. Я смотрѣлъ вокругъ себя—и весь островъ показался мнѣ въ траурѣ. Печальный флеръ

зимы лежалъ на Природѣ.—Ноги мои устали. Я сѣлъ на краю острова. Бильское озеро свѣтлѣло и покоилось во всемъ пространствѣ своемъ; на берегахъ его дымились деревни; вдали видны были городки Биль и Нидау. Воображеніе мое представило плывущую по зеркальнымъ водамъ лодку; зефиръ вѣялъ вокругъ ее, и правилъ ею вмѣсто кормчаго. Въ лодкѣ лежалъ старецъ почтеннаго вида, въ Азіатской одеждѣ; взоры его, устремленные на небеса, показывали великую душу, глубокомысліе, пріятную задумчивость. Это онъ, онъ, — тотъ, кого выгнали изъ Франціи, Женевы, Нешателя—какъ будто бы за то, что Небо одарило его отмѣннымъ разумомъ; что онъ былъ добръ, нѣженъ и человѣколюбивъ!..

Я сидѣлъ въ задумчивости, и вдругъ увидѣлъ молодого человѣка, который, нахлобучивъ себѣ на глаза круглую шляпу, тихими шагами ко мнѣ приближался: въ правой рукѣ была у него книга. Онъ остановился, взглянулъ на меня, и сказавъ: Vous pensez à lui (вы объ немъ думаете), пошелъ прочь такими же тихими шагами. Я не успѣлъ ему отвѣчать и хорошенько посмотрѣть на него; но выговоръ его и зеленый фракъ съ золотыми пуговицами увѣрили меня, что онъ Англичанинъ...

Рѣка Сона. ...На обѣихъ сторонахъ рѣки простираются зеленыя равнины; изрѣдка видны пригорки и холмики: вездѣ прекрасныя деревеньки, какихъ не находилъ я ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи; сады, лѣтніе домики богатыхъ купцовъ, дворянскіе замки съ высокими башнями; вездѣ земля обработана наилучшимъ образомъ; вездѣ видно трудолюбіе и богатые плоды его.

Я воображаю себѣ первобытное состояніе сихъ цвѣтущихъ береговъ... Здѣсь журчала Сона въ дичи и мракѣ; темные лѣса шумѣли надъ ея водами; люди жили какъ звѣри, укрываясь въ глубокихъ пещерахъ, или подъ вѣтвями столѣтнихъ дубовъ—какое превращеніе!.. Сколько вѣковъ потребно было на то, чтобы сгладить съ натуры всѣ знаки первобытной дикости.

Но можетъ быть, друзья мои, можетъ быть въ теченіе времени сіи мѣста опять запустѣютъ и одичаютъ; можетъ быть черезъ нѣсколько вѣковъ... явятся здѣсь хищные звѣри и заревутъ какъ въ пустынѣ Африканской!.. Горестная мысль!

Наблюдайте движенія Природы; читайте исторію народовъ; поѣзжайте въ Сирію, въ Египетъ, въ Грецію—и скажите, чего ожидать не возможно? Все возвышается или упадаетъ; народы земные подобны цвѣтамъ весеннимъ; они увядаютъ въ свое время — придетъ странникъ, который удивлялся нѣкогда красотѣ ихъ; придетъ на то мѣсто, гдѣ цвѣли они... и печальный мохъ представится глазамъ его!

Кто поручится, чтобы вся Франція—сіе прекраснѣйшее въ свѣтѣ государство, прекраснѣйшее по своему климату, своимъ произведеніямъ, своимъ жителямъ, своимъ искусствамъ и художествамъ—рано или поздно не уподобилась нынѣшнему Египту.

Одно утѣшаетъ меня — то, что съ паденіемъ народовъ не упадаетъ весь родъ человѣческій; одни уступаютъ свое мѣсто другимъ—и естьли запустѣетъ

Европа, то въ срединѣ Африки или въ Канадѣ процвѣтутъ новыя политическія общества, процвѣтутъ науки, искусства и художества.

Тамъ, гдѣ жили Гомеры и Платоны, живутъ нынѣ невѣжды и варвары, но за то въ сѣверной Европѣ существуетъ пѣвецъ Мессіады, которому самъ Гомеръ отдалъ бы лавровый вѣнецъ свой; за то у подошвы горы видимъ Боннета, а въ Кенигсбергѣ Канта, предъ которымъ Платонъ въ разсужденіи философіи есть младенецъ...

Парижъ, 27 Марта, 1790. Мы приближались къ Парижу, и я безпрестанно спрашивалъ, скоро ли увидимъ его? Наконецъ открылась обширная равнина, а на равнинѣ, во всю длину ея, Парижъ!.. Жадные взоры наши устремились на сію необозримую громаду зданій — и терялись въ ея густыхъ тѣняхъ. Сердце мое билось. «Вотъ онъ (думалъ я)—вотъ городъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ былъ образцомъ всей Европы, источникомъ вкуса, модъ—котораго имя произносится съ благоговѣніемъ учеными и неучеными, Философами и щеголями, художниками и невѣждами, въ Европѣ и въ Азіи, въ Америкѣ и въ Африкѣ—котораго имя стало мнѣ извѣстно почти вмѣстѣ съ моимъ именемъ: о которомъ такъ много читалъ я въ романахъ, такъ много мечталъ и думалъ!.. Вотъ онъ! я его вижу, и буду въ немъ!»—Ахъ, друзья мои! сія минута была одною изъ пріятнѣйшихъ минутъ моего путешествія! Ни къ какому городу не приближался я съ такимъ любопытствомъ,—съ такимъ нетерпѣніемъ!..

Парижъ, 2 Апрѣля, 1790. Я въ Парижѣ! Эта мысль производитъ въ душѣ моей какое-то особливое, быстрое, неизъяснимое, пріятное движеніе... я въ Парижѣ! говорю самъ себѣ, и бѣгу изъ улицы въ улицу, изъ Тюльери въ Поля Елисейскія: вдругъ останавливаюсь, на все смотрю съ отмѣннымъ любопытствомъ: на домы, на кареты, на людей. Что было мнѣ извѣстно по описанію, вижу теперь собственными глазами—веселюсь и радуюсь живою картиною величайшаго, славнѣйшаго города въ свѣтѣ, чуднаго, единственнаго по разнообразію своихъ явленій.—

Пять дней прошли для меня какъ пять часовъ: въ шумѣ, во многолюдствѣ, въ спектакляхъ, въ волшебномъ замкѣ Пале-Рояль. Душа моя наполнена живыми впечатлѣніями: но я не могу самому себѣ дать въ нихъ отчета: и не въ состояніи сказать вамъ ничего связнаго о Парижѣ. Пусть любопытство мое насыщается: а послѣ будетъ время разсуждать, описывать, хвалить, критиковать.— Теперь замѣчу одно то, что кажется мнѣ главною чертою въ характерѣ Парижа: отмѣнную живость народныхъ движеній, удивительную скорость въ словахъ и дѣлахъ. Система Декартовыхъ вихрей могла родиться только въ головѣ Француза, Парижскаго жителя. Здѣсь все спѣшитъ куда-то: всѣ, кажется, перегоняютъ другъ друга; ловятъ, хватаютъ мысли; угадываютъ, чего вы хотите, чтобъ какъ можно скорѣе васъ отправить. Какая страшная противоположность—на примѣръ съ важными Швейцарами, которые ходятъ всегда размѣренными шагами, слушаютъ васъ съ величайшимъ вниманіемъ, приводящимъ въ краску стыдливаго,

скромнаго человѣка; слушаютъ и тогда, когда вы уже говорить перестали; соображаютъ ваши слова, и отвѣчаютъ такъ медленно, такъ осторожно, боясь, что они васъ не понимаютъ! А Парижской житель хочетъ всегда отгадывать: вы еще не кончили вопроса, онъ сказалъ отвѣтъ свой, поклонился и ушелъ.

. . . . . .

Парижъ, Іюня... 1790... Скажу: огонь, воздухъ—и характеръ Французовъ описанъ. Я не знаю народа умнѣе, пламеннѣе и вѣтреннѣе вашего [1]). Кажется, будто онъ выдумалъ, или для него выдумано общежитіе: столь мила его обходительность, и столь удивительны его тонкія соображенія въ искусствѣ жить съ людьми! Сіе искусство кажется въ немъ любезною природою. Никто, кромѣ его, не умѣетъ приласкать человѣка однимъ видомъ, одною вѣжливою улыбкою. Напрасно Англичанинъ или Нѣмецъ захотѣлъ бы учиться ей передъ зеркаломъ: на лицѣ ихъ она чужая, принужденная. Я хочу жить и умереть въ моемъ любезномъ отечествѣ; но послѣ Россіи нѣтъ для меня земли пріятнѣе Франціи, гдѣ иностранецъ часто забывается, что онъ не между своими. Говорятъ, что здѣсь трудно найти искренняго, вѣрнаго друга... Ахъ друзья вездѣ рѣдки: и чужеземцу ли искать ихъ, тому, кто, подобно Кометѣ, являясь исчезаетъ? Дружба есть потребность жизни; всякой хочетъ для нее предмета надежнаго. Но все, чего по справедливости могу требовать отъ чужихъ людей, Французъ предлагаетъ мнѣ съ ласкою, съ букетомъ цвѣтовъ. Вѣтренность, непостоянство, которыя составляютъ порокъ его характера, соединяются въ немъ съ любезными свойствами души, происходящими нѣкоторымъ образомъ отъ сего самаго порока. Французъ непостояненъ — и не злопамятенъ; удивленіе, похвала, можетъ скоро ему наскучить: ненависть также. Но вѣтренности оставляетъ онъ доброе, избираетъ вредное: за то самъ первый смѣется надъ своею ошибкою—и даже плачетъ, естьли надобно. Веселая безразсудность есть милая подруга жизни его. Какъ Англичанинъ радуется открытію новаго острова, такъ Французъ радуется острому слову. Чувствителенъ до крайности, страстно влюбляется въ истину, въ славу, въ великія предпріятія: но любовники непостоянны! Минуты его жара, изступленія, ненависти, могутъ имѣть страшныя слѣдствія: чему примѣромъ служитъ Революція. Жаль, естьли эта ужасная политическая перемѣна должна перемѣнить и характеръ народа, столь веселаго, остроумнаго, любезнаго!

Я оставилъ тебя, любезный Парижъ, оставилъ съ сожалѣніемъ и благодарностію! Среди шумныхъ явленій твоихъ жилъ я спокойно и весело, какъ безпечный гражданинъ вселенной; смотрѣлъ на твое волненіе съ тихою душею, какъ мирный пастырь смотритъ съ горы на бурное море. Ни Якобинцы, ни Аристократы твои не сдѣлали мнѣ никакого зла; я слышалъ споры, и не спорилъ; ходилъ въ великолѣпные храмы твои наслаждаться глазами и слухомъ: тамъ, гдѣ свѣтозарный Богъ Искусствъ сіяетъ въ лучахъ ума и талантовъ; тамъ, гдѣ Геній

[1]) Этотъ отрывокъ написанъ въ формѣ письма къ француженкѣ. *Прим. К. С.*

славы величественно покоится на лаврахъ! Я не умѣлъ описать всѣхъ пріятныхъ впечатлѣній своихъ, не умѣлъ всѣмъ пользоваться, но выѣхалъ изъ тебя не съ пустою душею: въ ней остались идеи и воспоминанія! Можетъ быть, когда нибудь еще увижу тебя и сравню прежнее съ настоящимъ; можетъ быть порадуюсь тогда большею зрѣлостію своего духа, или вздохну о потерянной живости чувства. Съ какимъ удовольствіемъ взошелъ бы я еще на гору Валеріанскую, откуда взоръ мой леталъ по твоимъ живописнымъ окрестностямъ! Съ какимъ удовольствіемъ, сидя во мракѣ Булонскаго лѣса, снова развернулъ бы передъ собою свитокъ исторіи, чтобы найти въ ней предсказаніе будущаго! Можетъ быть тогда все темное для меня изъяснится; можетъ быть тогда еще болѣе полюблю человѣчество; или закрывъ лѣтописи, перестану заниматься его судьбою...

Дувръ. Берегъ! берегъ! Мы въ Дуврѣ, я въ Англіи—въ той землѣ, которую въ ребячествѣ своемъ любилъ я съ такимъ жаромъ, и которая по характеру жителей и степени народнаго просвѣщенія есть конечно одно изъ первыхъ государствъ Европы.—Здѣсь все другое: другіе домы, другія улицы, другіе люди, другая пища—однимъ словомъ, мнѣ кажется, что я переѣхалъ въ другую часть свѣта.

Лондонъ, Іюля... 1790. Парижъ и Лондонъ, два первые города въ Европѣ, были двумя Фаросами моего путешествія, когда я сочинялъ планъ его. Наконецъ вижу и Лондонъ.

Естьли великолѣпіе состоитъ въ огромныхъ зданіяхъ, которыя, подобно гранитнымъ утесамъ, гордо возвышаются къ небу, то Лондонъ совсѣмъ не великолѣпенъ. Проѣхавъ двадцать или тридцать лучшихъ улицъ, я не видалъ ни однихъ величественныхъ палатъ, ни одного огромнаго дому. Но длинныя широкія, гладко-вымощенныя улицы; большими камнями устланныя дороги для пѣшихъ; двери домовъ, сдѣланныя изъ краснаго дерева, натертыя воскомъ и блестящія какъ зеркало: безпрерывный рядъ фонарей на обѣихъ сторонахъ; красивыя площади (Squares), гдѣ представляются вамъ статуи или другіе историческіе монументы; подъ домами богатыя лавки, гдѣ, сквозь стеклянныя двери, съ улицы видите множество всякаго рода товаровъ; рѣдкая чистота, опрятность въ одеждѣ людей самыхъ простыхъ, и какое-то общее благоустройство во всѣхъ предметахъ—образуютъ картину неописанной пріятности, и вы сто разъ повторяете: Лондонъ прекрасенъ! Какая разница съ Парижемъ! Тамъ огромность и гадость, здѣсь простота съ удивительною чистотою; тамъ роскошь и бѣдность въ вѣчной противоположности, здѣсь единообразіе общаго достатка; тамъ палаты, изъ которыхъ ползутъ блѣдные люди въ раздранныхъ рубищахъ: здѣсь изъ маленькихъ кирпичныхъ домиковъ выходятъ Здоровье и Довольствіе, съ благороднымъ и спокойнымъ видомъ—Лордъ и ремесленникъ, чисто одѣтые, почти безъ всякаго различія; тамъ распудренный, разряженный человѣкъ тащится въ скверномъ фіакрѣ, здѣсь поселянинъ скачетъ въ хорошей каретѣ на двухъ гордыхъ коняхъ; тамъ грязь и мрачная тѣснота, здѣсь все сухо и гладко—вездѣ свѣтлый просторъ, не смотря на многолюдство!

Лондонъ, Іюля... 1790. Нынѣшній день провелъ я какъ Говардъ—осматривалъ темницы—хвалилъ попечительность Англійскаго Правленія, сожалѣлъ о людяхъ и гнушался людьми. Лучше, естьли бы совсѣмъ не было нужды въ тюрьмахъ, но когда бѣдный человѣкъ все еще проказитъ и безумствуетъ, то Англійскія должно назвать благодѣяніемъ человѣчества, и Французская пословица: il n'y a point de belles prisons здѣсь отчасти несправедлива.

Я хотѣлъ видѣть прежде всего Лондонское судилище, Justice-Hall, гдѣ акждыя 6 недѣль сбираются такъ называемые присяжные, Jury, и судьи для рѣшенія уголовныхъ дѣлъ. Здѣсь, друзья мои, отдайте пальму Англійскимъ законодателямъ, которые умѣли жестокое правосудіе смягчить человѣколюбіемъ, не забыли ничего для спасенія невинности и не боялись излишнихъ предосторожностей...

Лондонъ, Сентябрь... 1790. Было время, когда я, почти не видавъ Англичанъ, восхищался ими, и воображалъ Англію самою пріятнѣйшею для сердца моего землею. Съ какимъ восторгомъ, будучи пансіонеромъ Профессора Ш*, читалъ я во время Американской войны донесенія торжествующихъ Британскихъ Адмираловъ! Родней, Гоу, не сходили у меня съ языка; я праздновалъ побѣды ихъ и звалъ къ себѣ въ гости маленькихъ сочениковъ моихъ. Мнѣ казалось, что быть храбрымъ есть... быть Англичаниномъ—великодушнымъ, тоже—чувствительнымъ, тоже: истиннымъ человѣкомъ, тоже. Романы, естьли не ошибаюсь, были главнымъ основаніемъ такого мнѣнія. Теперь вижу Англичанъ вблизи, отдаю имъ справедливость, хвалю ихъ—но похвала моя такъ холодна, какъ они сами.

Во-первыхъ, я не хотѣлъ бы провести жизнь мою въ Англіи для климата, сыраго, мрачнаго, печальнаго. Знаю, что и въ Сибири можно быть щастливымъ, когда сердце довольно и радостно; но веселой климатъ дѣлаетъ насъ веселѣе, а въ грусти и въ меланхоліи здѣсь скорѣе нежели гдѣ нибудь захочется застрѣлиться. Рощи, парки, луга, сады: все это прекрасно въ Англіи; но все это покрыто туманами, мракомъ и дымомъ земляныхъ угольевъ. Рѣдко, рѣдко проглянетъ солнце, и то не надолго; а безъ него худо жить на свѣтѣ. Кланяйся отъ меня солнцу, писалъ нѣкто отъ сюда къ своему пріятелю въ Неаполь: я уже давно не видался съ нимъ. Англійская зима не такъ холодна, какъ наша, за то у насъ бываютъ красные дни, которые здѣсь и лѣтомъ рѣдки. Какъ же Англичанину не смотрѣть Сентябремъ?

Во-вторыхъ—холодный характеръ ихъ мнѣ совсѣмъ не нравится. Это Волканъ, покрытый льдомъ, сказалъ мнѣ разсмѣявшись одинъ Французскій Эмигрантъ. Но я стою, гляжу, пламени не вижу, а между тѣмъ зябну. Русское мое сердце любитъ изливаться въ искреннихъ живыхъ разговорахъ; любитъ игру глазъ, скорыя перемѣны лица, выразительное движеніе руки. Англичанинъ молчаливъ, равнодушенъ, говоритъ какъ читаетъ, не обнаруживая никогда быстрыхъ душевныхъ стремленій, которыя потрясаютъ электрически всю нашу физическую систему. Говорятъ, что онъ глубокомысленнѣе другихъ: не для того ли, что кажется глубокомысленнымъ? не потому ли, что густая кровь движется въ немъ медленнѣе и

даетъ ему видъ задумчиваго, часто безъ всякихъ мыслей? Примѣръ Бакона, Невтона, Локка, Гоббеса, ничего не доказываетъ. Геніи родятся во всѣхъ земляхъ; вселенная отечество ихъ—и можно ли по справедливости сказать, чтобы (напримѣръ) Локкъ былъ глубокомысленнѣе Декарта и Лейбница?

Но что Англичане просвѣщены и разсудительны, соглашаюсь: здѣсь ремесленники читаютъ Юмову Исторію, служанка Йориковы проповѣди и Клариссу; здѣсь лавошникъ разсуждаетъ основательно о торговыхъ выгодахъ своего отечества, и земледѣлецъ говоритъ вамъ о Шериданомъ краснорѣчіи; здѣсь газеты и журналы у всѣхъ въ рукахъ, не только въ городѣ, но и въ маленькихъ деревенькахъ.

Фильдингъ утверждаетъ, что ни на какомъ языкѣ нельзя выразить смысла Англійскаго слова humour, означающаго и веселость и шутливость, и замысловатость: изъ чего заключаетъ, что его нація преимущественно имѣетъ сіи свойства. Замысловатость Англичанъ видна развѣ только въ ихъ каррикатурахъ, шутливость въ народныхъ глупыхъ театральныхъ фарсахъ, а веселости ни въ чемъ не вижу—даже на самыя смѣшныя каррикатуры смотрятъ они съ преважнымъ видомъ! а когда смѣются, то смѣхъ ихъ походитъ на истерической. Нѣтъ, нѣтъ, гордые цари морей, столь же мрачные, какъ туманы, которые носятся надъ стихіею славы вашей! оставьте недругамъ вашимъ, Французамъ, всякую игривость ума. Будьте разсудительны, естьли вамъ угодно: но позвольте мнѣ думать, что вы не имѣете тонкости, пріятности разума и того живого сліянія мыслей, которое производитъ общественную любезность. Вы разсудительны—и скучны!.. Сохрани меня Богъ, чтобы я тоже сказалъ объ Англичанкахъ! Онѣ милы своею красотою и чувствительностью, которая столь выразительно изображается въ ихъ глазахъ: довольно для ихъ совершенства и щастія супруговъ! о чемъ я уже писалъ къ вамъ; а теперь судимъ только мущинъ.

Англичане любятъ благотворить, любятъ удивлять своимъ великодушіемъ, и всегда помогутъ нещастному, какъ скоро увѣрены, что онъ не притворяется нещастнымъ. Въ противномъ случаѣ скорѣе дадутъ ему умереть съ голода, нежели помогутъ, боясь обмана, оскорбительнаго для ихъ самолюбія...

Англичане честны: у нихъ есть нравы, семейная жизнь, союзъ родства и дружбы... Позавидуемъ имъ! Ихъ слово, пріязнь, знакомство надежны: дѣйствіе, можетъ быть, ихъ общаго духа торговли, которая пріучаетъ людей уважать и хранить довѣренность со всѣми ея оттѣнками. Но строгая честность не мѣшаетъ имъ быть тонкими эгоистами. Таковы они въ своей торговлѣ, политикѣ и частныхъ отношеніяхъ между собою. Все придумано, все разочтено, и послѣднее слѣдствіе есть... личная выгода. Замѣтьте, что холодные люди вообще бываютъ великіе эгоисты. Въ нихъ дѣйствуетъ болѣе умъ, нежели сердце: умъ же всегда обращается къ собственной пользѣ, какъ магнитъ къ сѣверу. Дѣлать добро, не зная для чего, есть дѣло нашего бѣднаго безразсуднаго сердца...

Они горды—и всего болѣе гордятся своею Конституціею. Я читалъ здѣсь Делольма съ великимъ вниманіемъ. Законы хороши; но ихъ надобно еще хорошо исполнять, чтобы люди были щастливы. На примѣръ, Англійскій Министръ, на-

блюдая только нѣкоторыя формы, или законныя обыкновенія, можетъ дѣлать все, что ему угодно; сыплетъ деньгами, обѣщаетъ мѣста, и Члены Парламента готовы служить ему. Малочисленные его противники спорятъ, кричатъ и болѣе ничего. Но важно то, что Министръ всегда долженъ быть отмѣнно умнымъ человѣкомъ, для сильнаго, яснаго и скораго отвѣта на всѣ возраженія противниковъ; еще важнѣе то, что ему опасно во зло употреблять власть свою. Англичане просвѣщены, знаютъ наизусть свои истинныя выгоды, и естьли бы какой нибудь Питтъ вздумалъ явно дѣйствовать противъ общей пользы, то онъ непремѣнно бы лишился большинства голосовъ въ Парламентѣ, какъ волшебникъ своего талисмана. И такъ не Конституція, а просвѣщеніе Англичанъ есть истинный ихъ Палладіумъ. Всякія гражданскія учрежденія должны быть соображены съ характеромъ народа; что хорошо въ Англіи, то будетъ дурно въ иной землѣ. Не даромъ сказалъ Солонъ: мое учрежденіе есть самое лучшее, но только для Аѳинъ. Впрочемъ всякое правленіе, котораго душа есть справедливость, благотворно и совершенно.

Кто думаетъ, что щастье состоитъ въ богатствѣ и въ избыткѣ вещей, тому надобно показать многихъ здѣшнихъ Крезовъ, осыпанныхъ средствами наслаждаться, теряющихъ вкусъ ко всѣмъ наслажденіямъ и задолго до смерти умирающихъ душею. Вотъ Англійскій сплинъ! Эту нравственную болѣзнь можно назвать и Русскимъ именемъ: скукою, извѣстною во всѣхъ земляхъ, но здѣсь болѣе, нежели гдѣ нибудь, отъ климата, тяжелой пищи, излишняго покоя, близкаго къ усыпленію. Человѣкъ странное существо! въ заботахъ и безпокойствѣ жалуется; все имѣетъ, обезпеченъ и—зѣваетъ. Богатый Англичанинъ отъ скуки путешествуетъ, отъ скуки дѣлается охотникомъ, отъ скуки мотаетъ, отъ скуки женится, отъ скуки стрѣляется. Они бываютъ нещастливы отъ щастья! Я говорю о здѣшнихъ праздныхъ богачахъ, которыхъ дѣды нажились въ Индіи; а дѣятельные, управляя всемірною торговлею и вымышляя новые способы играть мнимыми нуждами людей, не знаютъ сплина...

Наконецъ—естьли бы однимъ словомъ надлежало означить народное свойство Англичанъ—я назвалъ бы ихъ угрюмыми, такъ какъ Французовъ легкомысленными, Италіянцевъ коварными. Видѣть Англію очень пріятно; обычаи народа, успѣхи просвѣщенія и всѣхъ искусствъ достойны примѣчанія и занимаютъ умъ вашъ. Но жить здѣсь для удовольствій общежитія, есть искать цвѣтовъ на песчаной долинѣ—въ чемъ согласны со мною всѣ иностранцы, съ которыми удавалось мнѣ познакомиться въ Лондонѣ и говорить о томъ. Я и въ другой разъ пріѣхалъ бы съ удовольствіемъ въ Англію, но выѣду изъ нея безъ сожалѣнія.

Книгоиздательство Типо-Литографіи «Энергія».
С.-Петербургъ, Загородн. пр., 17.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССІИ

Учебнаго Отдѣла О-ва Распространенія Техническихъ Знаній.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ издательство выпускаетъ рядъ книгъ по исторіи русской культуры, общественной жизни и литературы.

Каждая книга содержитъ руководящую статью составителя, наиболѣе характерный и цѣнный документальный матеріалъ (хрестоматію) по разсматриваемому составителемъ вопросу и примѣчанія къ матеріаламъ.

Настоящая библіотека должна служить, какъ ЦѢЛЯМЪ САМООБРАЗОВАНІЯ, такъ и ПОСОБІЕМЪ для студентовъ, учениковъ старш. кл. ср.-уч. зав. и вообще всѣхъ, изучающихъ исторію культурнаго развитія Россіи.

Въ первую серію вошли слѣдующія названія:

БОГОЛЮБОВЪ, В. А. Екатерина II.

БОЧКАРЕВЪ, В. Н. Московское государство XV—XVII вв. по сказаніямъ иностранцевъ-современниковъ. Ц. 90 к.

БРОДСКІЙ, Н. Л. Литературные кружки 30—40 гг.

КАТАЕВЪ, И. М. Русская бюрократія дореформеннаго времени въ запискахъ, мемуарахъ и литературѣ.

КОВАЛЕНСКІЙ, М. Н. Московская политическая литература XVI в. Ц. 85 к.

КОЗЛОВСКІЙ, Л. С. Герценъ—публицистъ. Ц. 90 к.

МОДЕСТОВЪ, А. Е. О смыслѣ жизни въ русской художественной литературѣ XIX вѣка. Вып. I. Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Гончаровъ, Тургеневъ, А. К. Толстой. Ц. 60 к.—Вып. II. Некрасовъ, Успенскій, Салтыковъ-Щедринъ, Чеховъ, Горькій. Ц. 70 к.

ПИЧЕТА, В. И. Юрій Крижаничъ. Экономическіе и политическіе его взгляды. Ц. 90 к.

ПОРТУГАЛОВЪ, М. В. Женщина въ русской художественной литературѣ XIX вѣка (1826—1876 гг.). Ц. 1 р.

РОЗАНОВЪ, С. С. Утопіи въ русской литературѣ и общественной мысли.

СОЛОВЬЕВЪ, И. М. Русскіе университеты въ ихъ уставахъ и воспоминаніяхъ современниковъ. Вып. I. Университеты до 60-ыхъ гг. Ц. 1 р. 25 к.

СИВКОВЪ, К. В. Путешествія русск. людей за границу въ XVIII в. Ц. 85 к

СИДОРОВЪ, Н. П. Цензура по правительственнымъ распоряженіямъ и воспоминаніямъ современниковъ.

СИНЕГУБЪ, Е. С. Дореформенный городъ.

ПОДГОТОВЛЯЮТСЯ КЪ ПЕЧАТИ СЛѢДУЮЩІЯ СЕРІИ.

Всѣ серіи вмѣстѣ составятъ цѣнное СОБРАНІЕ ПРИВЕДЕННЫХЪ въ СИСТЕМУ МАТЕРІАЛОВЪ ПО ИСТОРІИ РАЗВИТІЯ и РОСТА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ съ начала зарожденія Руси до настоящаго времени.

(См. на обор.).

Изъ отзывовъ печати о вышедшихъ книгахъ Культурно-Исторической Библіотеки.

Работы посвящены . . . облегченію для учащейся молодежи и для лицъ, занимающихся самообразованіемъ, пользованія первоисточниками по русской исторіи. Цѣль эта въ высшей степени симпатична, ибо несомнѣнно, что лишь непосредственное знакомство съ первоисточниками даетъ серьезную основу занятіямъ исторіей и пріучаетъ мысль болѣе или менѣе самостоятельно разбираться въ научныхъ контроверзахъ. . . . . **В. Н. Бочкаревъ** даетъ обильный систематизированный подборъ отрывковъ изъ записокъ иностранцевъ о Московскомъ Государствѣ XV—XVII вв. И въ этомъ изданіи чувствуется компетентная рука составителя. . . . . **Работа В. И. Пичеты** представляетъ систематическій подборъ отрывковъ изъ сочиненія Юрія Крижанича „Политичны Думы". По отношенію къ Крижаничу такого рода изданіе имѣетъ несомнѣнно raison d'être. Чтеніе „Политичныхъ Думъ" полностью крайне затруднительно въ виду языка, которымъ онѣ написаны. Между тѣмъ это—одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ для изученія исторіи Московскаго Государства второй половины XVII ст. В. И. Пичета даетъ своего рода vademecum по этому памятнику, систематизируя наиболѣе важныя мѣста, выражающія политическія и экономическія воззрѣнія Крижанича. Отборъ произведенъ, конечно, съ полнымъ знаніемъ дѣла. . . .

А. Кизеветтеръ.—Русск. Вѣдомости, 13/XI. 13. № 262.

. . . Число русскихъ источниковъ, по которымъ можно было бы возсоздать картину домашняго и общественнаго строя древней Руси, очень ограничено... Пользованіе этими источниками не всякому доступно, вслѣдствіе рѣдкости нѣкоторыхъ изъ нихъ, а также потому, что большое число сказаній иностранцевъ напечатано только въ спеціальныхъ историческихъ изданіяхъ, имѣющихся лишь въ столичныхъ библіотекахъ. Отсюда становятся понятными значительность и полезность работы, произведенной **В. Н. Бочкаревымъ**. Его книга излагаетъ содержаніе 27 важнѣйшихъ источниковъ. Она раздѣлена на одиннадцать отдѣловъ (территорія, населеніе, экономическій, сословный, государственный строй, домашній и общественный бытъ, религія и др.). Каждый отдѣлъ, въ свою очередь, имѣетъ детальныя подраздѣленія. Къ каждому подраздѣленію подобраны соотвѣтственныя извлеченія изъ источниковъ. Такимъ образомъ въ небольшой, убористо напечатанной книжкѣ г. Бочкарева сконцентрировано все наиболѣе существенное изъ „сказаній" иностранцевъ-современниковъ. Она будетъ полезна всякому, занимающемуся серьезно изученіемъ русской исторіи. Издана книга опрятно и недорого.

В. Г-нъ.—День, 10/XI. 13. № 306.

Сборникъ, **составленный г. И. Соловьевымъ,** нельзя не встрѣтить привѣтствіемъ особенно въ настоящую минуту, когда судьба нашихъ университетовъ снова является однимъ изъ самыхъ болѣзненныхъ общественныхъ вопросовъ... Документы первой части сборника,—памятники законодательства и акты управленія,—до сихъ поръ не могли быть извѣстны широкимъ кругамъ публики иначе, какъ по пересказу. Рѣдко кому представляется возможность справляться самому въ тѣхъ громоздкихъ оффиціальныхъ изданіяхъ, откуда они извлечены . . . Не только рядовой читатель, но даже любой знатокъ литературы русскихъ мемуаровъ не преминетъ сказать спасибо г. И. Соловьеву за то, что онъ представилъ въ такомъ удобномъ для обозрѣнія видѣ эти отрывки, разбросанные главнѣйшимъ образомъ по множеству томовъ общихъ и спеціально-историческихъ журналовъ. Изъ тѣхъ цвѣтовъ, которые были разсѣяны на такомъ широкомъ полѣ, прилежный составитель сборника связалъ букетъ, и, какъ всегда бываетъ, въ немъ краски заиграли съ особеннымъ эффектомъ.

Н. Сперанскій.—Русскія Вѣдомости, 16/XI. 13. № 265.

. . . Въ частности задача названной книги **(М. Португаловъ. Женщина** въ русск. худож. литер. 19—20 вѣка) заключается въ томъ, чтобы избранными отрывками нашей художественной литературы показать наиболѣе яркіе женскіе образы XIX в., какъ дореформеннаго періода, такъ и послѣ обновленія русской жизни въ 60-хъ годахъ. Передъ нами проходятъ вѣчные образы Татьяны, Ольги, Вѣры, Наташи, Лизы, Вѣры Павловны и мн. др. женщинъ яркими подтвержденіями тѣхъ мыслей, думъ и страданій, которыми жила и мучилась женщина еще столь недавняго прошлаго.

Какъ сжатая и яркая картина изъ русской исторіи XIX в. книга г. Португалова должна заинтересовать всѣхъ любителей историческаго чтенія и вполнѣ достигаетъ намѣченной цѣли.

А. Б.—Современникъ. Январь, 1914 г.

24.01.05.

21.03.05

ордер 1013,
с. 27-39, 29.07.08